

18+

Ольга Апреликова

САДЫ ДРАКОНОВ

Ольга Апреликова

Сады Драконов

«Издательские решения»

Апреликова О. С.

Сады Драконов / О. С. Апреликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530692-0

Эта книга — не только продолжение «Горького Логова», «Тихой Химеры», «Золотого Братика», но и отдельная история бегства, возвращения и становления существа, само появление которого на свет — уже невозможное и запретное чудо.

ISBN 978-5-00-530692-0

© Апреликова О. С.
© Издательские решения

Содержание

Сады Драконов	6
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. Заноза и Железный Котенок	7
1. Не выше сопляков	7
2. Жить по правде	26
3. Уязвимые правила	38
4. Щели и окна	55
5. Подарок	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сады Драконов

Ольга Апреликова

© Ольга Апреликова, 2021

ISBN 978-5-0053-0692-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сады Драконов

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. Заноза и Железный Котенок

1. Не выше сопляков

– Зар-р-раза! – получив когтями по шее, Мур озверел, всерьез перехватил мельтешащие лапы и крепко сжал запястья.

– Пусти! – взвыл мелкий. – Больно же, пусти!!

Мур чуть ослабил хватку. Косточки тонкие, жалкие. Но сильный какой, паразит, выкручивается. Хлипкий он только с виду. Что с ним делать? Так и держать, что ли? Пальцы длинные крючками, глаза белые, зрачки дырками. И переполнены ядом. Когти тоже – шею жжет. Да он весь, наверно, ядовитый. Свирепый. Жалкий. Сопит. И волосы белесые, жесткие, как проволока. Зубы мелкие скалит, выкручивается. Хорек. Взгляда в упор он не снес, опустил голову. Будет еще царапаться? Или кусаться, как утром? Или подлизываться, как вчера? Не будет. Заревет сейчас, и все... Но все вырывается – упрямый.

Мур бросил вывертывающиеся твердые ручонки, оттолкнул его, шмыгающего носом, отвернулся. Шею саднит сильнее, чем исцарапанные, искусанные руки. Он потрогал, глянул – кровь. Зараза. Лето за окном – как не настоящее. Но солнце-то вон, светит, ветер с моря перебирает в деревьях листья – сбежать бы на берег... Или в любой из порталов. Уйти ото всех и всего... От заразы этой мелкой уйти, вот от кого. В стекле окна отражался он сам – космы и бледное лицо, разгромленная комната и мелкая белесая злючка, потирающая запястья. Сколько этой заразе – семь, восемь? Так ведь сам дурак: пожалел. Мол, хоть сиротке буду нужен... И получил. Грязными когтями. И зубами. Нет, ну за что? Мур повернулся и кивнул на дверь:

– Проваливай.

– Нет!

– Ты мне не нужен.

– Не ври!

– Да иди ты... Ты! – нет, нельзя гадости маленьким говорить, какие бы у них глаза ни были. Мур подобрал с пола разодранную «Физику» за 6 класс – только выкинуть, снова разозлился и зарычал: – Ты нарочно ведешь себя как можно хуже!

– И буду!

А крючки-то дрожат. Глаза мокрые. Маленький он все же... Ну, выживет. Сам-то хорош – забыл, кто таков? Друзья, ему? А звезду с неба? Ага. Черную дыру. Может, еще и счастья в жизни? Мур посмотрел на свои исцарапанные руки, на порванную футболку. Потрогал царапины на шее – уже вспухли. Пошел и, чтоб прикрыть позор, переделся в школьную рубашку с длинными рукавами, вернулся и велел:

– Идем к большим.

– ...Чего это?

– Не хочу тебя терпеть, – Мур глянул: противный, паршивый, злющий. Фу. – Да на кой черт ты вообще мне сдался? Блин, я сам себе не рад, а тут еще такая бешеная крыса, как ты?

Мелкий опустил башку, ссутулился, теребя подол рубашки. Какие-то воспалившиеся расчесы на ногах, и весь кажется грязным.

– Не смотри так, – пробормотал мелкий. – А то я опять буду с тобой драться. Ты не имеешь права меня презирать. Держишься, как... Как царевич, но внутри – такая же крыса. Вся исцарапанная.

Мур огрызнулся, как на взрослого:

– Уж тебе-то больше не позволю добавлять мне новые царапины.

Мелкий попятился. Мур отвернулся.

С чего вдруг педагоги решили, что Мур – да еще только из госпиталя – готов возиться с бешеным первоклассником? А Игнатий что – позволил? Игнатию-то зачем? Он вообще школьной жизнью Мура не интересуется – потому что она лишь видимость. Притворство. Мур соблюдал распорядок и правила лишь для того, чтоб люди не догадались, кто он такой на самом деле. С чего вдруг этот паршивый звереныш свалился ему на голову? Да, почти у всех ровесников были Младшие, которых они опекали. Нормальная практика для сиротских заведений. Но Муру, двоичнику и бездельнику, здесь не предлагали Младшего. А ведь это все здесь в школе еще о его прошлом ничего не знают. Если б узнали... Ох. Хорошо, конечно, что есть Служба. И Игнатий. Но куда лучше, что Мур – не где-то в закромах Службы, а в обычной школе. Почему ж так противно?

Школа. Просто школа. Интернат. Для сирот. Море – рукой подать. Нарядные здания, детские площадки, сады – и все, что захочешь, по первому требованию... Как все бессмысленно. А – куда деться? На Геккон? Ага. Только вперед ногами. В интернат Службы, чтоб воспитали супер сотрудника для особых поручений? Нет уж, в детской школе хоть какая-то свобода... Но этот зверенок – что, так и терпеть? Ради чего? Мур велел:

– Пойдем.

Мелкий двинулся за ним без звука. Они прошли пустым коридором – во всем корпусе никого – спустились по лестнице. Когда шли от дома по пестрой от теней дорожке, Мур автоматически проверял взглядом все поблизости открытые вовне норы и отмечал дальние. Это умение видеть дырки (и уходить сквозь них) в другие пространства он скрывал, как мог. Всегда. Ото всех. И вот сейчас шел и не косился. Пройти бы, заглянуть – вдруг там правда хорошо? Да и просто – побыть одному, поваляться в траве... А мелкого куда деть?! Ой, засада... Надо избавляться. И быстро. Он ведь всю жизнь испортит! Какие проемы и приключения с таким хвостом? Нет, нафиг эту обузу. Как же Мур вчера не подумал о главном-то?

Вчера он не был собой. Вчера он, размышлявший дурак, думал о смысле жизни. Вчера, вернувшись в школу и глядя на прежние, знакомые вещи, Мур наконец поверил, что на самом деле выздоровел. Выжил. Ему радовались удивлявшиеся люди, которые полгода назад в мыслях прощались с ним навсегда. От этого Мур стал добрым и щедрым – и правда обрадовался, когда еще в госпитале сказали, что в школе есть малыш, которому, может быть, пригодилось бы его, Мура, внимание и участие. И Мур захотел стать Старшим. Захотел – стать нужным. Пошел знакомиться с Младшим, уже зная, что согласится – и согласился. К тому же бросившийся навстречу мальчишка с первого взгляда показался знакомым, даже родным. Глаза, сияние, невидимые звезды. Удар счастья. Наваждение? Нет, глупость. Затмение.

Или это с ведома Игнатия, и тут присутствует секретный и угрожающий расчет Службы? Ужасно. Лучше считать, что это ошибка педагогов, которые вообще не знают, кто такой Мур.

Снова заболел, тягостно заныв, болевой бок. Мур прошел немного вперед и сел на холодную каменную скамейку. Мелкий подошел и встал перед Муром. Мур спросил:

– Ну, что ты взбесился?

– Потому что ты ничего не понимаешь!!

– А что я должен понимать?

– Ты должен быть самый лучший! Лучше всех! Ты – царевич должен быть, настоящий!

А ты – никто!

– Никто, – кивнул Мур. – Зачем же ты вчера согласился?

– Потому что кроме тебя для меня больше нет никого вообще!

– «Тебя», «меня»... Тьфу. На свете тьма народу. Тебе найдут нового Старшего.

– Мне нужен ты!

– Ага, ну-ну. Ты всегда злой?

– Нет. Но теперь я буду злиться всегда.

Нет смысла с ним говорить. Мур махнул рукой. Мелкий вдруг сел в траву у дорожки и отвернулся. Ревет? Так ведь не жалко. Зараза потому что он бешеная. Еж. Дикобраз. А вчера-то вечером был шелковым щеночком. Говорил шепотом. Смотрел жалко. А с утра... Это – такая ненависть бывает? Мура еще никто не ненавидел. Не любил никто, но – ненавидеть? Ценили. Подкупали. Ловили. Использовали. Пугали. Дрессировали. Презирали. Эксплуатировали. Не считали одушевленным. Еще хотели убить – кажется, из санитарных соображений. Но прицельную ненависть, да еще такую отчаянную, внезапную, он встретил впервые.

Он потер глубокий укус у локтя, будто отпечатки зубов можно стереть. И шов болит. И шею саднит. Хорошо, что рубашка все скрывает.

А ведь сейчас каникулы, жизнь еще беззаботна. Жутко подумать, что начнется вместе со школой: исчадие это туда таскать и отвечать за его успеваемость?! Уроки детские с ним учить?! А при ребятах будут нормальные веселые мышата, а не этот маус... Который даже как его зовут не хочет говорить. Вот пусть и будет – Маус. Маус зачем-то порыл пальцем песок дорожки, повернулся и, почесав тем же грязным пальцем красный край века, вдруг спросил:

– Эта школа – хорошее место или плохое?

Мур задумался. Он бывал во всяких заведениях для сирот: ничего, стерпел. И даже в Доменах, хоть они и так близко к Дому, никто не догадался, что он за существо. Можно было притвориться обычным ребенком, месяц-другой отдохнуть – и сбежать, как только начнут всерьез присматриваться. Дальше голод, холод и воля – хоть давись. От портала к portalу. По лесам, берегам и ущельям – чем дальше от людей, тем безопасней. Рыбки наловить, запечь в костре... Вырыть норку-логово, натаскать туда сухого мха и дремать, дыша в коленки и слушающая, как тихо шуршит бесконечный осенний дождь... Отравиться грибами, вывихнуть, скатившись с обрыва, плечо, пропороть подошву сучком... Найти щель в какой-то нищей гордишке, украсть полмешка картошки, бутылку молока и рваный коврик, чтоб укрываться... Вывалиться в щель на грузовой терминал секретного порта, забитого контрабандой – и прямо в лохмотьях заявиться на борт первого же вставшего на погрузку судна, сверкнуть «нечеловеческими» глазами нави и полгода под кличкой Маугли водить убогий кораблик, увертываясь ото всех погонь. Отравиться какой-то дрянью и неделю проваляться между жизнью и смертью.

Очнуться и обнаружить, что валяешься в тюрьме огромного, достигшего «вольных контрабандистов» крейсера Службы, а охрана говорит на твоём родном языке. Смыться в первую же дыру, потом ныть и ругать себя – и, измучившись от проклятых приключений, через лабиринт порталов вернуться Домой и сдать в первый же приют – в глупой надежде начать все сначала... Сбежать. Год проболтаться в Бездне и вернуться Домой второй раз – ради передышки. Сбежать...

В первый раз сам назвал себя, глупый потому что, во второй – система биометрического контроля Службы сама тут же оповестила кого надо. Оба раза за ним приезжали почти мгновенно. Такие особые люди с холодными глазами. Забирали «в другое место». В первый раз это был знакомый дом в лесу, второй – целый дворец на тропическом острове. Два-три дня не пугали, давали новую одежду, даже книжки и игрушки – и сколько хочешь еды. Но потом появлялись особые люди с глазами совсем уж ледяными, представлялись: «Служба, Дивизион „Кабир“, Геккон» и требовали все рассказать. Где был, что делал – он молчал. Боялся, ежился, когда повышали голос, бледнел, когда пугали, – и молчал. С ними, ни с кем – нельзя говорить. Ни о чем. С людьми, как только они выясняли, кто он такой, вообще лучше не говорить. Все они, даже самые лучшие, тут же... А с этими, со своими, с Геккона... Жуть.

В общем – быстрее смыться, пока не прибыли сами Близнецы. Или особые врачи Службы. С медицинскими чемоданчиками, а там, в ампулах... Мур был, преодолевая растущий ужас, вежлив и осторожен. Выжидал, пока стабилизируется подходящая щель – пусть хоть зима на той стороне, лишь бы – жить. И – в свободу. В первый раз, из дома в лесу, он в зиму, в снег и удрал – успел, хотя портал нормально открылся только к утру. Уже рассветало, и в комнату

вот-вот могли войти... Успел. Спасся. Но не выжить бы, если б, скатываясь с кровати к проему, не схватил вместе с одеждой и одеяло. Зима ведь. Все равно окоченел, пока не нашел проем в мир потеплее, ноги чуть не отморозил и еще месяц кашлял... Да, легко – сбежать через дырку между мирами от любых людей. Даже от Службы. И даже от «Кабира». Трудно – выжить потом...

Маус смотрел на него, замерев и приоткрыв рот. А, о чем он там спросил? «Плохое место»?

– Я бы сказал – нулевое, – Мур вообще-то был глубоко благодарен Игнатию за обычную школу. Полтора года назад возвращаясь Домой, он был согласен не то что на дом в лесу, ледяные взгляды и допросы с уколами, а даже на тюрьму для несовершеннолетних. Даже, наверное, на Геккон. – Зато мы Дома.

– Да какой же это дом! Здесь плохо, – передернулся Маус.

– Мне поф... Безразлично. Так мы идем обедать?

Ел Маус неопрятно, жадно, по-свински обнюхивая еду, роняя крошки, хлюпая компотом – и Мур поесть не смог. Подташнивало. Еле дотерпел, пока Маус наестся – а когда вышли из столовой, у Мауса рубашка стала еще грязнее, даже рукава испачкал... А Маус как будто облизывался – покушал вкусно.

Хорошо хоть, других ребят не было. Лето. Пустота. Даже жутко. Пустая школа, пустой корпус, пустая столовая. Пустой парк снаружи... Взрослых тоже не видно. Идти их искать надо в главный корпус. Дойти бы только. Мур свернул с дорожки под дерево, улегся в траву. Посмотрел на солнце. Маус подошел, смотрел-смотрел сверху, потом сел у самого ствола, начал кору скрести, что-то там высматривать в морщинках и чешуйках. Станный он все же как-то не по-хорошему. Да что ж ему Мур сделал? Улыбался же, заботиться хотел... Нужным стать захотел, дурак... Когда сказку рассказывал, тот лежал, слушал, аж рот приоткрыл...

Мур зевнул. Травинки щекотали саднящую шею. Утро, укусами увертливого психа с ядовитыми глазами, вернуло в реальность. Теперь в душе было уже не больно, а досадно. Как бы выпутаться? Мур спросил:

– Тебя откуда привезли?

– Там меня теперь нету, – с каким-то удовольствием ответил Маус, продолжая ковырять кору.

– Тут лучше?

– Нет, – Маус посмотрел как на идиота. – Тут ужасно и скучно. Но тут ничего не заставляют... Не ругают... Можно делать, что хочешь... Ты вот только... Будто чучело себя самого.

Чучело себя самого? Если б Маус еще знал, насколько прав. Усталость нарастала. И шов все болит и болит. Он сказал:

– Надо идти к большим.

– Мне и тут хорошо.

– Будет еще лучше, как только ты от меня избавишься, – Мур смотрел, как большое белое, плотное, как мороженое, облако величественно и сосредоточенно изменяет свою форму. – Будешь делать все, что хочешь.

– Что хотел – я уже сделал, – буркнул он.

Мур хотел спросить, что, но стало скучно. Да ну его... Он еще немного посмотрел на облако; осторожно, чтоб не побеспокоить саднящий шов, сел и встал на ноги. Маус все еще скреб кору. Бедное дерево.

– Ладно, я один схожу.

– Я тебя ненавижу, – звонко сказал Маус голосом вдруг очень чистым, ясным, какого и ждать-то не подумаешь. Весело очень сказал.

– Я заметил, – Мур отвернулся и пошел по траве к дорожке.

Трава была густой-густой, изумрудной, живучей. Солнце дружелюбно жгло плечи сквозь рубашку. Если удастся еще сегодня сбить Мауса с рук, то, наверное, можно сходить в бассейн, жарко же... Нет, нельзя, доктор не разрешит. Ну, тогда к морю... На дорожке под ногами тихонько зашуршал и захрустел песок. Морской песок, веселый, – если разглядывать, все песчинки разноцветные. Посидеть бы на берегу, послушать прибой... Или смотаться в какую-нибудь щель поинтереснее? Чтоб там была осень? Или хотя бы просто – лес... Как раз такой есть в углу сада, у корпуса, он еще утром видел... Дорожка шла под старыми яблонями, тень от их листвы качалась синими кружевами на белой высокой стене справа и лиловыми – на песке дорожки. Идти долго, да там еще... Все объяснять...

Под левую лопатку его навывлет пробило копьём, а под ноги покатилося мелкое зеленое яблоко. Твердое жутко даже на вид. Он едва смог перевести дыхание; изогнулся, потер, где больно. Обернулся – Маус догонял его. Бежал как-то неуклюже, прижав руки к бокам, сутулясь как-то, вприпрыжку, и голову нагнул... И правда, хорек.

Директор школы вчера вечером отбыл в отпуск. Двое его старших заместителей – тоже. Лето. Мур посмотрел на запертую дверь директорского кабинета и ничего третьему заместителю, молодому дядьке в белоснежной рубашке, говорить не стал. Только стыдно стало, что Маус этот полоумный рядом – такой замызганный. И вертится и припрыгивает, как дурак.

– ...На вторую-то смену вы в лагерь опоздали, Мур, но на третью ведь можно, если захотите. Вот тебе «Солнечное лето», может, что приглянется, – дядька сунул пестрый буклетик. – А то смотри, здесь ведь сейчас без братвы-то лихой куда тише, чем в любом лагере, тебе после больницы-то как лучше? Что-то ты бледноват, как ты себя чувствуешь?

– Устал немножко, – самое выигрышное – полуправда.

– Так ты отведи мелкого-то своего в Игровые, а сам отдохни... Да, Мур, послезавтра-то к тебе приедут, ты помнишь?

– А... Нет, забыл. Спасибо, что напомнили, – Мур невольно улыбнулся.

Послезавтра приедет Игнатий. Вот с кем можно будет посоветоваться насчет Мауса. Спросить впрямую, и все. Надо только дотерпеть.

Когда вышли, Мур дошел до первой скамейки на солнышке и сел. Маус плюхнулся рядом и стал чесать глаза. Мур сидел и старался ровно дышать. Солнце утешительно грело макушку и плечи. Плохо, что болел уже не только шов, но и глубже, внутри. Говорили же врачи, что много ходить пока не надо... И не волноваться – ха. В спину дуло – он оглянулся посмотреть: совсем рядом открылся проем в какое-то зимнее пространство. Пахнет вкусно – снегом, ледышками, яблоками... Но этого никому не почувствовать. Зимой хорошо отсюда любоваться, а на той-то стороне, без еды и теплой одежды... Дураков нет. И нечего туда таращиться. Вот и Маус забеспокоился, чем бы его отвлечь? Он вспомнил про буклет и сунул в руки Маусу. Тот схватил жадно, стал листать, сминая и пачкая страницы. Мур отвернулся. Опять затошнило слегка, как в столовой или как после особых лекарств в госпитале. А Маус шуршал буклетом, бормотал что-то, ухал, шептал что-то себе под нос – Мур не прислушивался. И вдруг Маус двинул ему локтем прямо в больной бок:

– Ты! Ты почему не выбираешь?! Мы куда... Ты... Ты что?

Мура продирали ледяными мурашиками по всему телу, а в бок будто в самом деле вонзилась копьё, только теперь уже острое, а не тупое яблочное. Он прижал к боку локоть, стараясь дышать пореже. Спина и лоб взмокли холодными гадкими капельками. Проем в зиму захлопнулся и, наверное, на всей территории школы позакрывались все проемы, от ворот до щелей и нор. Да что же больно-то так... Маус вскочил и отбежал на несколько шагов, встал за дерево, спросил оттуда шепотом:

– Ты что? Ты что?

– Ничего, – потихоньку выпрямился Мур. – Ты только это... Просто не подходи ко мне близко.

– Нет.

– Ну и не надо. Не подходи, и все.

– Я забыл, что ты был в больнице.

– Отвяжись, – осторожно поднялся Мур. – Пойдем отсюда.

– А это? – он показал буклет. – Ведь надо выбрать? – он догнал Мура, сунул в лицо пестрый ворох измятых страниц: – А вот тут что на картинке – это лес такой бывает? А там медведи всякие есть? А вот это что такое – это такие домики, да? Чтобы жить? А там что внутри?

– Отвяжись, – повторил Мур, отстраняя его левой рукой подальше от себя. Он был твердый, но отступил послушно – повезло на этот раз. – Да выбирай ты себе все, что хочешь. До третьей смены еще две недели.

– Это немножко, – он опустил растрепанный буклет, прижал его к пузу и попытался разглядеть какую-то страницу. – А ты где уже был? Вот тут, где такие горы – был? Надо туда, где ты еще не был, потому что мне-то ведь все равно, я вообще нигде не был...

– Ты что, совсем дурак? Ты не понимаешь? Мы никуда с тобой не поедем – вместе! Такого слова про нас, этого «вместе» – нет! Ты что, забыл, зачем мы сюда приходили? Сейчас начальства нет, но ведь они вернуться, и я от тебя избавлюсь.

Он стоял, тупо хлопая глазами. На щеке присохла полоска соуса, и в углах рта болячки. И веки эти красные. Закрыв буклет и сунул за пазуху – тот проскользнул под грязной рубашкой и шлепнулся на дорожку. Он его быстро подобрал, вытряс песок, прижал к пузу – и вдруг сказал звонкой, как колокольчик, скороговоркой:

– Прости-пожалуйста-что-я-бросил-в-тебя-яблоко-догнать-не-мог-бегаю-плохо-прости-не-буду-больше!

– Да ладно. Уймись.

– И тут, на лавочке, – он показал, как пихнул локтем, и буклет опять шлепнулся в песок. – Прости, я забыл, что у тебя бок болит. Я не буду справа подходить! – подобрал буклет, опять прижал к себе: – Не буду!

– Спасибо.

– Я не буду кусаться! – крикнул он. – Я тебя не ненавижу!

– Отвяжись!

– Послушай, но ведь ты ничего про меня тому дяденьке не сказал? – тихо спросил он. – Что хочешь, чтоб меня не было?

– Этот дядька – не начальство, а так, заместитель. Он ничего не решает.

– А мне показалось, что ты передумал, – сказал он гнусаво, потому что опять принялся противно вытягивать губу и морщить нос.

– Нет. Тебя вести в Игровые?

– Я вторую рубашку потерял где-то, – гнусил он, уставившись в землю. – Мне тут дали две, потому что я без ничего приехал, потому что багаж потерялся; сказали, что все дадут и ничего страшного, но дали больше всякие там носки и трусы, а вторую рубашку я потерял.

– То есть ты не пойдешь в Игровые в таком измызганном виде?

– В из... как? В грязном? Нет.

Вообще-то в корпусе была такая особая комната со всякими новыми вещами, где можно было брать все, что нужно, но Мур что-то про нее забыл. Надо идти. Он пошел. По дороге раза два сидел на скамейках. Маус по дороге вел себя тихо и близко не подходил, а когда увидел загроможденные полки и вешалки – растерялся. Мур кивнул ему:

– Бери все, что нужно.

Он опять уронил буклет, но в этот раз подбирать не стал. Через минуту Мур понял, что подобрать себе рубашку он не может. Мур подвел его к вешалкам:

– Вот отсюда и до этой таблички. Давай быстрее.

Он торопливо сцапал синюю футболку, пару рубашек, еще футболку, жуткого (но очень точного, чистого) оранжевого цвета и растерялся – куда деть? Мур подал ему пакет:

– Сюда. И еще штаны. Нет, эти зимние. Сойдет. И еще обувь. Не хватай так, надо померить... Давай сам.

Пока Маус возился с сандалиями, Мур отошел и взял себе зеленую (терпимого цвета, с сизым, как осока, оттенком) футболку – а то старые после больницы надевать не хотелось. Еще взял тетрадки – все равно же экзамены теперь сдавать, значит, надо заниматься – и пару книжек. Маус внимательно следил за ним – поверх белых коробок с чем-то еще не распакованным было видно только еж волос и в красном контуре глаза с черными дырками зрачков. Мур вспомнил, что он потерял свои игрушки, и кивнул на полку с разноцветными коробками: если Мауса что-то из этого хоть на полчаса займет, и то удача. Тут он справился удивительно быстро: вытащил одну маленькую летающую машинку с пультом и целую минуту обалдело разглядывал сверхнарядных кукол. Мур забеспокоился:

– Ты что?

– Это очень странные игрушки. Модели людей, что ли?

– Вроде того. Для маленьких девочек. Ну, идем, ты ж не девочка.

Маус фыркнул:

– Когда я был маленьким, я вообще не знал, что девочки есть на свете.

Мур вздрогнул. Когда он сам был маленьким, он тоже этого не знал. Довольно долго. Стоп. Нельзя вспоминать.

– Тебе рассказывали, почему ты осиротел? – не надо было задавать этот вопрос – но с Мауса все как с гуся вода.

Он хрюкнул и опять посмотрел на Мура как на идиота:

– Я не осиротел. У меня вообще не было никогда родителей.

Мур присмотрелся. Да, это не сиротство стоит серой стеной в его глазах. Это...

– Я – человек понарошку, искусственный, – сообщил Маус. – Нави. От слова «Навигатор», потому что изначально...

– Я знаю.

– Еще бы. Ты сам такой же. Нави.

– Не говори никому, – преодолев дрожь, серьезно сказал Мур. Какие у него детские глаза – доверчивые? У Мауса?! Чего это? И когда он этот взгляд уже встречал? – Ни про меня, ни про себя. Особенно детям.

– Да это ясно, – отмахнулся Маус. – Знаю я... Как они смотрят и как разговаривают... Ладно, я не буду болтать.

Дома было грязно после утренних боев, но Мур махнул рукой и пошел в свою комнату. Положил новые книжки и тетрадки на пустой стол. Теперь придется снова жить здесь... Противно. Он прилег и сказал Маусу, замершему в дверях со своими пакетами:

– Иди к себе. Если можешь, веди себя тихо.

Маус исчез. Несколько минут Мур прислушивался, но было тихо, бок переставал болеть, и он сам не заметил, как уснул. Проснулся от легкого шороха, поднял голову – Маус осторожно собирал с пола осколки разбитой утром чашки и обрывки учебника. Увидел, что Мур проснулся, сразу присел и уставился своими черными дырками. Мур усмехнулся:

– Ты что, исправляешься?

– Не обольщайся. Я тебе еще устрою... всякое, – пообещал Маус, кривясь. – Когда выздоровеешь и перестанешь быть чучелом. Извини, что разбудил. Я бы и утром не бесился, если б помнил, что ты только из больницы. Я везде прибрался, и рубашку постирал. Что еще сделать?

– Сам отмойся.

Он молча кивнул, собрал оставшийся мусор и вышел. Мур еще полежал, прислушиваясь к ноющему боку – странно, ведь в больнице вообще уже ничего нигде не болело? Потом

встал. До вечера было еще безнадежно далеко. Он задрал рубашку и посмотрел на шов – что-то неприятно красный... Сходить к доктору? А Мауса куда? Он подошел к окну и посмотрел в угол сада, где утром заметил проем в пасмурный осенний лес – ничего. Закрылся наглухо. Стало не по себе. Проемов он не видел, только когда бывало совсем плохо. Но сейчас ведь не опасно болит? Паршиво...

Отмывшийся и надевший новую одежду Маус стал похож на человека. Вот только глаза... и ноги... Грязь смылась, и отвратительные расчесы явились во всей воспалившейся гнойной красе. Болячки в углах рта – тоже. Нет, к доктору надо прямо сейчас. Мур сходил умыться и позвал:

– Идем.

– Куда?

– С этим надо что-то сделать, – кивнул он ему на ноги. – Давай, тут доктор недалеко...

– Я не хочу!

– Я тоже, – устало сказал Мур.

А доктор сказал:

– Мурчик, радость моя живучая! Ну как ты? Я сейчас собирался сам тебя проведать.

– Бок болит.

– Давай посмотрим... А внутри тоже болит?

– Днем болело.

– Бегал? Тебе же все сказали, что надо беречься!

– Убережешься тут...

– Да на самом деле не страшно. Перенапрягся... Только знаешь что... Давай-ка помажем... И заклеим. Сейчас пойдешь и ляжешь, ужин тебе домой принесут, а утром я зайду и посмотрим... Ты уж побереги себя. Все ж тебе такой шанс выпал, так ты цени.

– Я ценю... – Мур доктору почти невольно доверял: они хорошо познакомились, когда Мур зимой заболел. – Вот еще что... У меня тут Младший теперь, и...

– ...Кто? Тебе дали Младшего?

– Да.

– Тебе, сейчас? – чего переспрашивать-то?

– Вчера.

Доктор долго смотрел на него, недоумевая, потом вздохнул:

– Очень некстати. Еще бы у тебя бок не заболел.

– Да дело не во мне. Посмотрите его, пожалуйста, а то я не знаю, чем его намазать, да и нечем.

Когда Маус вошел в белый кабинет, то показался еще больше похожим на хорька – сгорбился, уставился исподлобья. И болячки эти его, и сам – мелкий, тощий, непросохшие волосы торчат иголками. И опять губу вытягивает. Доктор почему-то встал. Маус съежился. Доктор глубоко вздохнул и сказал ласково:

– Да ты-то чего боишься? – оглянулся на Мура и предупредил: – Будет скандал. Да, Мур, будет скандал, и кто-то получит по заслугам... Но это не ваше детское дело. Вот что, Мурчик. Я его тут у себя на ночь оставлю и, что могу, сделаю. Ничего у него страшного нет, к утру вылечим. Другой вопрос, кто его к тебе с конъюнктивитом и такими болячками подпустил... Иди к себе, Мур, иди и ложись. Да, вот тебе еще витаминчики, их надо растворять в воде. Иди.

Мур и пошел, зажав в кулаке пузырек. Оглянулся еще на Мауса из дверей – тот, как псих, пятился от доктора, странно прижав локти к бокам, а кулаки к груди, а доктор что-то ему тихонько говорил...

Доктор прав. Нельзя подпускать к человеку с едва зажившим швом такое грязное существо с гнойными болячками. Мур опять нечаянно вспомнил, какие вчера у Мауса были глаза. Будто дождался кого-то родного. Да если б Мура хоть кто-то, хоть где-то ждал так, Мур бы...

Маус ошибся. Придумал себе какого-то волшебного Старшего царевича, а Мур – всего лишь... Теперь всего лишь Мур. Никто.

Он отлично выспался в полном покое, и бок наутро вообще не давал о себе знать. Первым делом он подошел к окну и посмотрел в угол сада: того желтого проема в осенний лес не было. Но в стороне еще неустойчиво мерцал новый, изумрудный, точнее не разглядеть, и вдали еще, прямо в белой каменной стене вдоль дорожки переливалась пестрая, веселая щель. Значит, все хорошо. Он вздохнул и благодарно улыбнулся, сам не зная кому. Кому? Ну, наверно, тому, кто решил вложить в него эту редкую способность видеть порталы и пользоваться ими.

Это Близнецам, что ли?

Сразу замутило. Про порталы Близнецам не должно быть известно. Но остальное, надо признать правду, все, что Мур умеет, – это их вклад, их обучение... Их дрессировка. Беспощадная. Ну, а как еще обучать младенца водить корабли в таймфаге? Биологические механизмы подражания, стимуляция соответствующих зон мозга: хороший, правильный цвет – радость, плохой цвет – страх и боль... Но он летал лучше всех в своем возрасте не из-за их грамотной дрессировки. А потому, что был глуп и верил, что если будет хорошо, правильно, красиво – лучше всех! – летать, Близнецы его похвалят... Стоп.

Все хорошо. Вот попить молока вместо завтрака, и можно будет заглянуть в ту веселую дырку. Посмотреть, что это там красивое, как праздник... С блестками даже какими-то золотыми и красными... Но вот умение видеть щели и проникать в них – это тоже Близнецы вложили? Почему тогда они не знали, что он шнырять по пространствам и временам сам научится? Без всякого таймфага? Вообще без всяких устройств?

Он не сдвинулся с места, стоял и смотрел за окно. Трава, деревья. Тот же самый мир, что и в комнате. Тот же воздух и свет. Как безопасны простые окна. Просто впускают свет, а если открыть – воздух. Через окна не выйдешь в другие времена и края. Ну, заглянет он вот в ту праздничную дырку с блестками, а там интересно, хорошо – и что же, уйти? Опять взять – и уйти опять отсюда? Насовсем? Там ведь столько чудес... Но – зачем они ему? Чудес этих было – уже без счета.

Мур силой заставил себя отвернуться от окна, сел на пол и зачем-то закрыл ладонями лоб и глаза. В уме замелькали полузабытые картинки: вот праздник на широкой реке: переполненные людьми, размалеванные полосатые лодочки, желтые, синие, зеленые яхточки, буксиры с синими и черными баржами, суда побольше, полные пассажиров, пароходы с черными и красными трубами – черный дым клубами под самое серое небо, крики, гудки, – и вот бы хоть кто-нибудь взял покататься, хоть бы на самую жалкую лодочку... А вот маленький стеклянный, домиком, фонарик со свечкой высоко-высоко на скале – кто его туда поставил? – а скала-то среди голого черного леса, глухая ночь, слепые звезды – холодно, страшно, и он так туда и не шагнул даже, только потом все думал про фонарик: а может, там наверху пещера и там живет кто-то? Кто? ...А вот под белым от зноя небом пустой, глиняный город-лабиринт: башни, строения с торчащими наружу балками, и веет от углов лентами сухой глиняной пыли – брошенный человеческий термитник, и нет воды... Куда они все ушли? Какие они были? Кто? Под наносами песка и пыли что-то хрустело под ногами, он даже думать не хотел, что. Убежал обратно, на свою сторону, в опостылевший приют. В приюте хотя бы все понятно: где и когда. «Где» – это он почти всегда, помучившись ночку-другую, посчитав, понимал по звездам, а вот с «когда» – не разберешься сходу. Прошлое, будущее?

Лишь бы не слишком далеко от времени, в котором родился. Древность опасна. Хотя, конечно, безвозвратно уйти подальше и поглубже в чужое время было бы самым верным – в этих спутанных, глубинных, страшных слоях времен Близнецы б его никогда не отыскали. Но глубокие времена наводили страшную тоску. Что ему до тех эпох? Там жизнь точно станет бессмысленной. К чему таймфаг или даже простой поисковый расчет – в Средневековье? Тот первый приют (потому он в нем и застрял) хотя бы находился в том же временном слое, что

и его собственное время, где-то близко, примерно за полвека до его рождения, все безопасно, вещи и люди понятные, место – Легийские Домены, в небе – терминалы и искорки кораблей. Надо только придумать, как попасть хоть в какой-нибудь порт: тогда им владела глупая идея по-настоящему, а не через ненадежную щель, попасть Домой из Доменов, даже на Геккон – ведь тогда даже Близнецы еще не знали бы, кто он такой, и... И, может... Все бы сложилось хорошо? Они бы не захотели его уничтожить? И Дома – он ведь мог бы пригодиться? Наверно.

...А в том приюте было хорошо, хоть он и считался там малолетним преступником. Ох как это уже давно было – этот самый первый сиротский приют! И как с ним повезло! Вышел из щели – город как город, людей много, холодно, снежок – пошел и украл куртку в магазине. Никто не остановил. А через десять минут – засмотрелся на сахарные горячие булки и ватрушки в витрине кондитерской – поймали. Как-то он очень и не испугался, когда взяли за шиворот и сунули в желтую машину – старинный прототип люггера – с мигалками. Но никто не бил, не орал – наверно, он страшно жалким тогда был, грязный, в отрепьях, худущий – перед этим долго жил в лесу, ел только грибы, ягоды и рыбу из речек и озер... А ее еще попробуй, поймай. Но наступила осень, пошли дожди, он простудился, кашлял и мерз – и сунулся в первую же щель с цивилизацией: улица, дома. Люди ходят. Страшно было, конечно: он так давно не видел людей. До этого он перемещался только по тем щелям, что вели в какую-нибудь безлюдную природу, желательно, с плюсовой температурой воздуха. А тут – зима. Но когда-то надо попробовать пожить среди людей? Сколько можно оттягивать? Заболел ведь уже даже. А люди, наверно, помогут? Потому что он маленький. А не помогут – можно поискать еще портал... Но не пришлось. Люди помогли: даже еще в ворованной куртке не успел согреться – а уж поймали. Наверно, запрут где-нибудь и будут разбираться. Может, даже накормят. Тут развитое государство, богатый город. Куртку вон даже не отобрали... Он так, оказывается, устал быть совсем один и сам о себе заботиться. Какие большие эти полицейские. А от него, наверно, воняет... Люггер мчался над серым городом, большие что-то говорили ему – он и понимал, и не понимал искаженные слова, настолько запутанными были в них звуки: «Гдо исте, дзитте? Какж сибие именуиши? Гдэ тва роджиче? Какж ту пржибыл суджа?» «Дзитте» – это они его так называют? Дитя?

В тепле люггера накатила сонливость, потом он еле дошел – вели за шиворот, но аккуратно – по полицейским коридорам в какую-то маленькую комнатку, где были только прикрученные к полу стол и стулья. Принесли еду – он не смог, только попил горячий чай, потом пришли врачи с чемоданчиками, морщась – он ведь был грязный – осмотрели и сразу забрали в детскую больницу. Там напала куча людей в медицинской одежде: вытряхнули из новой куртки и старого тряпья, отмыли, обстригли космы, одели в пижамку и халатик, напичкали кашей и лекарствами и наконец заперли в изоляторе – как же он был счастлив! Пижамка! Кроватька! Одеядко! Подушечка в белой-белой наволочке! Чистота чистейшая! Тишина! На столике бутылка со сладкой микстурой от кашля и термос с чаем, и белые-белые кружка и тарелка... На тарелке – ватрушка с творогом! Белые стены, окно, за которым внизу сквер, а дальше улицы с домами, с машинами – и там люди ходят... Как же, оказывается, он устал от природы.

После двух недель в изоляторе – сидел один, пил лекарства, откармливался, с помощью детского наладонника разбирал и учил слова здешнего языка, а полиция тщетно пыталась установать его личность – одели в новую одежду, сквозь зиму (во время полета сквозь белый-белый снег видимости никакой ни на небе, ни на земле) отвезли в приют и сдали под надзор.

Надзор? Там было столько маленьких пацанов в одинаковой одежде, что он в первый же миг понял: большим тут некогда следить за каждым. Здания старинные, красно-кирпичные, мрачные, белые сугробы, забор высокий, взрослые в серой форме, похожей на полицейскую. Коридоры с высокими-высокими белыми потолками, такие же классы, спальни... Его тогда сразу переодели в форму – белая рубашка-черные штаны и куртка, ужасные ботинки –

и отправили в класс с противно-горчичного цвета стенами. Мальчишки все мелкие-мелкие, безопасные, но он, пожалуй, еще мельче их... Жизнь пошла по режиму, строим. Всегда холодно. Но много еды, и всегда дадут добавки, если попросить. Спальня на двадцать пацанов, уроки – и три спортивных тренировки в день: спортзал-бассейн-спортзал. Стальная дисциплина. Какое-то военное место? Он скорей учил язык, чтоб разобраться. Но жесткая дисциплина – не настолько жестокая, конечно, как там, где его растили с рождения – успокаивала. И не надо думать, где взять еду и как устроиться на ночь потеплее. И вообще не надо принимать никаких решений – делай, что велят. И полагается такой же, как всем пацаньятам, кусок призора и заботы, и, как всем, время от времени перепадает от больших «молодец, правильно» или «умница». Чистота, класс, парта, учебники с картинками, тетрадки. Цифры такие же, как Дома, а детская эта арифметика простая, как считалка... как бы не выдать, что знаешь больше? Тогда же он разобрался и с календарем, и с точным местонахождением: не так и далеко от Дома. Потому и язык такой – родственный. Он быстро начал болтать с мальчишками, его стали брать в игры – правда, все равно прозвали Инопланетянином.

Остался бы он там насовсем? Если б не привлек серьезное внимание больших? Если бы рос, как все другие дети? Если б не стало скучно? Сколько бы еще он мог притворяться обыкновенным?

Спокойная жизнь в приюте продлилась всего-то два с половиной месяца. Даже зима не успела пройти. Слишком быстро из его тетрадок исчезли языковые ошибки. Слишком быстро решал задачи. Слишком быстро бегал на тренировках и осваивал сложные трюки в кружке акробатики. Приют не был, конечно, военным в полном смысле слова, но и долгие уроки, и многочасовые тренировки работали на то, чтоб годам к двенадцати подготовить сирот к поступлению во всякие кадетские училища. И в нем, конечно, работали специалисты с наметанным взглядом. Такую золотую рыбку, как ни прикидывайся плотвой, они пропустить не могли. Сначала он заметил, что они переглядываются поверх его головы. Потом стали забирать в маленькие кабинеты, и там – или сиди один, решай всякие тесты, или веди беседы с большими – кто ты и откуда, а ответ «потерялся-упал-ушибся головой-ничего не помню» вызывал реакцию «а врать-то ты, маленький, не умеешь». Ну и в конце концов приехали другие люди, не в форме, взглянули на него, на родном его языке сказали: «Привет, малыш», пожали руки приютским специалистам, а его сунули в машину и увезли в «другое место». Служба всегда работает очень хорошо. Профессионально. Не пугали, не ругали. «Поживешь пока тут», и все. И никаких «Откуда ты взялся?» Несколько этажей в небоскребе, высоко-высоко над старинным городом, комната с кроваткой и игрушками, выходить одному нельзя; но не под замком, и никаких допросов. Вкусная еда, каждый день новые книжки или игрушки, сколько хочешь смотри сказки на родном языке – и через пару дней Мур сам сказал: «Я хочу Домой». Они сказали: «Пожалуйста». Они спросили: «А домой – это куда именно?» Мур ответил, что «Домой» – это пишется с большой буквы. Потому что – Дом. Который планета. Большие сказали: «Хорошо. Через неделю – наш корабль пойдет на Дом. Отправим. А дальше-то – куда? И объясни, ребенок, почему тебя никто не ищет?» Мур ответил правду. Что никто просто еще не знает, что он потерялся. Потому что он, извините, еще только через пятьдесят появится на свет. Они не удивились. Поверили. Сказали только, что вернуть его в родное время нет возможности. Что у них гонцов такого уровня нет. Он хотел спросить, живет ли уже на свете Вук Дракон, но не решился. Наверное, еще нет, ведь Вук еще мальчик... Значит, в свое время не к кому возвращаться, и Мур сознался, что сбежал из своего времени. «Все-таки сбежал, а не потерялся?» Стало немного страшно, но он все еще был тогда наивный дурачок и верил большим. Опять сказал правду – что нави, что появился на свет на Гекконе, и что хочет обратно Домой, чтобы водить корабли и приносить пользу.

Он не понял тогда, почему глаза больших остыли. Не понял, почему изменился их тон, когда они сказали, что – да, его обязательно надо вернуть на Геккон, а выдавать себя за чело-

века – глупо и отвратительно. Они быстро собрались и ушли, ничего не объясняя, и дверь почему-то за собой – заперли. И потом несколько дней никто больше не приходил к Муру в комнату, не разговаривал о чем-нибудь интересном, не улыбался, не дарил игрушки. Даже еду приносил робот. Мур подходил к двери и слушал далекие голоса – слов не разобрать, но можно различить знакомые голоса... Даже смех. Они работают, они заняты своим делом. А он – будто вычеркнут из их внимания. Как будто он провинился в чем-то плохом. Нельзя выдавать себя за человека? Но он ведь и не выдавал, а просто жил себе и жил... Почему их участие, их поддержку – будто выключили? Он что, перестал для них быть ребенком, которому нужна забота и доброе слово? Да. Ведь он – нави. Вот и все. Близнецы ведь тоже никогда не относились к нему по-человечески... Мур часами стоял у окна и смотрел на чужой город. Думал. А экран, стоит включить, все показывал человеческие сказки. Про дружбу, про приключения. Про как надо спасать принцесс и побеждать чудовищ... Про всякие добрые дела. И герои столько всего хорошего говорили друг другу... Но ведь он тоже умеет дружить? Он ведь ладил с пацанятами в приюте, играл, смеялся? Хотел быть, как они... Это что же, значит – выдавал себя за человека? И так – нельзя? Надо быть нави – и все? Что же, и друзей тогда – никаких? И добрых слов?

Может, опять уйти, убежать, отыскать какой-нибудь самый красивый проем и уйти туда навсегда – но что будет там с ним дальше? Кто будет о нем заботиться, давать еду, кров, одежду? Кто будет защищать? В лесу жить трудно. И бессмысленно. А с людьми... Эх. Значит, надо найти мир, где никто даже не слышал о нави. Тогда и будут сказки, дружба и всякое другое хорошее... Наверно. Он стал думать о порталах. Их всегда надо было поискать, иногда по несколько дней, но ведь самый-самый первый открылся ж прямо в двух шагах от его кровати? Когда он вот так же сидел взаперти и никуда нельзя? Он лежал и мечтал тогда, чтоб прямо в стене открылось окно, в которое никто не запрещает смотреть. А открылся – проем. В волшебный лес...

Мур улегся на кровать и свернулся, как тогда, грустным клубком. Специально вообразить себе портал не стал. Не помогает, он раньше пробовал. Надо мечтать о каком-нибудь хорошем месте... Где все хорошо, светит солнышко, никого нет... Где неважно, нави ты или человек...

Зря он дал волю памяти. Только расстроился. Ну да, открыть портал и уйти искать сказки – что еще тогда он мог? Он был мал и совсем один на свете. Не хотел быть нави. Но сказок не существует, и нечего обманывать и себя, и других. Нави быть не перестанешь. Смысл жить – только здесь. В чужих краях – кому он нужен? Хватит, набегался. Он трус. Он боится. И всегда боялся. Всего. Да, боялся. Очень. И готов со многим примириться, чтоб оставаться здесь – Дома, в родном времени, в безопасности. Здесь его создатели сложили всякие странные гены и получился вот он такой – значит, он им хоть на что-нибудь пригодится?

Но ведь Близнецы еще давным-давно считали, что ему такому (да какому?!) – лучше не жить... Хотели уничтожить. Потому что – брак, неудача. Они так и сказали: «Провал проекта». Вряд ли они передумали.

Завтрак прислали в таких же интересных походных контейнерах, как вчера ужин. Он сказал, что на обед придет сам. И еще спросил, сколько ребят всего в школе.

– В этом секторе только ты да твой младший в медпункте, – через робота доставки ответил ему диспетчер. – Обед для всех в три, в главном корпусе. Вашу детскую столовую закрыли на ремонт. В главном корпусе, понял? Не опаздывай. Тебе там доктор меню особое составил.

Мур слегка огорчился. Меньше всего хотелось подходить к главному корпусу и маячить на глазах у больших. Он успел поесть и порешать прямо в рваном учебнике задачки по физике, когда пришел доктор:

– Делом занят?

– Не хочу на второй год оставаться. Сдам осенью, что успею, и в первой четверти нагоню. Надеюсь, мне это разрешат.

– Конечно, разрешат. Давай посмотрим твой бок... Ну, и тут все хорошо, только опять помажем и заклеим, из-за мыша твоего, вдруг все же грязь попала... Чтоб без риска.

– Как он?

– Спит. Да что его болячки, вот нервы у него... Потому и чесался. И в глаза грязь занес. Но ничего, за ночь почти все прошло.

Мур подумал и спросил:

– А он... В принципе – нормальный?

– Нормальный. Только невоспитанный и издерганный, – доктор пожал плечами. – Вроде тебя, кстати. Только ты скрытный, а он – весь вот он, любуйтесь.

– Мне по ошибке его доверили.

– А ты подумай хорошенько, стоит ли исправлять такую ошибку. Он ведь тебя любит, – заметил доктор. – Я еле отвязался от его вопросов о твоём здоровье. Тебя, конечно, нельзя не любить, но...

– Меня?! – захотелось убежать.

– Спокойно. Ты, Мурчик, делаешь все, чтоб никого не подпускать к себе. Но не думай, что твое хамство и ледяные взгляды хоть кого-то обманули. А мелкого ты точно не обманешь. Да, тебе теперь совсем некстати такая обуза, но, раз уж это случилось... Держись. Да, слушай, а я так и не понял, откуда его сюда привезли. Ты что-то знаешь? Медкарты нет; он говорит, вообще все вещи и документы потерялись. А на вопросы только смеется или плачет. Лазутчик.

– Ничего не знаю. Мне он даже не сказал, как его зовут.

– Да, мне тоже. Это детская защита глупая. Ладно, начальство вернется, будем разбираться. Ты-то сам как, готов с ним встретиться?

– С ним тяжело.

– А он рвется к тебе. Ты – хороший Старший, Мур, и...

– Я?! Я вообще никакой не Старший!

– Да брось. Ты, Мурчик, толковый, к тому же...

– Я второгодник и хам!!

– Ты хитрец и умник, – засмеялся доктор. – Отрадно даже просто говорить с тобой – теперь-то ты не огрызаешься на любое доброе слово. Присмотри хотя бы за мелким, пока выясняют, кто он и откуда.

Маус выглядел человеком. От расчесов на ногах остались только белые следы, в углах рта болячек не было, веки тоже не красные – другое дитя, да и только. Тихий, осторожный. Помалкивает. Глаза не ядовитые, и вроде бы и не злится больше. И ел аккуратно, но, может, потому, что вокруг было полно взрослых со всей школы. Муру все приветливо улыбались, говорили, как рады видеть – опять толком поесть не смог. Рады? Что подумают все эти люди, если узнают, что он нави? Им будет мерзко. Вот Игнатий приедет... Попроситься куда-нибудь, где можно будет жить по правде? И не скрывать, что нави, и заняться наконец чем-то толковым... Игнатий!! Вот кто даст совет, что делать с Маусом!

Но это ведь если Игнатий сам встречу с Маусом не подстроил...

– Ты чего? – тихо спросил Маус. – Ты белый стал, тебе опять больно?

– Нет.

– И ты еду не ешь...

– Ну и что. Тебе-то что за забота?

Маус опустил глаза, ссутулился. Они сидели за отдельным столиком в сторонке от больших, и Мур все никак не мог решить, звать ли его с собой. А Маус еще ниже поник под его взглядом, сгорбился, опустил лицо, пряча сморщенный нос – и Мур наконец догадался, что все его мерзкие гримасы – какой-то нервный тик. Он не сам гримасничает. И невольно сказал:

– Да ладно, Маус. Пойдем домой. Не в медпункте же тебе жить.

– Я тебе не буду мешать, – шепотом сказал Маус. – А ты почему меня так назвал – «Маус»? Это что значит?

– Принято маленьких «мышатами» звать, а «маус» просто значит «мышь» на другом языке. Ты ж не захотел сказать, как тебя зовут.

– А если я скажу?

– Зачем мне твое имя? Я ведь не передумал.

– Но ведь я твое знаю.

– Ну и что. Ты наелся?

– Но ведь ты вообще не поел?

– Ну и что! Отвяжись. Все, пойдем.

У выхода к ним подошел доктор. Улыбнулся просиявшему Маусу и молча показал ему на качели в полусотне метров от столовой. Тот кивнул и ушел, не оглядываясь. Мур сказал:

– Да, пока я присмотрю за ним. Но он мне мешает. Вот начальство вернется, и я откажусь.

– Твое право, – кивнул доктор. – А может, передумаешь? Смотри, он ведь хороший, болячек больше нет.

– Ну и что. Выживет и без меня. Крепче будет.

– Как ты?

– А разве нет?

– Да. Ты будто железный, Мур. Но... Может, тебе все же не стоит смотреть на него, как... как на таракана. Найди для него доброе слово, Мурчик, пожалуйста. А не это твое ледяное «ну и что». Побереги.

Мур пошел беречь. Маус лениво качался на качелях, Муру самому тоже захотелось покачаться, но – здесь, на виду у всех оставшихся в школе взрослых, которые, пообедав, начали выходить из столовой – к чему? Он кивнул Маусу, и тот послушно спрыгнул с качелей и посеменил за ним. До следующей игровой площадки с качелями они дошли молча, там Мур облюбовал себе качели и немного покачался – но тут же дал о себе знать бок. Он посмотрел, как Маус юрко и стремительно ползает в многоэтажном лабиринте, и пошел к лавочке; посидел, разглядывая деревья, потом улегся на спину и стал разглядывать реденькие кружевные облака, которые постепенно таяли в небе. Скоро оно опустеет. Останется одно яркое и прекрасное летнее солнце...

Что же ему с Маусом-то делать? Ладно, поживем-увидим... Как хорошо, что лето... Как хорошо, что он выжил... А никто не верил, что он выживет... Он смотрел-смотрел в небо и не заметил, как подкрался Маус, и противно вздрогнул от его шепота:

– А ты чего лежишь? Тебе плохо?

– Нет, – не глядя, ответил Мур. Трудно на него глядеть. – Так просто. Ты наигрался?

– Не знаю. Скучно, – он сел рядом на траву. – Тоска. Я думал, мы будем дружить.

– Дружба – это сказки.

– Нет!

– Ну, симбиоз.

– Сим... Что?

– Люди сходятся, если они полезны друг другу.

Маус долго молчал, шуршал травой, посапывал, потом сказал:

– Да. От меня никакой пользы не бывает... Тебе-то точно – один вред. Я не хочу, чтоб тебе было плохо... Ну, ладно, вот эти главные приедут, вместе пойдем и скажем... А как мы скажем? Что ошиблись?

– Да.

– Но я не ошибся. А ты... Ты меня не помнишь. А теперь... Теперь на кой я тебе черт, я ведь такой плохой стал. Пользы нет. Один вред.

– Стань хорошим, – зевнул Мур.

– Я пытался, – он усмехнулся, и его усмешка была невозможно старше его самого. – Я думал, ты меня научишь. Мы ведь оба не настоящие. И ты под присмотром. Меня рано или поздно заметят и обратно заберут.

Мура ожгло испугом:

– Что?

Маус помолчал, но все же объяснил:

– Я кое-что натворил ужасное. По правде ужасное. А потом оказалось, что ты все-таки есть на свете. Что ты не умер. И я убежал сюда и стал тебя ждать. Отводил глаза большим, чтоб не доискивались, откуда я.

– Странная история. Ты врешь, – не поверил Мур.

Маус равнодушно возразил:

– Нет, это правда. Сюда, потому что знал, что тебя сюда опять привезут, мол, чтоб все привычное, чтоб не расстраивать и все такое. Мол, ты очень ценный и тебя надо беречь.

– Чего это «беречь»?

– Ну, нас таких очень берегут.

– Каких «таких»?

– Мега.

Мур быстро повернул голову:

– Что?

Он сидел на земле совсем рядом, и мордочка оказалась так близко, что захотелось отодвинуться. Мур стерпел, не шевельнулся и разглядел и бледные-бледные следы болячек у рта и то, что веки все еще розоватые. И радужка вовсе не белая, а какая-то сизая, чуть в прозелень. Как же так Муру показалось, что глаза у него белые? Все равно он похож на хорька. Маус объяснил, опять немножко гнусавя:

– Есть сигмы, тагеты, лусуты, да? И еще такие есть – мы, как нави, только намного, намного круче – Мега, и нас очень мало.

– Я знаю, кто такие Мега.

– Еще бы. Я тоже Мега. Только я еще правда маленький, еще расту, мне сказали, только лет в пятнадцать войду в плато. А ты почему-то – уже не растешь. Ты почему так рано остановился?

– Неважно. А что, это бросается в глаза – что я не расту?

– А ты не подрос ни чуть-чуть с того момента, как я тебя видел. Я присматривался-присматривался и понял, что ты уже привык быть легким, мелким... Не выше обычных сопляков.

– Когда это ты меня видел? – насторожился Мур.

– А ты вспомни, – надулся Маус.

– Да пошел ты, – отвернулся Мур. – Что ты ко мне привязался, ты, мелкий Мега? Оставь меня в покое. Все равно я теперь никакой не Мега.

– «Теперь»? Мега нельзя перестать быть. Ты притворяешься никем, но это глупо.

– Да с чего ты взял, что я – Мега?

– Это видно. Раньше было так ярко, теперь... Еле тлеет. Но видно, – ясно и тихо ответил Маус, отодвигаясь. – Сейчас ты как будто от всего главного в себе отказался. Прикидываешься никем. И ведь хорошо получается. А я тебя помню – настоящего... Да ты не отпирайся, я не выдам...

– Да откуда ты меня знаешь? Я тебя не помню!

– Не важно. Я было обиделся. Поэтому и злился так. Но – ты ж правда не помнишь. Наверно, я много про тебя просто придумал. Придумал, что с тобой можно дружить... А ты говоришь – польза. От меня ее – нет никакой. Как я могу быть тебе нужен?

– Я тоже никто, – вздохнул Мур.

– Неправда. Ты Мега. Ты можешь все.

Небо было безоблачным, бездонным. Сияло солнце. Но Мур смотрел на это как из-за прозрачной неодолимой стены. Маус – тоже Мега? Может быть. Что-то светится в этой белой зверюшке, чего не видно в других. А может, только кажется... Или не кажется... И что? Что Маус с его стороны от прозрачной стены? Нечего мечтать. Дружбы не бывает. Мур вспомнил как-то виденного в дальнем порту мальчишку, даже не Мега, а какого-то высокого нави, ровесника, смутно знакомого, из тех же яслей Геккона, – тот, со свитой из охраны, врачей и куретов, сам в белой форме, в белой красивой шапочке на голове, с какой-то дорогой диковинкой в руках, следовал на борт флагмана эскадры, возвращаясь с экскурсии по планете... А сам Мур тогда был... Не вспоминать. Нельзя. Может, из-за того мальчишки в белом он в конце концов и сдался. Не то что захотел такой же для себя жизни, как у мальчишки в белом, – была она у него в детстве. И каторга это, а не жизнь. Но Муру захотелось – безопасности. Захотелось – чтоб защищали. Оберегали, как того мальчишку. Чтоб спать в безопасности, чтоб давали еду и хотя бы изредка говорили: «Молодец, умница». Чтоб заняться полезным делом.

Захотелось – Домой. А дом... Нет никакого дома. Геккон – это был дом... Или – просто место, где он появился на свет. Только не туда. Там – Близнецы. Вслух он только вздохнул:

– Тогда и ты можешь все.

Маус тоже вздохнул. Помолчал. Сказал:

– Я сам не понимаю, зачем ты мне. Ты не похож ни на кого. Будто насквозь волшебный. Мега тоже друг на друга не похожи. Но...

– Ты что, много видел Мега?

– Нет. Маленьких – на Гекконе одного и в Венке двоих. Немного, конечно. Больших – только издалека. Хана однажды видел. Он не Мега, но он такой супер-пупер нави, так летает, что жуть... А твои ровесники, настоящие Мега – ну, они вообще просто самые противные. И к ним даже подходить нельзя. Не поговоришь. Да со мной, в общем, никто говорить не хочет. А ты злишься, тебе противно, но ведь говоришь. И... Ты ни на кого не похож. В тебе – другой свет. Таких еще – просто нет.

– Ну что ты несешь... Какой там свет? Ерунда.

– Ну да, теперь ты почти не светишься. Ты теперь такой... Очень... Ожесточенный. Ледяной.

– Отстань, а?

Он молча встал и отошел. Муру отчего-то стало стыдно. Что там случилось, с этим несчастным и ужасным Маусом? Что с ним будет дальше? И как странно, что эта бешеная зверюшка, оказывается, понимает все с полуслова...

Дома он снова сел за учебники, от которых зубы сводило от скуки. Но он терпел и читал. Маус чуть слышно жужжал, жужжал у себя в комнате летучей игрушкой, но вдруг явился:

– Послушай! Я там в том месте, где берут всякие вещи, видел краски, можно, я пойду возьму? Я буду рисовать!

– Да пожалуйста. Ты запомнил, где?

– Запомнил-запомнил! Я ничего никогда не забываю! – крикнул он уже из-за дверей.

Как-то странно жить совсем одним в большом корпусе. Так тихо, так пусто. Как во сне. И снаружи тоже пусто, тишина, цветы пахнут. И ремонтом еще немножко пахнет от соседнего корпуса, и иногда слышится какой-то строительный шум. Интересно, сколько взрослых останется на ночь в школе? И почему за ними никто не присматривает – ведь все равно же нельзя их одних оставлять? Ладно, за Муром, естественно, присматривают Сеть и Служба, если что – большие вмешаются. А за Маусом почему они не присматривали, так что он ничего не ел и весь стал чесаться – может, от страха? Ведь – один? Потому что лето и все большие в отпуске? Каково это было ему, маленькому, там день и ночь одному? Глаза он «отводит», как же... Ну как, как можно «отвести глаза» Сети? А вдруг – правда? Мур вот умеет такое, во что и сам

никогда бы не поверил. Ну ладно, допустим. А как он попал сюда? А вдруг... Вдруг – тоже умеет видеть проемы? Как бы выяснить?

Он встал и заглянул в комнату Мауса – там все еще было чисто. Будто никто не живет. Если это Игнатий и Служба пытаются их друг другу навязать, то можно найти смысл...

– А ты чего тут?

Перед ним стоял Маус с большой коробкой красок в руках. И не какие-то там акварельки, а в прозрачной коробке множество высоких баночек – цветов пятьдесят, наверное. Тяжелая коробка, и Мур ему помог, забрал. К тому же у него еще был пучок всяких кисточек – тоже сунул Муру и снова побежал прочь:

– Я за бумагой!

Мур полюбовался оттенками цветов – на самом деле никто в мире не знал, ЧТО для него значит цветное зрение – и отнес краски на стол. Пусть малюет, посмотрим... Беречь будем.

Весь вечер было тихо. Маус ползал по полу и на большом листе бумаги малевал разноцветное и непонятное. У Мура рябило в глазах. Пол пацан, конечно, заляпал и сам измазался до ушей, но поля картинка оставались удивительно чистыми. Мур несколько раз приходил и разглядывал это произведение – цвета тянули его к себе. Постепенно все цветные пятна и полосы слились в правильный круг, который казался воронкой. Закружилась голова, когда он всмотрелся во все переливы и оттенки цветов. Он даже забоялся, что механизм различения цветов перенапряжется и откажет. Маус, кстати, извел на черновики, где смешивал краски, прорву бумаги, ведь правильные оттенки цвета были самым главным. Да. Главным.

Почему-то заболела спина между лопаток, и ноги от колена вниз. Очень знакомая боль. Ноги адски болят после ротопульта. Всегда. А спина – только если занесет в очень, очень тяжелый поток и нельзя выходить. Тогда ведешь корабль не сколько можно, а сколько надо, а медицинская система колет иголками и впрыскивает стимуляторы – Мур невольно потрогал шею. Царапины зажили, кстати. А эта нарисованная Маусом воронка – из очень тяжелых. Вот эти тошнотно-зеленые свивающиеся сектора всегда стаскивают весь контур в запредельные временные глубины, откуда фиг выскочишь, пока весь желтый до оранжевого не смотаешь, а его еще поискать надо... Приходилось. Он сколько раз видел все эти ужасные и милые переливы вперемешку, живьем, в потоке. Каждый цвет – оттенок времени... В воронке Мауса много нужных цветов, хороших. Стабильных. Но вот эти полосы отрицательного времени... Они как сладкая отравка. По краешку прoderнуть в бирюзовый – и проскочишь навывлет, в минутку можно века смотать, но нужна точность – до пикосекунды. Если собственный пульс подведет или выдержки не хватит – снесет в сердечник, в болото, в изнанку, выматывайся потом минута в минуту вахт двадцать...

Мур смотрел на бумагу и видел внутри себя эту переливающуюся цветную воронку ожившей. Стало муторно. Сейчас-то он таймфаг не потянет. Тоска... Тощица. Таймфаг – как будто его суть. Как будто Мур был в потоке еще до всего... До этой жизни? А какие прекрасные были воронки в детстве. Радостные. Переливчатые, живые, и цвета в них зависели от его, Мура, желаний... Люди садятся на корабль и летят. Они не знают. Не понимают, что это такое – полет. Им никогда даже не представить, что это такое. Они едва справляются с управлением кораблем на марше. И то паттерну в таймфаг всегда строит сам тайм-навигатор. И сколько продлится полет, никак от людей не зависит. А только от того, как нави решит преодолеть пространство на скорости, которую не осознать обычным разумом. А только через цвет этих безумных проекций пространства прямо на мозг... Это таймфаг. Это – ад. Это – рай. Люди не понимают. Думают, нави – тупая машина... Но при этом доверяют им свою жизнь. И тяжелые корабли. Вот таким пацанам, как Маус или он сам. Взрослых нави почти не бывает. Только молодой мозг способен так быстро превращать хаос в порядок. Только стремительный детский нейрогенез способен заполнить проецируемые извне сверхсложные контуры и обуздать поток времени через почти инстинктивную игру с цветом... Поэтому нави так долго не взрослеют.

Так созданы, чтоб почти не расти. Говорят, потом будет такая же длинная, пропорционально детству, жизнь, но... Но врут, наверно... Мур вздохнул: какого же жуткого уровня он должен был стать пилотом, если не растет вообще и если с младенчества его натаскивали так... как натаскивали? Сколько на Гекконе в него вложено труда. И что пошло не так, раз Близнецы решили его уничтожить? Чего они боялись?

Маус что-то бормотал, наклоня башку то вправо, то влево и поворачивая перед собой лист. Мур прислушался:

– ...лиловый – это всегда нехорошо... Но влево в красный срываться тоже опасно... Вот если бы развернуть зеленый до лимонного... И – желтее, желтее...

Звучало это дико, но Мур прекрасно понял, о чем он. Молодец, Маус: желтый – это правильно... Тьфу. Забыть. Доктор сказал, что Маус не псих. Но запросто станешь психом, если попытаться нарисовать живую воронку таймфага детскими акварельками. Мур давным-давно поступил умнее: заставил себя все это забыть. Чтоб не свихнуться. До этой минуты. Вот он, таймфаг. Вспомнить проще, чем открыть крышку коробочки с красками. И все тело уже болит, будто только что вывалился из ротопульта. Спрашивать он все же не стал, сказал только:

– Уже поздно. Давай я тебе помогу прибраться. Ты ведь дорисовал?

Он поднял лицо – зрачки громадные, бездонные. Что это с ним? Он ответил чистенько, ничуть не кривляясь:

– Дорисовал, но не решил. Я еще завтра буду решать. И рисовать. Не надо краски убирать, только закрыть. А это можно пока на стену приспособить? Я еще подумаю перед сном.

Мур принес липучки и они вместе повесили этот жуткий круг на стенку возле кровати. Маус остолбенел, всматриваясь. Мур посмотрел, подумал. Увидел одно решение, второе, но они тянули за собой такую атаку возможностей, что затошнило. Воронка должна крутиться, изменяться и течь, а это... Он вздохнул, толкнул Мауса в бок:

– Очнись. Ты тут, а не там.

Потом Мур закрывал банки с красками и собирал черновики, а Маус вытирал пол. Оставались разводы, над которыми он иногда замирал. А Мур вдруг заметил на листочке с ядовито-пурпурным, переходящим по нижнему краю в отвратительно розовый пятном какие-то циферки и значки. Еще на одном листочке – уравнения или формулы. Забытые, кажется, очень прочно. Он поворошил собранные листки: вот еще, и вот, и вот...

– Это можно выкинуть, – сказал Маус, оглянувшись от своего круга на стене. – Спасибо, что помог.

– Иди отмываться, папуас.

– Кто?

– Такие люди дикие, которые себя по всяким поводам раскрашивали.

– А картинки про них есть?

– Можно найти. Зачем?

– Но ведь цвета что-то значат, – он стал изучать свое пузо и лапы.

– Иди отмывайся! – рявкнул Мур.

А Маус как-то неправильно, как-то слишком сильно вздрогнул и посмотрел побелевшими глазами. Муру стало стыдно, и он ушел. Маус пробежал мимо в ванную, а Мур понес выбрасывать пятнистые листочки. Посмотрел еще – цвета некоторых пятен мучительны. Да еще цифры эти и уравнения... Подумав, он отложил листки со значками, выбросил остальные, а отложенные отнес и спрятал к себе в стол. Где, в каких учебниках найти эти уравнения, которые семилетний хорек знает, а он – почти не помнит. А зачем? Порвать себе рассудок в лоскутки? На кой ему этот проклятый таймфаг, если никогда, ни при каких условиях не вернется на Геккон, где бы ему (если Близнецы будут не против и не прикончат сразу) помогли бы восстановиться, а значит, и летать не сможет? Да и на кой ему вообще эти полеты, если он может сам шнырять по любым мирам, куда хватит смелости сунуться?

2. Жить по правде

Утром он проснулся поздно, лишь когда робот притащил завтрак. И еще бы поспал, но, раз сегодня контрольный день, хлопот много... Игнатий уже скоро, наверное, придет... Он встал – бок, ура, не болит! – и пошел умываться. Дверь к Маусу была приоткрыта, и там... И там! Вот за это попадет точно. И это – не скрыть.

Все было заляпано цветными сумасшедшими круглыми пятнами, все! Круги побольше и поменьше, огромные и крохотные, грубо намалеванные и вырисованные точно, как миниатюры, мрачные и радостные – зияли воронками отовсюду. И все стены, и пол, и даже что-то на подушке нарисовано, и на столе, и на стекле окна. Как жутко. Всю ночь творивший эту красоту негодяй, вымазанный в краске, спал в уголке кровати, замотавшись в выпачканное желтым и фиолетовым одеяло. И даже волосы на макушке слиплись зелеными, малиновыми и небесно-голубыми перышками. Долго, забыв обо всем, Мур эти круги разглядывал. Тоскливо щемило внутри. Почему Служба не заметила, насколько странен Маус, и не вмешалась? Посмотрел наконец на Мауса, и опять кольнуло в сердце: где же он раньше видел его? Беззащитное во сне лицо. Белые ресницы-то, оказывается, длинные какие, а веки – сизые от усталости. Совсем малыш. Всю ночь не спал, дурачок. Ведь правда – видел он его раньше где-то... Как бы вспомнить? Высунувшаяся из-под одеяла пятка тоже была в краске...

Вздохнув, он наклонился к Маусу и бесцеремонно его растолкал:

– Доброе-доброе утро! Давай, открывай глазки... Да проснись же, чудовище!

Башка его болталась на тонкой шее довольно-таки противно. Наконец он очнулся и уставился на Мура мутными покрасневшими глазами. Зевнул. Мур отодвинулся:

– Ну, проснулся уже?

– Проснулся, – опять зевнул он. – Почти. А ты что, не злишься?

– За то, что ты все изрисовал воронками? Нет. Я злюсь, потому что их глупо плоскими рисовать. Полно ошибок. Не та проекция. И нет ни Потока, ни Атаки. Ты б еще оси курсового сечения из кубиков построил. Слушай, мне некогда. У меня сегодня контрольный день, придет куратор... Вставай давай.

Маус засмеялся:

– Мур, ну сознайся уже. Все равно я понял. Ты ведь родился там же, где я – на Гекконе? Ты летал?

– Да. Кто тебя сюда привез? – неужели Мауса правда подсунули Муру нарочно?

– Я сам. Я – к тебе. Сам.

– Не морочь мне голову, – отмахнулся Мур.

– Я сам! Не выдавай меня!

– Не знаю. Не верю.

– Ну и не верь, – Маус бросился в подушку мордой, вытянулся, замер. И в тот же миг вскочил, худущий, жилистый, сам весь молочно-белый, исполосованный цветными полустертыми следами: – Ты дурак, да? Понимаешь, понимаешь... Да мне кажется: ты один на свете – живой, все остальные – деревянные! А ты, зараза, сам стал притворяться деревяшкой! Знаешь, как бесит!!

– Ты псих, – растерянно сказал Мур. В бешеные глаза Мауса невозможно было смотреть, и он закрыл лицо руками. – Да на кой ляд я тебе нужен? Я?

– Ты не деревяшка. Ты... обгоревшая деревяшка. С тебя весь свет... Как содрали. Ты... Ты поправишься?

– Уймись, – взмолился Мур. – Да, много было... Всего. Ну и что. Тебе-то какое дело? – он опустил руки, сунул в карманы и взглянул на несчастного Мауса. – Вот тебе хорошо будет, если спрошу: ты давно перестал быть пилотом?

– Да, это противный вопрос, – Маус тихонечко сел, съежился в комочек, обхватив колени. – Ну и что. Тебе-то я все могу сказать. Я – недавно. Перестал. Потому что... Ну, всех вокруг мучил. А потом... Потом натворил ужасное...

– Что натворил-то?

– Долго рассказывать. Даже не знаю, что они теперь со мной сделают. Но не убьют ведь. Наверно. А ты почему притворяешься простым ребенком?

– Долго рассказывать, – усмехнулся Мур. – Вставай. Шустрее отмывайся, ешь, и побежали в Игровые.

Маус кивнул. Вскочил и сказал:

– Ты... Такой весь... Царевич. Ты – тоже Мега и помнишь таймфаг. Теперь-то я понял, почему мы оба согласились. Потому что – Геккон. Потому что оба расколотили прежнюю жизнь в мелкие дребезги. А новую... Новой у меня теперь не будет. Ты ведь все равно не хочешь меня оставить своим Младшим, хотя я веду себя хорошо?

– А если они сами нас зачем-то свели?

– Я сам сбежал. Никто нас не сводил.

– Тебя не Служба сюда привезла?

– Плевать мне на Службу. Их легко обмануть и запутать. Ты будешь Старшим или нет?

– Не знаю... Ну... Ну что мне с тобой делать?

– Ты откажешься от меня или нет?

– Не знаю. А ты?

– Я – как ты. Сам решай.

– Думаешь, мы в самом деле можем быть нужны друг другу? Зачем? Поверь, одному проще.

– Что-то не похоже, – вздохнул Маус. – Ты вон в чучело превратился. А я просто очень устал, что меня никто не любит.

– ...Это я что ли должен тебя полюбить?!

Маус простодушно кивнул.

Мур передернулся и покрутил пальцем у виска:

– Не дожدهшься. Для нави – нет никакой любви, понимаешь? Не верь ни в какие теплые чувства. Все измеряется пользой.

– Я вообще никакой не полезный... Слушай, ну – да: люди не полюбят никогда, я это уже понял. Но ты – нави, я – нави, почему мы не можем подружиться?

Мур задумался. Маус подождал, не дождавшись ответа, чуть улыбнулся. Мур рассердился. Маус попятился и вздохнул:

– Ну ладно, ладно. Молчу. А что такое – контрольный день?

– Тяжелые разговоры. Как бы такой экзамен, проверка. Насколько я могу стать им полезным. Я притворялся, что пользы – ноль.

– А я по правде бесполезный...

– Не канючь.

Прошел еще долгий час, прежде чем в небе появился звук люггера. Маус, нервно грызя печенье, давно залез куда-то в самое сердце Третьей, «подводной» Игровой, куда ни один нормальный взрослый точно не пролезет, не то что Игнатий со своим артритом. Маус трусил. Не просил больше «не выдавать». Понимал, что сам не справится. Передоверил всего себя и все свои беды Муру. Ему так – можно. Он маленький. Выдавать его или нет, предстояло решать именно Муру. Сейчас.

Мур слез с качелей и пошел к стоянке. Невольно улыбнулся. Раньше он терпеть не мог Игнатия, который раз в три месяца приезжал выворачивать его наизнанку, а сейчас с трудом удерживался, чтоб не бежать ему навстречу. Это Игнатий, еще полгода назад, в феврале, первым понял, что с Муром беда, схватил за шиворот и увез в госпиталь. Там врачи занялись

бедой всерьез. А в марте Игнатий приехал к Муру в госпиталь, сказал, мол, отпуск, и приходил каждый день – при нем было не так тяжело и страшно, хоть и все их разговоры шли про медицину, строение клетки, энзимы и все такое. Даже было интересно.

Мур потрогал в кармане листочки с цветными пятнами – показывать Игнатию или нет? Что Служба сделает с Маусом, который даже им сумел отвести глаза? Его заберут тут же, едва Мур обмолвится, но в какое «другое место» спрячут? Что будут с ним делать? Говорить Игнатию про Мауса? Нет? А что врать? Да если еще и врать-то не умеешь... И не хочешь. Мур ничего не успел решить, когда дошел до стоянки – люггер сажился. Сел. Через мгновение поднялась вверх дверца и выехал Игнатий в специальном летучем кресле, протянул руку, и Мур подбежал и пожал ее – до болезни подобных жестов не было никогда. А теперь Игнатий словно бы признавал его достойным уважения.

– Я рад тебе, – без улыбки сказал Игнатий. – Рад видеть тебя живым. Но выглядишь ты хуже, чем я рассчитывал. Как здоровье?

– Все в порядке. Устал только.

– От чего?

– У меня есть вопросы.

– Ты от вопросов устал?

– От притворства... Вообще-то мне нужен совет. Очень.

– ...Совета просят у тех, кому доверяют, – хмуро сказал Игнатий. – Что за настроение, скрытный негодяй?

– Адекватное, – усмехнулся Мур. – Я ведь теперь верю, что вы не отдадите меня Близнецам. А все остальное можно пережить.

– Да уж, ты всех сумел убедить, что даже простое письмо от Близнецов способно тебя прикончить. Мур, но ведь в том письме ничего ужасного не содержалось. Я его читал. Всего лишь договор. Ты пребываешь в зоне нашего внимания, в безопасности – они в твою жизнь не вмешиваются. Так?

– Да.

– Договор в силе?

– Да.

– Ты не заболеешь снова из-за того, что мы об этом вспомнили?

– Нет.

– Очень мрачный тон. Очень мрачные глаза.

– Очень мрачно то, что Близнецам плевать на любые договоры. Тем более с нами. Тем более со мной. Что им станет надо, то и сделают. Утешает только тот факт, что у них есть мой геном, а значит, сам я им вряд ли нужен. Разве что для вскрытия.

– Это уж да, не упустят, – хмыкнул Игнатий. – Но твоя тушка на резекторском столе их не порадует, дорогой, нет. Они не людоеды. Живой ты им нужнее, чем кто бы то ни был, – вздохнул Игнатий. – Но они знают, что ты их ненавидишь и боишься, и говорят, что тебя в этом винить нельзя и что лучшее, что для тебя они лично могут сделать – это оставить в покое, мол, живи как хочешь.

– ...Знают?

– Ты ж не глуп, Мурашка. Конечно, им есть до тебя дело. Я вчера с Аем разговаривал – обсуждали, что с тобой делать, раз ты все-таки выжил. Пришли к выводу, что по-прежнему: не вмешиваться. У них тьма дел в сто раз более важных, чем ты. А ты... Ну какой с тебя спрос? «Нет» – значит «нет», ты свою позицию ясно выразил. Уймись уже и перестань ныть. Как хочешь – так и живи. Ну что, пойдём в парк?

Они каждый визит Игнатия отправлялись в школьный парк, и четыре ежегодных беседы для Мура были как отметки в календаре: лето, осень, зима, весна. Уже полтора года они знакомы, а год назад Игнатий привез его в эту школу. Но еще никогда он не чувствовал себя

с Игнатием так уверенно и свободно – будто в самом деле болезнь и выздоровление дали право на другое отношение. Хотя, конечно, выздороветь было тяжелым трудом. Неужели правда – все, он здоров? И можно – жить? И не вспоминать о Близнецах? Летний парк сиял вокруг солнцем сквозь темную зелень. Ветра не было, жарко. Может, стать садовником? Или как называется работник, который придумывает и создает парки? Игнатий направлял свое плавно плывущее над гравием дорожки кресло в тень.

– Знаешь, зимой я ведь подумал вот на этом самом месте, что больше нам с тобой тут не прогуливаться, – сказал Игнатий. – Я рад, что ошибся.

– А не было бы проще для Близнецов и для всех, если б я умер?

– Было бы, – кивнул Игнатий. – Никаких хлопот больше. Хотя хлопот-то, в общем, пока и нет.

– А лечение?! А...

– Это долг врачей. Если б ты сам не захотел выжить – никто б тебе не помог.

– Вы мне помогли. Конкретно вы. Как руку протянули и из ямы вытащили.

Игнатий нахмурился:

– И что? Я, кстати, тогда думал, что ты сдашься. И протянутую руку не примешь. Мол, вы все плохие, уйду я от вас. А ты оказался сильнее. Молодец.

– Я просто струсил. Другой-то жизни все равно не будет.

– Тех, кто думал иначе, давно уже нет. А те, кто знает, что жизнь одна и ее беречь надо – вот, живые. В том числе и ты, противный ребенок.

– В жизни много хорошего. Даже в моей.

– Не ной. Но слушай, Мурашка, я вижу, что теперь ты... С тебя будто облезла твоя угрюмая кожа.

Мур вздрогнул и кивнул. Игнатий усмехнулся и сказал теплее:

– Ты пробуешь улыбаться, хотя и весь на нервах и все еще боишься нас. Но не притворяешься никчемной тихоней и смотришь так открыто, что хочется спросить: Мурашка, что-то изменилось в наших правилах?

– Дополнение к Правилу можно? Я не убегаю и приношу пользу? Не хочу больше быть никчемным.

– Я надеялся, что тебе станет тошно, едва мы тебя вернем в эту бессмысленную жизнь, – усмехнулся Игнатий. – Ты не сможешь дальше оставаться паразитом.

– Спасибо, что приехали быстро. Мне этих трех дней тут...

– Я понял. Не бледней и не дрожи, – велел Игнатий. – И так за тебя страшно, такого уязвимого. Не пацан, а голые нервы. И, похоже, что-то опять с тобой стряслось. Мур, а тебя, что-то я подозреваю, никто тут не обидел?

– Нет.

– Но ты на взводе, – недоверчиво сказал Игнатий.

– Я сам себя обидел, когда попросился в обычные дети. Струсил потому что.

– Никто не винит, – мягко сказал Игнатий. – В тебе силенок тогда было – ноль. Едва живой кузнечик, вот кто ты тогда был. Одни нервы.

– Хочу быть самим собой, – сознался Мур. – Но не знаю, как.

– Что, правда настолько сильно хочешь приносить пользу?

– Я не хочу притворяться нулем, – шепотом сказал Мур. – Я. Хочу. Жить. По правде. Хочу быть самим собой, а не учеником шестого класса. И хочу быть Дома – своим, а не паразитом. Хочу – дело.

– Дело, – повторил Игнатий. – Правда. Жить. Какие хорошие слова. О-о-о. Ну надо же. Ты что, хочешь стать наконец своим? Нашим? А не многовато?

– Для чего-то я ведь выжил?

– Выжил, да. Молодец. И что?

– Ну да, этого мало, чтоб... Я буду своим только на Гекконе?

– На Гекконе ты свернешься в клубочек и сдохнешь, – Игнатий посмотрел очень зорко: – Мурашка, да чтостряслось?

Мур замер. Последний момент, когда можно отступить в прошлое.

– Ну? – резко спросил Игнатий. – Что-то произошло, я вижу.

Мур, покрывшись ознобом, шагнул в настоящее:

– Да, произошло. Зачем вы мне дали Младшего?

– Что?! ...Тебе – Младшего? – Игнатий остановился. – Я? Да ты что... Я об этом ничего не знаю. Вот сейчас, как ты вернулся в школу? Странно. У меня нет такой информации.

– А я думал, что это вы мне его подсунули, – Мур не ожидал, что так расстроится. Значит, Маус – вовсе не шанс на хоть какое-то осмысленное будущее. Он вдруг так устал, что ноги задрожали, и скорей сел на лавочку, мимо которой они шли. И в боку дернуло болью. – А я думал, он ваш...

– На первый взгляд логично, Мурчик. На второй – непорядочно, – Игнатий остановился и развернул к нему кресло. – Я в любом бы случае действовал прямо, и сначала бы спросил у тебя. Но какой тебе сейчас младший? Себя хотя б удержи.

– А я думал...

– Что ты думал? – нарочито участливо спросил Игнатий.

Мур опустил глаза. Правда глупо сначала было подумать, что раз дали школьного Младшего, значит, поставили крест – а потом, раз Маус оказался Мегой – то, значит, свои большие дали какой-то непонятный шанс... Ничего ему не дали. И даже Мауса, наверно, сейчас отберут.

– Ну, что ты сник? – рассердился Игнатий. – Не глупи. Доверить тебе Младшего – это сначала начать доверять тебе. А какое может быть доверие? Никто не знает, чего от тебя ждать. Держим в детской школе, как жука в банке, наблюдаем, вот и все.

Игнатий вздохнул, долго молча смотрел на Мура, и наконец улыбнулся. Тепло и немного насмешливо. Опять как руку протянул.

– Да, – Мур побоялся улыбнуться в ответ. Обычно его улыбки только все портили – не умел. – Больше не хочу, как жук. Хочу по правде. Но я не знаю... Не знаю, как... Все равно люди нави не доверяют... Ладно, это потом. – Мур сжал кулаки и глубоко вздохнул. – В общем, у меня теперь есть Младший.

– Мурашка, это недосмотр и ошибка, потому что только я мог бы дать разрешение. Тут в школе что-то напутали. И почему Служба нас не известила?

– Не знаю. Да и не школьный он никакой, а чудовище. А вы бы не дали мне Младшего?

– Да где ж тебе равнозначного Младшего-то найти? – усмехнулся Игнатий. – Ты что, Мурчик, поддался иллюзии, что нормальный ребенок? Что за помрачение ума?

– У-у-у, я-то – да, та еще тварь, но он – еще хуже. Он вроде меня самого, тоже не настоящий, а с Геккона, нави, но странный... Вы бы мне его доверили?

Игнатий остановил кресло:

– Вроде тебя самого? С Геккона?!

– Нервный, бешеный и несчастный. Да, с Геккона.

– Да неужто. Нельзя проскользнуть незаметно... Сквозь наши Сети. И мимо нас.

Мур вздохнул:

– Я не знаю, как он это сделал. Не так, как я. Я с Сетью не договаривался. И жил по лесам именно потому, что в лесах нет Сети. Нет систем слежения и всего такого. Как Маус обманывает Сети и Службу, я не понимаю. Думаю, только если возможен... какой-нибудь особый протокол?

– Особое отношение Сети к твоему Младшему? – странно переспросил Игнатий.

– Если такое бывает.

– Бывает. На тебя у Сети тоже особый протокол.

– Про меня хоть понятно. А вот этот мелкий... Ему без вашего присмотра вообще нельзя. Он псих, и он еще мал, – Мур выпрямился и заговорил как мог настойчиво: – Он ведь обвел Службу, которая меня охраняет, вокруг пальца. Его Сеть не распознает, иначе бы «Кабир» давно был бы тут. И это не ваша коварная затея?

– Нет. Как занятно.

– Нет. Страшно. Как он обхитрил Сеть? Что нужно сделать, чтоб Сеть воспринимала его появление здесь как само собой разумеющееся и не звала «Кабир»? И как он вообще сюда попал, он же – совсем ребенок? Как он прошел мимо всех систем контроля? И он так же похож на обычного ребенка, как граната на камешек. Он нави, правда.

– Давай уже я скорее гляну. Где он?

Мур вскочил и помчался по дорожке к Игровой. Игнатий плавно нагнал его в своем тяжелом кресле и мягко притормозил за плечо:

– Стой. Ну, хотя бы не беги. Расскажи сначала.

– Сначала я его пожалел, потому что он три недели тут в изоляторе из-за нейродермита просидел, и потому его никто не взял во младшие, – быстро заговорил Мур, скрывая дрожь. – А потом... Да от него несет Гекконом! Он не умеет бегать по грунту, он слишком умно для мелкого говорит. Он рисует таймфаговые воронки... Откуда он тут взялся?

– Месяц, ага... Да сбег у нас недавно один маленький негодяй. Но не с Геккона, а тут, с одного из дальних островов Архипелага. Лечить его пытались после... Натворил он дел, в общем. И, да, удрал. Исчез. Причем непонятно как, запутав и Сеть, и «Кабир», и все службы. Но всерьез не искали, думали, что утонул... Мерзавец. Ему сколько, семь? У него волосы белые? И глаза очень светлые?

– Да. И очень, очень вредный. Снаружи. Внутри... Ну... так, сойдет.

– А ты что, раньше его знал?

– Не помню. А что, мог знать?

– Да вроде и не мог... Как он назвался?

– Никак. Я зову его Маусом. А почему Сеть молчит?

– Не знаю, – хмуро сказал Игнатий. – Но есть подозрения. Если это правда тот засранец, о ком я думаю.

– Мне кажется, это он меня раньше знал.

– Еще интереснее. Откуда бы? Ты – большой секрет даже на Гекконе. И вообще – секрет.

– Я знаю. Беру с вас пример, и полон своими секретами под завязку, – проворчал Мур. – Маус, значит, тоже хорошо научился держать все в тайне. И хорошо умеет что-то, о чем вы не знаете.

– Секретность нужна для вашей же безопасности.

– Я знаю, – мягко сказал Мур, чувствуя себя котом на колючей ветке, которому очень трудно идти и все время надо думать, куда поставить лапу. – Иногда это нужно. А иногда ведет к тому, что даже семилетний перестает вам верить. Он вот уже умеет отводить глаза людям – это до чего ж его довели, что он развил такое умение?

– Что? Глаза отводит?

– На раз. Легко. Всем. Кроме меня. Кто он?

– Он – катастрофа. Заноза собственной персоной. Жаль, что в свое время Близнецы отказались его сами воспитывать. Лучше б у нас был еще один железный мальчик, чем этот... Ураган. Ты хотя б адекватный.

– Он тоже проект Близнецов?

– Не вполне. Я не знаю, в какой мере. Но они пристально следят за ним. Когда уж всем невмоготу, Аш берет его за шиворот, смотрит в глаза – и на несколько дней Заноза становится шелковым. А так... Ненавидит, по-моему, вообще всех окружающих. Странно, что он с тобой

разговаривает... Да, и вам нельзя было друг о друге даже знать. Говорили ж Близнецы, не надо вас на одну планету...

– Значит, Близнецы так велели – чтоб мы с Маусом не встречались?

– Так, я вызываю своих, – не ответив, Игнатий нажал на своем кресле кнопочку, перед ним развернулся экран, и полминуты он вел с этим экраном разговор на неизвестном Муру языке.

Впрочем, во время болезни Мур часто этот язык над собой слышал, и даже думал, что это один из секретных языков Службы. Когда Игнатий закончил разговор, Мур вздохнул и попросил:

– Оставьте Мауса мне.

– Тебе сейчас не нужна обуза. Особенно в лице Занозы. А я могу тебя отсюда забрать. Сегодня, сейчас. А, Мурашка? И будет тебе и дело, и правда, и польза. Перестанешь наконец время терять.

– А Маус?

– Он перед тем, как удрал, натворил очень плохих дел и будет отвечать. Ну, и его к врачам надо с такими нервами истрепанными. А ты подумай о себе.

– Я и так всю жизнь слишком много думал о себе.

– Ты меня, конечно, радуешь этой зрелостью речей. Но... Занозе ты помочь не сможешь, – Игнатий вздохнул. – Да, Мур, спасибо.

– В смысле?

– Спасибо, что не скрыл его. Интересно, что он разнюхал про себя и про тебя... И на кой ты ему сдался. И как он сюда попал. Мурашка мой золотой, погоди. Дай мне подумать...

Голова кругом. Лето сияло вокруг, пахло цветами, Мур чувствовал жар и свет солнца, – но это казалось нереальным. Немного ныл бок. Песок похрустывал под подошвами. Проемы и щели в другие пространства, мимо которых он привычно проходил, даже не косясь в их сторону, казались гостеприимно распахнутыми дверьми. Эти щели все равно что мираж. Настоящая его жизнь, которая по правде – она тут. Где болит бок, где он всегда уставший, где хрустит песок... И где Маус. Что же с ним такое стряслось, раз он устроил жуткую беду, которую нельзя простить? Это поэтому он такой псих? Что ж он сделал?

Они приблизились к Игровой, где Мур оставил Мауса. Игнатий остановил кресло у кустов на краю площадки и смотрел на Мауса, перепрыгивающего с одной качающейся рыбки на другую – под рыбками был сухой бассейн с синими мягкими шариками, так что, если свалится, не ушибется. Но у него ловко получалось. Мур и сам там любил прошлой осенью прыгать, знал – трудно. Удержаться мало кто мог. Игнатий сказал:

– Да, это он. И не вздумай себя винить, Мур. Я этого паршивца знаю. Разнесет все вдребзи и не всплакнет потом. ...Ты куда?

– Приведу его.

– Пусть поиграет напоследок. Дождемся группы.

– Почему он свое «плохое» сделал?

– Не знаю пока. Да он для всего Геккона – головная боль. Гений таймфага, да, но по жизни – избалованный гаденыш. Понятно, что где-то что-то пошло не так. Вот поймаем наконец и будем разбираться. Что он бы ни натворил – все равно больше виноваты все, кто его окружал. В разы. В конце концов, ему же в самом деле только семь лет.

Несколько мгновений они смотрели на юркого ловкого Мауса, скакавшего по рыбкам. Он покачался-покачался на одной рыбе, посидел, обняв оранжевый плавник, и спиной плюхнулся в синие шарики. Выбрался оттуда и головой вперед залез в узкий лабиринт из зеркальных труб.

– Как его на самом деле зовут?

– «Заноза» его зовут... – глаза Игнатия погасли. – То есть, конечно, есть имя вроде того твоего, которым ты не пользуешься: ты Золотой Кот, а он – Белый Шмель. А так он – Алешка Заноза.

Маус тем временем прополз по трубе до прозрачного куба и сел там играть с магнитными цветными рыбками.

– Заноза... Ну, да, похоже.

– Ранит всех, – Игнатий прислушался к нарастающему гулу сразу нескольких машин. – Вон уже и тебе из-за него тошно... Ага, вот и наши. Что ты бледнеешь? Спокойно. Вот увидишь, он сам пойдет. Он не дурак.

Люггеры приземлялись по углам игровой площадки. Оттуда выходили люди, переговаривались, кто-то направился к ним, кто-то вообще в сторону. На Мауса почти никто не смотрел. А он в аквариуме покрутил головой, потом сел на пол, съежился и закрыл голову руками.

– Луч подавления? – сообразил Мур.

– Что? – возмутился Игнатий. – Какой ни есть, а он ребенок... Привет, Тарас, – он кивнул подошедшему рослому человеку в белой рубашке, с мрачным лицом и колючими глазами. – Что, каков случай?

– Случай... – вздохнул Тарас угрюмо. – Если это случай – то да, мы недооценили их обоих. Ну, а если не случай?

– Мы б знали, если не случай, – пожал плечами Игнатий.

Мур насторожился: «не случай»? Спросил:

– То есть у кого-то мог быть расчет, чтоб я и Маус встретились? И у кого? У самой Сети, что ли? На кой ей такие эксперименты?

– Ей виднее, что с вами, умниками, делать, – буркнул Тарас. – Но он бы предупредил. Не рискнул бы Занозой. Да и тебе, говорит, вот чтоб ну никаких стрессов и огорчений...

– Кто «он»? Сеть – это ж «она»?

– Сеть выполняет его волю. Как будто ты не знаешь. Ах да, здравствуй, Золотой Котик Мурашка, я рад тебя видеть.

– Здравствуйте, – Мур едва устоял, чтоб не попятиться на всякий случай. Ага, «рад» этот медведь, как же. Хотелось еще спросить про Сеть и ее хозяина, но он знал, что большие не ответят. – Я вас разве знаю?

– Теперь снова знаешь, – Тарас, пристально разглядывая, осторожненько похлопал громадной лапой его по плечу. – Ты – моя главная забота, понимаешь? ...Ну у тебя и глаза... Игнатий, разве Заноза мог откуда-нибудь знать о Муре?

– Да кто вообще знает о Муре. Разве что Алешка слышал эту легенду про Железного Котенка.

– Мур, а ты?

– Что?

– Знал раньше Алешку?

– Я? Откуда? Хотя... Мне пару раз казалось, что я его когда-то раньше видел. Да, видел. Но не помню, где и когда.

– А вот я помню, – скучным голосом сказал Тарас и посмотрел на кивнувшего Игнатия. – По отчетам. Вспомни первый день Дома, Мур. Когда ты на пассажирском терминале Ореада ворвался в контору Службы...

– Помню.

– ... будто за тобой гнались.

– Ну, гнались.

– Кто?

– Давайте лучше про Мауса.

– Тебя идентифицировали. Отвели на нашу половину терминала, во внутренние помещения, успокоили, покормили. Отпустили в наш Детский Зал, где обычно болтаются все малолетние нави, чтоб ты там подождал, пока за тобой приедут. Приехали быстро, но кое-что ты успел сделать. Помнишь, туда привели группу малышей с Геккона?

– Белые колобочки.

– Что?

– Они были в пухлых белых комбинезончиках. Семь штук. Да, маленькие. На экскурсию в заповедники, что ли... Бли-ин... Так это был Маус?

– Да.

Игнатий сказал:

– Да, теперь я тоже вспомнил. Что-то такое было в отчетах. А что ты сделал-то? Как познакомился?

– Я не знакомился. Я лишь заметил, что он, один из всех, жутко хитрый, и наблюдал. Потому и видел, как он смылся из Детского Зала – Зал ведь большой, там много всяких закоулков и игрушек, каруселей всяких – и пошел за ним. Он во внешние коридоры – я за ним. Он охране глаза отвел – и на волю, во Внешние Залы, Пассажирские. Еще чуть-чуть – и с нашей территории бы ушел. Я – за ним. Он вел себя в толпе, в Пассажирских... Так странно. Будто кого-то искал. А ко мне побежал. Вцепился. Я думал, он испугался... Понес обратно, а там уже и наши навстречу... Он так ревел, когда его забирали. Вот и все.

– А он тебя запомнил... Да, Тарас, можно допустить, что Заноза тут не случайно, а кое-кто хотел, чтоб он нашел Мура. Но что Заноза обладает некими способностями, чтобы вычислить местоположение Мура – тоже можно допустить. Предполагаю, кое-кто как раз и хотел проверить эти способности. Интересно, что Мур для Занозы значит.

– Он не говорил, откуда меня помнит, – куда интересней, что он и Маус значат для жутковатого «кое-кого» и для Сети, у которой не бывает сбоев. А бывают особые протоколы на таких, как он и Маус. Кто ж хотел, какой-такой главный, чтоб он и Маус встретились? Не Близнецы же? – Он думает, его не Сеть сюда привела. А он сам. Как-то. Но его привезли вместе с другими новичками.

– Ты же сам заметил, что он хитрый.

– Хитрый, да. Но в случайности не верится. Думаю, существует какой-то умысел насчет нас... Ну, не умысел, расчет.

– Может быть, – Тарас сердито смотрел в никуда. Наверно, из-за Занозы у него большие неприятности.

– Ему сейчас страшно, – Мур взглянул на прозрачный кубик с Маусом внутри. Как в клетке. Он сдержал собственную дрожь: – Что с ним сделают за то «очень плохое»? Усыпят?

– Ты с ума сошел? – как на идиота посмотрел Игнатий. – Не трясись и не бледней. Я ж тебе уже сказал, что никто его и пальцем не тронет.

– Тогда сольют в бустеры?

Отшатнулся даже Тарас, взглянув так, что Мур съежился и отступил. Игнатий покачал головой:

– Вот что ты о нас думаешь... Ох, Мурашка. Он, как и ты, из особых нави. Один такой. Его будут всегда очень и очень беречь.

– Я с ним еще увижусь?

– Не знаю. Это не мой уровень решений. Но я думаю, что нет. Хотя ни за что не поручусь. Мало ли.

– Вас опасно держать вместе, – сказал Тарас. – Нельзя. Испортите друг другу жизнь.

– Ничего он мне не испортил, – возмутился Мур. – Наоборот! Я как проснулся! А я – ну какой вред я могу Маусу сделать хуже того, чем он уже себе причинил?

– «Нельзя» – значит, нельзя, – мрачно сказал Игнатий. – Да вот уже вред: вы вцепились друг в друга, потому что оба – одинокие дикари, а теперь вас придется растаскивать. А оба – одни нервы. Конечно, вред.

– Я буду держать себя в руках.

– Я вижу. Молодец. Вот и дальше держи. И не расстраивайся. У тебя новая жизнь вот-вот наступит. Если не передумаешь.

– А мне можно будет хоть изредка узнавать о нем? Хоть только то, что вы сочтете нужным мне сказать?

– Чтоб ты знал, что с ним все в порядке? Хорошо, Мур, обещаю. Иди, залезь к нему и скажи, чтоб не валял дурака.

– Он упрется.

– Вон он сам вылезает, – сказал Игнатий. – В трубу полез.

Маус скрылся в трубе.

– Тут еще столько закутков, чтоб отсиживаться... Что только трубы резать, – через минуту выразил общую мысль Мур. – Вы правда хотите, чтоб я его вытащил? Он кусается, между прочим.

– А у тебя болит бок, – мельком взглянув, сказал Тарас. – Не надо лезть. Потом попрощаешься.

Мур вдруг решил, пошел к лабиринту и уже на ходу оглянулся:

– Лучше сейчас. Ему же страшно.

Лезть, конечно, было неловко и немножко больно в бок – хотя по размеру он, конечно, протискивался; но вот куда? Давно он тут лазил. Но ничего, повороты вспоминались; в конце концов, прошлой осенью времени тут было проведено немало... Бок заболел так, что он начал потеть в душной трубе, до блеска отполированной животами школьников. Он выбрался в аквариум. Тут тоже было душно и пахло пластмассой. Магнитные рыбешки вблизи казались еще противнее, чем он помнил. Он собрался было лезть дальше в трубу – и обнаружил, что Маус – вот – лежит в трубе, головой к аквариуму (где это он сумел развернуться?) и внимательно смотрит.

Мур сел на пол аквариума и привалился спиной к теплой скользкой стенке. Переждал, пока сколько-нибудь утихнет бок. Маус сказал:

– У тебя бок болит.

– Болит. Ну и что.

– Игнатий рассердился?

– Ты его знаешь?

– Видел... Издалека.

– Я его просил, чтоб мне тебя оставили.

– Просил?! – Маус вскинул башку и треснулся затылком об край трубы. – Ой... А он что?

– Ничего. Говорит, не его уровень решений. Говорит, нам не позволят видеться... Алешка, ты ведь видел меня раньше? Давно-давно?

– Ты – тот Большой Мальчик, которого я искал на терминале Ореада, чтоб... Ну, не важно. А ты меня им обратно отдал.

– Искал? Еще тогда? – что это еще за тайны?

– А ты ничего не знал... И сейчас ничего не знаешь. И теперь ты вообще меня даже не узнал. Не узнал?

– Мне казалось, что я тебя где-то видел. Но – да, не узнал. Ты же так вырос.

– Вообще-то я обиделся. Думал, ты родной будешь, а ты – какой-то железный царевич. Потому я и стал тебя злить... И драться. Теперь прошло, да толку-то... Ладно уж... Жаль. Надо вылезать.

– Так вылезай. Я еще немножко посижу...

– Я боюсь.

– Говорят, тебя и пальцем не тронут. Ты, говорят, в единственном экземпляре. Беречь обещают... Тебя тоже Близнецы отдельно воспитывали?

– Не... Я – почти как все, тренировки только, конечно, отдельные, и некоторые уроки. Но Близнецы... Да ну их, они страшные. Как посмотрят... Так чувствуешь себя лабораторной крысой. Всякие контрольные испытания они проводили, да. Они говорили, что я их прохожу – «Почти, почти как Мурашка». А Мурашка – это ведь ты. Твои треки – это теперь эталон, ты знаешь? В общем... Я хотел найти тебя. Нашел. А ты... Никакой вовсе даже не волшебный. Ну, все равно хорошо, что ты живой и я тебя нашел. А ты что, тут останешься, в этой простой школе?

– Нет. Ты что-то со мной сделал, Алешка. Разбудил, что ли. Я больше не хочу быть собственным чучелом. Хочу... Стать собой.

– Ну и стань, – Маус нечаянно посмотрел вовне, на всех этих взрослых, окруживших Игровую, и его затрясло.

Мур скорей спросил:

– Что с тобой случилось? Расскажешь?

– Да... Я убежал... Понимаешь, они сначала дали корабль, большой, потому что я летаю лучше всех, а потом сразу захотели отобрать, потому что я очень плохой, неуправляемый, никого не слушаю... И я его взорвал.

– Корабль. Взорвал. Свой корабль!! Новенький! – Мур перевел дыхание. – С людьми?

– Нет, конечно!

– И корабль тебя послушался?

– Но ведь он был еще мой.

– Корабль жалко, – вздохнул Мур. – А у тебя, наверное, вместе с кораблем и мозги взорвались.

– Я весь взорвался. Я был там. На связи. Корабль меня выкинул в ротопульте. Корабль добрый. Он любой ценой спасает своего навигатора, даже такого... который его взрывает.

– А ты хотел вместе с ним... на молекулы?

– Хотел, – вызывающе сказал Маус. – И что?

– А теперь прошло?

– ...не знаю, – сник Маус. – Живу ведь...

– Ты понял, что такое смертушка?

– Понять не понял, – подумав, признался Маус. – Но почувствовал. Это ноль, ничто. Пустота. Я же был в ротопульте и чувствовал то же, что и корабль. Типа все, больше меня нет. Это не страшно.

– Ты ж не корабль. Ты – живой. Мне вот было страшно. Я не хочу умирать.

– Ноль есть ноль, – пожал плечами Маус. – И кому какое дело, чего я хочу.

– Мне есть дело. Но они говорят, нас нельзя держать вместе.

Вылезли они быстро. Но бок заболел совсем уж нестерпимо, даже лоб покрылся холодной испариной. Мур немножко полежал в трубе, чтоб не завить. К моменту, как он вылез, Мауса уже кто-то уносил на руках к большому люггеру. Маус не вырывался. Все в порядке... Мур не спеша слез с кривой лесенки на землю, подошел к Игнатию. Тот ему мельком кивнул – он смотрел вслед Маусу. И вдруг встревожился, повернулся к Муру:

– Мур... Ох, Мур, да что с тобой? Так болит?

– Вообще-то да... А его правда нельзя простить?

– Да как тебе сказать... Вопрос еще открыт. Не в том дело, что корабль – за пределами дорогая штука, а в том, что он с собой хотел покончить.

– Он не испугался, кстати, – скорей сказал Мур. – Он дурак маленький, он воспринял сигнал корабля просто как ноль. Он не понял, что такое на самом деле смерть. За ним надо присматривать.

– Присмотрим. Не расстраивайся так. Присядь-ка лучше... Тарас, Мурашку надо к врачам.

– Вижу. Сейчас, Бор уже прилетел, – и Тарас отошел к люггерам.

– Мур, что он тебе рассказал?

– Он правда взорвал свой корабль?

– Если б только это... Мурашка, спасибо тебе за него. Все. Так, Мур, давай о тебе.

Ты говоришь: «тошно смотреть на эту школу», говоришь: «приносить пользу», «жить по правде» – так?

– Да.

– Скажи, а если отвезти тебя сейчас в правильное место, где тебе давно пора бы быть и где ты правда будешь дома, ты... Хотя бы дашь себя обследовать?

– Я ж из госпиталя, – удивился Мур. – Меня же изучили насквозь.

– Тебя не тестировали, а лечили. Надо посмотреть, как ты держишь нагрузку. И что ты вообще можешь. Будешь в этом сотрудничать?

– Буду.

– Мурчик, ты не передумаешь? Не удерешь по дороге? Забирать тебя? Прямо сейчас?

– Я еще увижу Алешку? – Мура слегка трясло уже от боли в боку, но больше – с тоски.

– Это что, условие?

– Нет. Но я не хочу, чтоб он свел себя к нулю.

– Не принимай все так близко к сердцу, – хмуро сказал Игнатий. – Вероятно, такое существо, как Заноза, вообще не способно ни на дружбу, ни на... Ну, поедешь домой?

– А вы со мной?

– Нет, я хочу за Занозой присмотреть. Уж больно он послушный. Один пока поедешь. Так что?

3. Уязвимые правила

Бор, врач, недавно лечивший Мура, отвел не в люггер, а в большой неф, стоявший в отдалении за деревьями. Мур без проблем дошел туда сам, хотя бок все болел, а нервы выли; в нефти светили яркие лампы, пахло детством – то есть техникой, замкнутыми пространствами, дезинфектантами. В маленькой кормовой каюте Бор велел прилечь, осмотрел шов, осветил приборчиком, что-то изучая на экране; мрачно пристыдил, накладывая прозрачную холодную мазь и заклеивая шов квадратной толстой подушечкой, сразу напомнимшей госпиталь:

– И как тебе не стыдно было так скакать? Ты ж обещал побережься!

– Все было в порядке.

– Да я вижу; но... Лежи, не вскакивай.

Молоденькая помощница доктора принесла Муру сока. Он выпил сразу две бутылочки. Потом послушно лежал, разглядывая белую каюту и жалея, что с диванчика не видно, что там за иллюминатором, слушал приглушенные голоса взрослых за переборкой. На сердце было пусто. Он что, правда больше не увидит Мауса – вот никогда? Чтоб не раскиснуть, Мур сосредоточился на реальности вокруг.

На диванчике напротив валялись три чьи-то толстых зимних куртки – но на сером полу жаркое, летнее пятно здешнего солнца. Он невольно посмотрел на свои незагорелые ноги и руки – похоже, этим летом загара не будет. И лета самого тоже... Отвезут, где зима и все носят толстые куртки? Даже не искупался ни разу... Ну, а кто хотел утром настоящего снега? Донесся голос Тараса, отдавшего распоряжение; сразу после этого неф забормотал двигателем и через минуту плавно взлетел. Мур не выдержал: сел, прижался к иллюминатору и стал смотреть, как внизу взлетают в разные стороны люггеры, как отдаляется яркая Игровая с лабиринтами и качелями, темно-зеленые деревья, дорожки, крыши. Наконец стало видно всю школу, окруженную толстой белой оградой; отдаляющиеся люггеры и нефы, на одном из которых навсегда увозят куда-то Алешку... Так будет лучше. Лучше!! Для кого, для Алешки? Для самого Мура? Может быть, да, а если – нет? Поздно. Все. Нельзя думать о нем.

Море с корабликами, полоса пляжа, сады, весь городишко с цветными крышами и фонтанами. Какое-то время было видно паутину цветных искр – так он видел дырки в другие пространства сверху – но скоро неф набрал высоту и летел уже над морем. Скорей всего, на дне тоже есть дырки, а однажды он, купаясь, видел какое-то размытое ночное пятно под водой, то есть прямо в воде, метрах в двух над светлым дном. Нырнуть туда не решился. А вдруг там не ночь, а страшная глубоководная тьма.

Сине-зеленое южное море сверкало под солнцем, другие кораблики превратились в точки и наконец исчезли в нежной дымке высоты. Неф набрал высоту и шел теперь равномерно, на атмосферных двигателях, куда-то на юго-запад. Прошел над Архипелагом, и Мур с трудом, но разглядел тот остров с госпиталем, где его лечили. Хотя Архипелаг вообще был одним большим госпиталем. Туда, на один из самых дальних, секретных островов увезли Алешку.

На орбиту неф не пойдет. Куда ж везут его, если не на орбиту и дальше, к Айру, на Геккон? Похоже, все-таки оставят на одной планете с Алешкой? Смотреть стало не на что, одна холодная небесная лазурь и океанская мгла внизу. Он устал и лег. Бок под подушечкой с холодной мазью утих. Ну вот, наконец-то забрали из детской школы и пристроят к делу. Хотя эта школьная и, в общем, никчемная жизнь до болезни его устраивала. Он не привлекал ничего внимания, приспособившись к надзору, к школе, почитывал книги, занимался в школьной Сети, вяло избавляясь от совсем уж позорного невежества, учил язык за языком, иногда рисовал – и время от времени ускользал в свои дырки и разведывал, что там и как. Или просто гулял. И Службу, и Сеть несложно обмануть, надо просто возвращаться в ту же самую секунду, в которую ушел. Тогда системы слежения ничего не заметят. Он называл это «вязать узлы вре-

мени». Если бы это стало известно Игнатию... Говорить ему или нет? Он посмотрел на табло и увидел дату: 14 июля.

Вот это да... Вот это совпадение.

Год назад именно в этот день Игнатий сам отвозил его из санатория Службы в неизвестную, страшную обыкновенную школу и в дороге долго пытался разговорить, а потом ругал. Его-то заморочить никогда не удавалось, он точно знал, что Мур врет, и врет неумело, будто ничего не помнит о своем бродяжничестве. Ругал ужасно, наотмашь. Мур отмалчивался, привычно закаменев, погрузившись в ту же безучастность, что и в самые отвратительные моменты пережитого. Ждал посадки, чтоб тут же метнуться в первую же нору, неважно какую. Пусть там – хоть снег, хоть пустыня, хоть трупщобы Агры. Он решил, что с него хватит. Что на кой ляд ему их школа со строгими порядками и наблюдением. Что лучше одному, чем дома под надзором без секунды передышки. Что это был очень глупый порыв – вернуться; пора смываться. Что еще чуть-чуть, и они перестанут ругать и начнут кормить какими-нибудь «таблетками правды», и он в самом деле расскажет. Все. Всю свою никому не нужную, обыкновенную, жалкую, глупую правду. Как бродяжничал, как выживал. Как пытался прибиться к людям – и как удирал от них куда глаза глядят. Люди вообще-то – ужасные существа. Одиному ребенку лучше держаться от них подальше. Игнатий хочет, чтоб он все рассказал. Как? Как рассказать вообще о том, что он делал – чтоб выжить? И – чему научился... И что сам умеет такого, чего не умеет вообще никто. Невероятного. Сам не рад. Это... Это не человеческие способности. А очень, очень страшные. Что синяя плазма, что двойчатка, что... Да хоть самое безобидное – норы. Стоит большим узнать, и он окажется дома. На Гекконе. В бесконечном лабиринте тайных лабораторий. И что тогда Близнецы с ним сделают? Так что неважно, что Игнатий ругает так, что внутри уже все воет от тоски и боли, а нервы визжат. Надо молчать.

Ужасный день. Это именно в те часы он впервые почувствовал еще не боль, а лишь какое-то неприятное неудобство глубоко в правом боку. Но сбежать, конечно, не удалось, потому что из люггера в небе не выскочишь – а почуявший неладное Игнатий привез его не в детскую школу, а на какую-то секретную базу Службы на орбите. Мур не испугался. Его сознание тогда остыло, зрение сделалось черно-белым, и разум будто поставил точку: «Все, жизнь закончена.» У Игнатия кончилось терпение и он привез его, упрямого, в такое место, где Служба проводит свои дознания. Мур покрылся льдом изнутри и снаружи. Игнатий привел в небольшое помещение, где был стальной стол с двумя стульями и черный диванчик, сказал: «Когда успокоишься – поговорим», и ушел. Серые стены, стальной пол. Как на Гекконе. Он сел, не снимая рюкзак, на краешек стула. Холодно... Это, наверно, тюрьма, и пусть: даже хорошо, ведь они верят, что отсюда не убежать. Надо в самом деле успокоиться. Орбита станции довольно низкая, стационарная, отсюда порталы будут открываться почти так же, как с поверхности планеты. Надо только перестать психовать.

Но успокоиться не удавалось. Было страшно. Он все ждал, что придут, схватят, сделают укол, и он побежит рассказывать Игнатию вот просто все-превсе о себе и проситься к Близнецам. Когда робот принес еду, он поел, а печенье и бутылочку с соком спрятал в рюкзак с вещичками, которые накопились в санатории: трусы, футболка и пара книжек – выхода в Сеть ему никто и не думал предоставлять, а, чтоб не маялся от скуки, сунули бумажные книжки. Вроде бы даже интересные... Подумав, книжки он достал, сел на диванчик и листал их до вечера, выхватывая глазами бессмысленные фразы с нарядных страничек. Ведь следят. Пусть думают, что он спокоен и ничего не боится. Ужин, долгие ночные часы в полутьме, завтрак – и он опять спрятал вареное яйцо, яблоко и крошечную упаковку с медом в рюкзачок. Потому что голод, когда совсем один и взять еду неоткуда – это ужасно. Игнатий вошел после обеда, как раз когда он прятал в карман рюкзака шоколадный батончик:

– Зачем ты откладываешь еду?

– Про запас, – не смутился Мур.

– Тебе никогда не откажут в еде, – пожал плечами Игнатий.

– Ну, это только Дома, – усмехнулся Мур. Он осмелел, потому что в углу серой комнатки чувял знакомое искажение пространства. Там скоро откроется нора, надо только так себя вести, чтоб не увели отсюда. И даже не смотреть в тот угол. Жаль только, что нервы воют и страшно. Так страшно, что вдруг помешают. Или не успеешь. Надо тянуть время. Да как же успокоиться? У Игнатия зоркие глаза. Мур сел в угол диванчика и сложил руки на коленях.

– Ага, – Игнатий сел за стол, на котором лежали ненужные книжки, сдвинул их в сторону. – Какой послушный, а? Мур, ведь понятно, что ты намерен сбежать. Причем сбежать мгновенно – и мы ничего не успеем сделать. Уж сколько раз не успевали. Что, ты думаешь, мы не знаем, что это у тебя за способность? Поэтому я и привез тебя сюда. С орбиты не сбежишь.

Мур молча ждал, что он еще скажет. Игнатий усмехнулся:

– Ну, по крайней мере, сегодня ты меня слушаешь. Давай поговорим. Мурчик. Объясни ты мне, пожалуйста, что вдруг случилось? Ты ж в санатории-то со мной разговаривал, был вполне вменяемый, разумный. Школу выбрал.

– Я... Я передумал, – через силу ответил Мур.

– Ладно, если не школа, то что?

– Ничего. Я передумал вообще. Совсем.

– Ага. «Ничего» – это что? Воля? Бродяжничество? Приключения?

Мур пожал плечами. Как сложится. В общем, все равно. Хорошо бы, как когда-то давно, идти и идти по бесконечному берегу вдоль теплого моря... Как будто правда кто-то далеко-далеко ждет. Но ведь ждать некому. Тогда зачем идти?

– Замкнулся на все замки... А в контору Службы на Ореаде ты примчался совсем другим. Я видел запись. Ты был открытым. Нервным, резким, но ты смотрел на нас, как на своих, видно было, что мы тебе нужны, что ты правда хочешь Домой. Ты ведь ждал от нас помощи.

– Я ошибся.

– Нет, не ошибся, – вздохнул Игнатий. – Мы-то хотим тебе помочь. А ты отказываешься. Передумал он... Ну ладно я тебя ругал, это понятно, что чересчур, прости, но... Мурашка, что случилось на «Чайке»? Не прячь глаза. Ну?

«Чайка» была малым военным крейсером Дракона, на котором Мура в качестве пассажира с Ореада отправили Домой. Сначала все было хорошо, и даже то, что в Муре экипаж сразу опознал нави, дела не портило. Ему казалось, что уж теперь-то он в безопасности, ведь в руках билет, выписанный Службой, и он находится на борту совершенно законно. Но потом вдруг один урод заступил ему дорогу и предложил «утешить и приласкать». Мур отступил, убежал, украл на камбузе две пачки печенья, заперся в крошечной каюте и не вышел ни разу, а воду пил техническую, из крана. Через девять суток он стал легким, звонким и ко всему безучастным, даже к тому, кто такие эти люди, вскрывшие дверь каюты и что они с ним собираются сделать. Но они не сделали ничего ужасного, только укол с глюкозой. Завернули в одеяло и отнесли на другой корабль, и еще через сутки Мур оказался в санатории Службы на Океане, и нянечка кормила его с ложки детской кашей. Почему сразу не отвезли на Геккон – не понимал. Но в везение не верил. Близнецы наверняка давно в курсе, что он – в руках Службы. Насколько еще хватит характера терпеть и ждать, что они решат? Когда он окреп, появился Игнатий, сотрудник Службы, старик с артритом и въедливым взглядом, с хмурыми вопросами. Врать Мур никогда не умел. Но он умел молчать. Более того, если вместо Близнецов им занимается Игнатий – можно уже не так бояться? Иначе давно б кусочки и микронные срезы его выпотрошенной тушки изучались бы в секретных лабораториях Геккона. Значит, он Близнецам не интересен? А может, и никому не интересен?

Так что Мур, не в силах оценить опасность, большей частью отмалчивался, а Игнатий всерьез и не допрашивал. Не пугал. Предложил самому выбрать из списка предложенных интернат для проживания, где о Муре позаботятся. Потому что мал жить один. Муру не стало

смешно, но бровь он приподнял – Игнатий осекся, пожал плечами и сказал, что жить одному никто не позволит, что жизнь в одиночестве – это тупик и все такое. Что по факту он Маугли, и неплохо хотя бы детские учебники почитать. Мура затрясло от этой клички. Знают тут или не знают? Колотило все сильнее. Игнатий осекся и сунул бутылку с водой. Мур попил и, впервые за неделю открыв рот, спросил, можно ли вообще Дома найти такую школу, где знать, что он нави, не будет никто. Игнатий не удивился, с кем-то поговорил, и школа такая нашлась. Мур надеялся, что она не будет хуже военного лицея для сирот, циркового интерната или дисциплинарной школы для малолетних преступников и бродяг.

Ведь и сам Игнатий был терпимее любых подобных, по долгу службы имевших к нему интерес сотрудников Службы. Разговаривал прямо, слегка цинично, на любые увертки реагировал насмешливо. Как хороша его, Мура, жизнь будет Дома, не рассказывал. Обещал лишь, что ему без всяких условий дадут крышу над головой, возможность учиться и будут кормить за так. Мур на это был согласен. Крыша и еда. Больше ничего не надо. Если б не эти расспросы в дороге, не выволочка за «безответственность, трусость, отказ сотрудничать и тупоумие»... Видимо, у Игнатия кончилось терпение.

– Что случилось на «Чайке»? – мягко спросил Игнатий.

Мур ниже опустил голову.

– Твои намерения изменились именно во время перелета, – настаивал Игнатий. – Значит, что-то стряслось, раз ты заперся в каюте на все замки, даже не прихватив с собой еды. Что удивительно при твоих повадках, – он кивнул на рюкзачок.

Мур пожал плечами. Не объяснять же... Игнатий ни слова не упустит. Сидит вот, смотрит, делает выводы... Ладно, пусть. Еще немного и нора откроется.

– Ты спрятался потому, что сам натворил что-то плохое?

А может, он и правда сам спровоцировал то гадское предложение «приласкать»? Может, улыбался, когда не надо было, может, не понял каких-то знаков, нечаянно повел себя так, что это было истолковано как разрешение предложить ту гадость ему? Да ну, нет. Он и глаза-то на этих красивых, умных военных поднять боялся. Громадные, породистые люди. Форма, негромкие голоса, недостижимо чистый и правильный мир. Чужой мир, брезгливо и чуть любопытно рассматривающий странного пассажира. Чувствуя себя немойтой диковинной зверюшкой, он и в первый день с трудом заставлял себя выходить на обед и на ужин в кают-компанию. Они настойчиво задавали вопросы, спрашивали, все ли в порядке и чем помочь, как его зовут и где он учится... Мур вежливо отвечал, что «все в порядке», но сам ни с кем не заговаривал. Он так их всех боялся, что даже есть при них не мог, так и оставлял нетронутую тарелку... Чем он привлек урода? Наверно, дело во всегдашней людской жадности к нему – деться некуда, так и норовят поймать и себе оставить. Или вопросы задавать, как будто он им всю жизнь свою рассказать обязан. У того урода ведь та же жадность, только в уродском варианте.

– Мур, подними голову. Ну что ты. Я же знаю, ты ничего не натворил. Первые два дня ты ходил по стеночке, потом спрятался. Тебя оскорбили? Напугали?

– Сам насовсем испугался, – устало сказал Мур правду.

– Из запертой каюты-то тебя вытащили. А ты в самом себе заперся. Молчишь и молчишь.

Ты и тут всех боишься?

– ...Не только людей, – вдруг ответил Мур, чувствуя, как что-то в нем сдалось и, как в обмороке, повалилось на спину.

– А чего? – посмотрел Игнатий из-под тяжелых век.

– Не знаю. Может быть, того, как тут устроен мир.

– Ты совсем не понимаешь, как тут устроен мир.

Мур пожал плечами. Он правда мало знал о Доме.

– Все равно я зря вернулся.

– Не зря. Ты нуждаешься в помощи. Ты мал. И ты – наш мальчик, наш. Этот мир повернут к тебе самой доброй стороной, – мягко сказал Игнатий. – И собирается все, что нужно, для тебя сделать. Мы отпраплялись в школу, если ты помнишь. Это ты меня напугал: выпрямился, весь восковой, взгляд в точку, в рюкзачок вцепился – я понял, что ты сбежишь, едва люггер сядет. Что, мне надо за тобой гоняться? Вот и привез в надежное место. С орбиты не сбежишь.

Мур опустил глаза и вжался в угол диванчика.

– Что ж с тобой делать, – вздохнул Игнатий. – Ты в отчаянии. Мурашка, да как же тебя убедить, что ты Дома и нас не стоит бояться?

– Я зря вернулся, – вяло повторил Мур. – Не в том дело, что тут мне так страшно, а... – он не стал договаривать. Игнатию и так понятно, что Мур в прекрасном мире Дома ни на что толковое не пригодится.

– Мур, ну, говори. Я-то думал, у тебя проблемы с речью, как у дикаря, а ты, оказывается вполне говорящий. И хорошо говорящий, – улыбнулся Игнатий. – И хорошо, значит, мыслящий. Ты умный, Мурашка, я знаю. Только отчаявшийся. А на Ореаде ты прибежал к нам совсем другим. Бежал так, как бегут домой.

– Ну, тогда я верил, что Дома будет лучше... Правда, почему-то так бежал, будто меня на самом деле кто-то ждет. Кто-то зовет. Будто я тут нужен. Будто могу пригодиться. Мне показалось.

– Может, и зовет, – странно сказал Игнатий.

– Кто, Геккон? – усмехнулся Мур. – Что, надо было сразу прямо к Близнецам возвращаться? Им-то я точно буду нужен. В формате микронных срезов.

– ...Ты с ума сошел? – у Игнатия по-стариковски дрогнули руки. – Мур! Золотой Кот! Очнись! Что ты себе придумал? Да ты Близнецам... Ты б знал, как они рады, что ты вернулся.

– Я понимаю, – Мур вспомнил железные стены лабораторий, сверкающие медицинские инструменты на белых столиках, приборы, устройства и прозрачные шкафы с лекарствами. Его затрясло. – Они любят... Исследования.

– Близнецы сказали, тебе нельзя на Геккон. Говорят, пока надо тебя, дикаря, хотя бы приручить. Значит, будем приручать. Ты захотел в обычную школу? Хорошо, ты будешь жить в школе среди обычных деток и там никто не узнает, что ты нави. Там и про Геккон-то никто не слышал.

– Но ведь вы привезли меня сюда.

– Потому что ты хочешь смыться. Может быть, я допек тебя своими дознаниями?

– Ну, это тоже...

– А что еще? Ты хочешь жить так, чтоб никто не знал, кто ты и откуда? Хочешь притвориться обычным ребенком? Так ты это получишь в детской школе. Обживешься, привыкнешь. Почитаешь учебники, чтоб понять, что такое – жить тут. Я тебя буду навещать раз в три месяца. Потом решим, что дальше, потому что для тебя детская школа... Это тупик. Пустая трата времени. Ох. Ладно, как ты хочешь, так и будет. Думаю, в сиротских заведениях ты чувствуешь себя в безопасности. Таков твой жизненный опыт. Так что – пожалуйста. Мы ведь договорились? Или я слишком напугал тебя, что привез сюда? Мур, ну не молчи. Чего ты хочешь?

Мур подумал, что если за порталом окажется зима или пустыня, он ляжет ничком, закроет глаза и больше никогда не откроет. Подумав, он сказал правду:

– Я не знаю. Уже так давно живу и живу, и все надо жить, и выживать... а зачем. Даже Дома все так плохо. Ну, какой смысл в том, чтоб именно я жил на свете? А не те четверо, которые были у Близнецов до меня...

– Какие четверо? – насторожился Игнатий.

– Прототипы. Неудачные. Их нет. Я ведь тоже не получился, просто живу дольше.

– Да, Близнецы натерпелись с этим проектом. Потому и продолжать его не будут. Говорят, на Гекконе от тебя толку не будет, так что...

– Пусть уже лучше меня совсем не будет, – Мур ждал нору.
– На самом деле ты так не думаешь. Это просто момент слабости.
– Может быть, – пожал плечами Мур. – Может, когда окажусь на свободе, снова все станет цветным, хорошим и жить захочется.

– В школе у тебя будет полная свобода. Только еще и безопасность.

– Свобода? Видимость свободы.

– Нет, свобода. Настоящая. Потому что стоит тебе позвонить мне, и жизнь твоя изменится так, как ты захочешь. Хочешь – другая школа, где ты правда чему-то сможешь научиться, а хочешь – дом и приемная семья.

Мур молча передернулся. Игнатий вздохнул:

– Если тебе сейчас все равно, что с тобой будет, почему бы пока не поехать в школу? Тебе не надо будет воровать еду и вообще о чем-либо беспокоиться.

– Да на кой я вам сдался? Нет меня – нет хлопот.

– ...Ты сейчас не веришь никому, – помолчав, хмуро сказал Игнатий. – Так что давай-ка попросту: заключим договор.

– ...Какой?

– В одно правило. Мы оставляем тебя в покое, ни о чем не допытываемся – а ты не сбегаешь.

– И все? Просто не сбегаю?

– Конечно, жить будешь под наблюдением, потому что нам ведь не только твое присутствие важно, а чтоб еще и ни один волос с твоей головы не свалился, – Игнатий вздохнул. – Понимаешь? Служба в моем лице обещает тебе полную, абсолютную защиту. К тебе без ведома Службы не подойдет никто. Так хочешь?

Мур представил, что сделала бы Служба с тем военным уродом с «Чайки», который предложил «приласкать», и измученный трус в нем обрадовался:

– Хочу. Ой. Правда, так, что никто-никто не подойдет – очень хочу.

– Понятно, – улыбка Игнатия была полна облегчения. – Но и сама Служба тебя тоже беспокоить не будет. Наблюдать будем, требовать взаимодействия – нет. Кроме как раз в три месяца мой визит. Редко, да тебе больше всего сейчас, похоже, нужны время и покой. Никто ничего тебе навязывать не будет. Только школьные, как к остальным детям, требования выполняй. Ничего больше. Привыкнешь к Дому, к людям – и то хорошо. Ну, останешься?

– ...Вы один будете приезжать?

– Это важно?

– Ну, если вы один, и не надо садиться в люггер, вот как вчера и вместо школы мы сюда прилетели... Так я же от вас убегу, если что.

– А у меня есть такое кресло, которое быстро летает, – слегка обиделся Игнатий. – Ты ведь видел.

Мур кивнул:

– Да, а я зато хитрый. Вы не успеете вот просто ничего, поверьте.

– Да верю и так. Знаю потому что, какие заложены в твой геном способности. Потому сию и договариваюсь с тобой, маленьким упрямым, как со взрослым. Ну, Мурашка, что ты решил?

Мур задумался. Одному ведь хуже. Одному – только лечь и умереть...

– Добавление можно?

– Какое?

– Чтобы меня никогда не отправляли на Геккон.

Игнатий согласился:

– Да понятно уже, что тебе там не место. Да, можно. Мы не расспрашиваем, не отправляем на Геккон – ты не убегаешь. Так?

– Ну... Не в Гекконе, собственно, дело. Главное, чтоб меня не отдавали обратно Близнецам, – Мур задумался. Игнатий ждал. Наконец Мур спросил: – А это будет железное правило? Не отменяемое ничем и никем?

– Да.

– А если с вами что-то случится и приедет кто-то другой?

– Тогда ты поступишь по своему усмотрению. Конечно, это Правило распространится на всех, кто с нашей стороны будет вступать с тобой в контакт. Уверяю, что лишних контактов не будет. Ну, а раз в три месяца мое воспитание переживешь.

– Переживу... И я все равно всегда буду свободен... Поступать по своему усмотрению?

– Ты и сейчас свободен так поступить. Никто не покушается на твою свободу личности. Наоборот, видишь, идем у тебя на поводу. Но ты мал. И едва живой – тебе нужна поддержка. Пожалуйста, Мурашка, соглашайся. Хотя бы не сбегай сейчас, когда ты в таком уязвимом состоянии.

– Ладно.

– Что «ладно»?

– Я не сбегаяю, пока не спрашиваете о прошлом. И не отдаете меня Близнецам.

– Не отдаем. Да.

– А они согласятся?

– Хочешь подтверждение от них лично?

– Но я не хочу, не могу их видеть!

– Попросим их написать тебе письмо, – усмехнулся Игнатий. – Напишут, думаю. Они, правда, и так сказали, что тебе надо помочь. Что ты в жалком состоянии, что ты – провал проекта. Что, хоть того толку, что от тебя предполагался, никто уже не дожидается, надо по возможности привести тебя хотя бы во вменяемое состояние. Что тебя надо лечить в психбольнице.

– Я не псих. Мне просто... Недолго осталось.

– Да-да, как же, – усмехнулся Игнатий. – Брось, Мурашка, это нервы у тебя – дрянь. Сам понимаешь. А вообще – ты ж живучий, как стадо драконов. Один в Бездне выжил. Вернулся – сам. Не умирать же ты возвратился. А жить. Так что, мы летим в школу?

Пришел знакомый врач Бор, прервав поток воспоминаний, спросил про бок. Мур, радуясь, что тот ужасный кусок жизни давно позади, улыбнулся:

– Не болит. А куда меня везут?

– Почти на полюс, – Бор присел рядом, навел на подушечку какой-то приборчик типа фонарика, щелкнул кнопкой и шов под подушечкой защекотало. – Сейчас летим на Остров. Там тебя в течение двух-трех дней осмотрят специалисты, что-то соберут – а уж что дальше, я не знаю. Это ты у Игнатия сам спросишь.

– А мелкого куда отправили?

– На Архипелаг, в госпиталь, нервы лечить. Ты спать хочешь? Потерпи, не надо, минут через пятнадцать уже прилетим.

– Что такое Остров?

– Учебный и диагностический центр. Ну, и реабилитационный. Когда вам с Геккона специалистов мало, тогда сюда привозят. Ну, и один из этапов списания на грунт – ищем любые шансы вернуть в космос. А если таких шансов недостаточно, смотрим, к чему нави сможет приспособиться вообще. Такие центры есть на всех планетах и все называются «Островами». Наш называется «Белый Остров», потому что там снега много – он далеко на юге, в субантарктической зоне.

– Я давно не видел снега.

– А тут тебе нравилось? Тепло, море, сады.

– Но и только.

Врач внимательно посмотрел на него:

– Игнатий долго ждал, когда ты начнешь всплывать, Мур, вот бы ты скорей поднялся на поверхность.

– Я стараюсь.

– Ты выздоровел, это уже большая победа.

– Это ваша победа, – Мур за месяцы болезни очень привык к Бору. – А почему я вообще заболел?

– Разбалансировка иммунной системы и адские, видимо, стрессы; перенесенные заболевания, вроде черт знает каких инфекций и лихорадок... Но главным образом – какой-то психологический отказ от всего... И от себя. Тебе хоть стыдно?

– Но я все еще не знаю, зачем жить.

– Ты в плато. У тебя куча времени, чтоб с этим вопросом разобраться, – улыбнулся Бор. – Кстати, тебя плато и спасло в итоге. Таких, как ты, уничтожить почти невозможно... Слушай, ребенок! А во что ж мы тебя оденем? Дома-то минус тридцать и метель...

«Белый Остров» оказался купольным городком, стоящим на плоскогорье большого острова посреди темного холодного моря. В море плавали серо-синие громады айсбергов. Это был действительно крайний юг, насколько представлял Мур глобус. Чужих тут точно не бывает. Неф долго снижался над горным хребтом острова, однажды обогнув огромный пик так близко, что Мур разглядел трещинки и складки в, казалось бы, совершенно ровной скальной стенке – и большую, прямо таки огромную, солнечную в ней дырку во что-то пестрое. Показалось даже, что там был город в пыльном чаду, а в бледном небе над башнями плыл красно-золотой дирижабль. Хребет постепенно понижался, и наконец сквозь метель Мур увидел впереди светящийся в снежном безжизненном пространстве яркий волшебный городок: множество заметных крыш и переходов, башен и прозрачных куполов и пирамид, с которых снег скатывался и внутри которых сквозь яркий свет виднелось что-то зеленое и голубое, наверное, сады и бассейны. Вот это да... Красиво. И еще мерцали тут и там волшебные дырки, так что нервы подражались. Есть щели – значит, можно и смыться, если что. Все в порядке.

Какая там снаружи холодина... И сумерки. Жуть. Зима – это ужас. Полюс рядом. Но он же теперь не один, большие заботятся? Неф сел на парковке, обозначенной мигающими желтыми огнями. Чужие взрослые, поглядывая на Мура, зашли забрать свои куртки, потом нешумно оставили неф. С Муром остался только Бор. Скоро принесли холодный пакет с новой одеждой и ботинки, и странно было надевать пухлые штаны и куртку на летние шорты и майку, а ботинки – на босые ноги. Сандалии пришлось взять в руки, хотя он и не верил, что они пригодятся в ближайшее время. Наконец вышли наружу.

Мур замер, задохнувшись от студеного воздуха. Веера желтых отблесков кружились вокруг полузаметных снегом фонариков, обозначая границы парковки и хлеща светом по ногам. В сторонке лазейка в вечерний ельник, и тянет оттуда смолой и грибным теплом. Мур перевел дыхание, заставляя себя успокоиться. Щели открыты. Да, зима. Мороз. Лютый. Но он не один. И есть теплая одежда. Бор внимательно наблюдал за ним – но спасибо, что за руку не повел. Снег... Сколько снега! И он вокруг... Везде. Мур присел и потрогал снег летней сандалиной – след тут же затерло поземкой. Мур сунул пальцы в снег – холод. Чистый-чистый, ни с чем не сравнимый холод. Он взял немножко снежка, понюхал – зима... Не так и страшно, если тепло одет. Слизнул тающие снежинки – талая вкусная, ни с чем не спутать, водичка. Руки сами вспомнили, как скатать снежок. Он сунул сандалии в большие карманы куртки и слепил парочку снежков – руки горели, снежки, твердые и скользкие, плавилась в ладонях. Зима...

Бор смотрел спокойно, без любопытства, но и без насмешки, признавая за ним право на адаптацию. Мур смутился, зашвырнул снежки в грибной ельник, посмотрел, куда они попали (один в пенек, другой в какой-то кустик с красными блестящими ягодами), вытер ладони об штаны:

– А можно будет как-нибудь выйти погулять по снегу?

– Конечно. Вечерком. Ну – пойдём, или ещё снежку поешь?

– Он вкусный, – усмехнулся Мур.

– Сам в детстве ел. Но ты поберегись, пожалуйста: ты же из тропиков. Нам только твоей ангины не хватало.

Он привел Мура в здание, насквозь пропахшее медициной, но не похожее на госпиталь. Сказал встречавшей пожилой женщине, почти бабушке:

– Вот вам субтропическая птичка. Надо позаботиться о его одежде, а то он без вещей.

Само собой, состричь эти локоны...

– Зачем? – испугался Мур.

– Обследование будет полным. А как ты думал? Да ладно, не бойся. Отрастил космы и выглядишь, как царевич в изгнании. Давай добавим адекватности.

Бор ушел. Мур немного растерялся. В куртке стало жарко, он ее расстегнул. Бабушка вынула из стола большой ключ с деревянной блямбочкой, на которой была золотая цифра «8», и позвала:

– Пойдем, какаду.

– Какаду – это кто?

– Тропические попугаи.

Недлинный коридор казался бы совсем скучным, если бы не серебристые узоры, поблескивающие на белых стенах. Бабушка отперла комнату №8 и оставила ключ в замке – в самом настоящем механическом замке. Мур и забыл, когда такое видел – разве в музее? Мягко включился золотистый свет.

– Ты верхнюю одежду оставь пока тут. Это твоя будет комната.

Комната была довольно просторной, куда больше прежней в покинутой школе. Тут ничего не было, кроме круглого серого ковра на белом полу и кровати с полукруглым серым изголовьем. Стены тоже серые. За небольшим глубоким окном – сизый свет метели. Бабушка показала, где стенной шкаф, и Мур повесил туда куртку и штаны – они, кстати, тоже были серыми. Его зеленая майка и белые шорты выглядели здесь как привет из какой-нибудь тропической лазейки. Обул сандалики, чтоб не ходить босиком.

– Понятно, – оглядела его бабушка. – Скелет какаду. Пойдем.

Она привела в торец коридора и там за полупрозрачной дверью обнаружилась гигиеническая комната и душевые. Посадив на холодную табуретку перед зеркалом, бабушка надела передник – и минут за пять Мур лишился отросших волос. Тусклые длинные завитки немного разного оттенка падали ему на колени и на пол. Бабуля провела доброй ладошкой по голове:

– Как интересно: у тебя на темечке и на затылке волосы темнее, чем сбоку. Смотри – полоской. Ты бурундук?

– А? – изумился Мур и потрогал темя. – Тоже птица?

– Нет, грызун. Мелкий, – все таки она была очень добра.

Где там она углядела полоску? Ну да, немножко темнее сверху, и что? Обычные волосы, темно-русые... Жалко их, между прочим. Растут медленно. Вообще удивительно, что растут – потому что сам—то Мур давно остановился. Или нет? Может, он все же растёт, только очень-очень медленно?

Бабуля прошлась машинкой, сровняв волосы чуть ли не до миллиметра – эх... Из зеркала смотрел на Мура полужнакомый лобастый мальчик с темным румянцем на щеках – растерянный мальчик. Голая голова, как в детстве. Ужасно. Волос не жалко, конечно. Но без них – так незащитно. В детстве голову няньки брили каждую неделю, это жутко неприятно, а если он плохо летал или медленно выполнял уроки, то отбирали и мягкую – такую нужную-нужную шапочку. Ходи потом, мерзни. И даже скулить нельзя... И как это все вдруг сегодня стряслось?

– Красивая голова, – похвалила бабуля, собирая волосы какой-то гудящей штукой с мешком.

– А?

– Говорю, череп у тебя очень красивый. Ты давай, иди мойся перед обследованием, вон возьми там что надо в шкафчике. А новую одежду я пойду тебе сейчас соберу и вот тут на табуреточке положу. Понял?

– Понял.

– Потом ко мне на пост придешь.

Встав, дрожа, в кабинке под горячую воду, Мур понял, что уже очень продрог тут, среди темных керамлитовых стен. А снаружи, над зданием, жуткий темный мороз... И есть так хочется уже...

Как же это все стряслось сегодня? И самое удивительное – если б он полгода, год назад поговорил бы с Игнатием открыто, то немедленно оказался бы здесь? И бабуля еще год назад обгорнала бы ему волосы? И тогда он и не заболел бы так ужасно?

Капнул на башку шампунем – мыть было нечего, коротенький еж волос почти не ощущался, только ладонь скользила или ерошила до мурашек. Где бы взять хоть какую-нибудь шапку? Надо попросить. Бабуля не злая. Мур старательно отмывал себя, стараясь зря не мочить заклеенный пластырем шов. Вымылся. Вытерся. Вышел одеваться – стопка новой одежды высилась на табуретке, а рядом стояли красивые и сложно устроенные теплые комнатные башмаки. Обдирая упаковки, он оделся – тут трусы были из ткани плотнее, чем его прежние шорты... И зачем столько? Хотя ведь холодно... футболка, тонкий свитерок, и поверх всего еще плотный, с пушистым утеплителем внутри спортивный костюм. Ура: с капюшоном, и Мур скорей спрятал в него голую мерзнущую голову с торчащими смешными ушами. Темно-синий костюмчик с серыми полосками – а мальчик в зеркале казался совсем уж незнакомым. Да: тот, лохматый, в сизо-зеленой майке, которого он утром видел в зеркале, – больше не существует.

Башмаки оказались навигаторскими. Ногам было неудобно. Потому что ноги он испортил. Какой уж теперь таймфаг. Когда он, прихрамывая, пришел к бабуле, та оглядела с ног до головы и кивнула:

– Кадет. Бравый новобранец. Лоб.

– А?

– Не жалея прическу, отрастет. Есть хочешь?

– Да, – выдохнул Мур, у которого уже давно свистело в животе.

Она поставила перед ним невысокий термос и открыла крышку:

– Нормальную еду пока нельзя. Вот, бульончик. Давай. Специально для тебя принесли.

Едва Мур допил горячее, вкусное – вдруг отворилась дверь и появился Игнатий в своем кресле. Он приехал!! Мур сунул термос бабуле и кинулся к нему.

– Спокойно, – велел Игнатий. – Да стой ты. Слушай, да тебя не узнать. А худой какой, одни глаза... Спасибо за заботу, – обратился он к бабуле. – Приглядывайте тут за ним, пожалуйста. Мурашка, пойдём-ка в твою комнату. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Ужасно. Хорошо.

– Понимаю. Спокойнее, малыш, спокойнее.

– ...Как Алешка?

– Как оцепенение прошло, так устроил истерику, конечно. Теперь уже рыдать перестал. Поел. Спрашивал про тебя. Теперь спит. Проснется – начнет мотать нервы всем окружающим... Все в порядке.

Мур спорить не стал. Все равно ничего не изменишь.

В серой комнатке все та же пустота и серая кровать. Игнатий огляделся:

– Но ведь лучше, когда ничего лишнего?

– Успокаивает, – согласился Мур и показал на окно. – И зима. Настоящая. Снег. Только не жутко, потому что я в доме.

– Зима. Дом, – согласился Игнатий с улыбкой. – Да, Мур. Проси все, что надо. Книжки, игрушки, – усмехнулся он.

– Игрушки? – Мур удивился, но потом распознал, что Игнатий шутит. Шутки всегда трудновато понимать. – А сегодня – год нашему договору!

– И правда, – усмехнулся Игнатий. – Пожелания есть?

– Надо бы узнать, на что я гожусь, – Мур сел на пол, потому что вдруг сильно закружилась голова. – Какая от меня возможна польза. Близнецы говорили, я не доживу даже до...

– А ты – выжил, – резко перебил Игнатий. – И будешь жить, сколько пожелаешь. Ясно?

– ...Да.

– Ох у тебя и глазищи, – Игнатий даже чуть отъехал. – Как пропасть. Ну, успокоился?

Мур захотелось вскочить и убежать. Казалось, кружащаяся явь отваливается кусками, обнажая безжизненное, бездонное пространство. Чтобы пересилить головокружение, он кое-как он собирал куски яви обратно: серые стены, силуэт Игнатия, лампа, окно, там снаружи студеной зима в сизом снегопаде. Как трудно жить по правде. Покосился на Игнатия – тот смотрел без особого участия, серьезно.

– Это твое «жить по правде»... – заговорил Игнатий, – открывает тебе путь в интересное будущее. Мур, если ты в самом деле перестанешь запираяться... То шансы на такое будущее у тебя есть.

– Шансы... Перестать запираяться... – он с трудом преодолевал накатившее головокружение. Ну что ж, он ведь знал, что Игнатий не упустит случая «вскрыть консервную банку». – Но...

– ...Опять замолк. Я ведь тебя не допрашиваю, – сердито сказал Игнатий. – Что ты белый весь? Я всего-то хочу помочь тебе с этой твоей правдой. Вдруг она только тебе кажется такой страшной?

– Ну... Да, я трус, – хотелось лечь и закрыть глаза, тогда, может, мир перестанет вертеться. Но этот разговор такой важный. Даже время будто остановилось, даже снег за окном будто перестал падать. – Но... Все, что было в Бездне... Меня не пугало. Все самое страшное было дома. Ну, на Гекконе. И до сих пор жутко, что я – проект «Яблоко».

– ...Да, мне говорили. Тяжелый секретный проект, – помолчав, сказал Игнатий. – С ума сойти. Откуда знаешь?

– Подслушал. Еще на Гекконе. Да я не очень в курсе. Так, знаю просто, что я особенный, поэтому так растили – одного, в секрете. Там на Гекконе есть еще такие точно, как я?

– Нет. Опасно. С тобой одним-то сколько хлопот. Знаешь, мы думали, ты и Геккон почти забыл.

– Геккон не вытравить ничем, – Мур смотрел на пол, на черный обод вспомогательных колес кресла Игнатия. – И летать я умею. Поэтому, может, и вернулся, – усмехнулся Мур. – Чтобы снова... Хотя бы на марше летать. Теперь еще дошло, что жить Дома и притворяться ничем – очень глупо. Я – не настоящий человек, зато – настоящий нави. Ну вот и буду – нави. Хотя Близнецы считают, что толку во мне и как от нави не будет. Слишком тяжелый геном. Опасный, нестабильный. Даже дисциплина, мол, мне не поможет. Что я просто выносливее, чем те четверо до меня... Их быстро не стало. И я тоже долго не проживу.

– А ты Близнецам во всем веришь?

Мур пожал плечами.

– Лучше бы ты верил в себя, – мягко сказал Игнатий.

– Вера – самообман... – Мур вспомнил, что хотел сказать: – Ах да! Но то, что я это «яблоко»... Это так, ерунда. Труднее сознаться в том...

Он замолк, больше от подташнивания, чем от нерешительности. Голова все кружилась, медленный мир тек по краям. Глаза Игнатия сверкнули:

– Давай уже сознавайся, чудовище.

– Ну... Наверно, стоит сказать правду... Вы знаете, какая у меня была причина исключения из пилотов?

– Читал, что ты терял цветное зрение на десятой минуте таймфага. Никто не понял, почему.

– Еще бы. В таймфаге цвет был всегда. Но я наврал. Наврал всем, а наяву цвет стал уходить по какой-то нервной причине, когда мне было тошно жить. Легко было этот недостаток всем предъявить и доказать. Но летать я бы мог. Я – притворился, что не могу, – Мур закрыл ладошкой занывший шов. Стало трудно дышать, совсем как в капсуле с плохими, ужасными, мучительными цветами, куда его засовывали в детстве, если он плохо летал. Там так же все кружилось. Но его не стошнило там ни разу, значит, и сейчас не стошнит. – Я... Обманул всех. Так что врать я в принципе умею.

– Нет, не умеешь. Прежде чем винить себя, подумай, насколько мал ты был. Потерять цветное зрение можно ведь и из-за нервотрешки. Но я плохо представляю, чтоб ты мог отказаться от таймфага. Это ж жуткая зависимость.

– Вот и все так подумали.

– Тонкий расчет для малолетнего.

– Не сложнее поискового. Труднее было себя пересилить.

– Как сейчас с глазами?

– Иногда перестаю различать цвета, вот как весной, когда заболел так ужасно. А бывает – вообще на ровном месте, еще хуже: мир вдруг разваливается на две половины, – Мур провел пальцем по полу, – вот так, на черную и белую. Как весной после письма Близнецов... Ну, на что я с таким ненадежным зрением гожусь, как нави? Разве я смогу летать?

– На марше – сможешь. Да вот тебя обследуют и подтвердят. Но на кой ты нам как маршевый пилот? Таких тысячи. Мурашка, да что тебе свет клином на космосе сошелся? Тут внизу будто важных дел нет.

– Я не знаю, каких. Я нави, я сделан, чтоб летать. Правда Близнецов и Геккона не будет?

– Правда.

– Почему вы утром сказали, что я нужнее им, чем кто бы то ни было?

– В человеческом смысле, – вздохнул Игнатий. – Ты для них – страшная этическая проблема.

Мур не понял. Но человеческие смыслы его не касаются.

– Что ты опять замер? Хватит ныть, – сухо велел Игнатий.

– Я не ною!

– Вслух ты никогда не ноешь. Почти. Дрессировка Аша и Ая. Все, уйми нервы и не скули. Они не нарушат ни договор с тобой, ни свое обещание нам и... Ах, Мурашка. Ты бы знал, чей это был проект «Яблоко»... Вот уж его доверие обманывать – преступно.

– Чье? Того, кто меня придумал? Кто сложил во мне ужасные гены?

– Да.

– И это тот, кто решает, как жить мне и Алешке? Хозяин Сети?

– Да. Нетрудно догадаться. Так, Мур. Упокойся. Никакого Геккона. Значит, говоришь, притворился? Уже тогда был умнее и хитрее, чем казался, да? Правда, всех удивило то, что никто из отсева не переносил списание на грунт легче, чем ты, чудовище. Никаких слез, капризов, страхов. Тебе, казалось, всё было безразлично.

Мур замер, уставившись на какую-то блестящую штуковину на ободке кресла Игнатия. Перевел дыхание:

– Нет. Не безразлично. Это было... Ужасно. И граница – как пропасть.

– ...Какая граница?

– Я нави, все – люди. Как прозрачная стена. Как глухота. Ни им меня не понять, ни мне их. Я один, а их много-много. Но я все время хорошо себя вел. Боялся. Особенно в том доме в лесу, куда меня привез Вук.

– ...Ты что, помнишь Вука?!

– Еще бы. Он иногда со мной играл. Я даже думал, он – тоже нави. Но Близнецы сказали, что – нет.

– Еще и Вука помнишь, – Игнатий потер лоб. – Играл, говоришь?

– Редко, конечно. Вук Близнецов не боится, потому что самый главный на Гекконе. Хоть и мальчик, – да что ж сделать с этим головокружением? С чего вдруг башка покатила под откос? Надо говорить, чтоб Игнатий не заметил: – Но это не важно, что Вук мальчик – он просто в плато. Я тоже в плато. Потому и вернулся, что мелкому существу вроде меня в этом бесконечном плато лучше дома, а не в Бездне. По крайней мере, окружающим понятно, почему ты не растешь. Вук же никого не удивляет... Да... Он добрый.

– Мне известно, он тогда нарушил протокол списания: схватил тебя в охапку и утащил вниз.

– Да. Спас от Близнецов.

– Как это было?

Мур поморщился.

– Правило? – огорченно спросил Игнатий.

– Да нет... Это ж было еще Дома.

– Я не скажу: «не ной», – мягко сказал Игнатий. – Ты просто рассказываешь о том, что я уже знаю. Но важно понять, как это было для тебя. Ну, расскажешь?

– Когда врачи сняли с таймфага, стало совсем страшно, – пожал плечами Мур. – Ведь если нави летает плохо, его уничтожают.

– С ума свихнулся?!

– Близнецы так говорили, – пожал плечами Мур. – Я вообще-то не верил, конечно, потому что ведь они любят припугнуть, и рискнул... И вот привели в третью лабораторию... Я был как тряпичный. Они – мрачные... Аш так вообще злой... И я... ощутил. Что уж сейчас-то убьют. Усыпят. Запросто. Ну, вот как если грязь, то хочется скорей убрать, все вымыть... Я думал еще... Ну, что я ведь виноват, что нервный, невыносливый и глаза плохие... И что врал про цветоразличение... За вранье они, если узнали, точно убьют. Тут пришел Вук, спросил, что случилось... Хороший такой. Как будто с неба, ласковый, стал играть, расспрашивать... Я потихоньку спросил, будет ли больно, когда усыпляют. Вук взбесился... Близнецы – тоже... Они все ушли разговаривать... И вдруг Вук прибежал обратно, схватил меня и утащил. Близнецы нас не догоняли. Я так крепко за Вука держался... Он костлявый. И он меня крепко держал, и все говорил: «Спокойно, спокойно». И вот – наружу из лабораторий, потом – коридоры железные, длинные – к причалам и в люггер... И в космос. Совсем наружу. Громадный мир... И можно жить.

Игнатий молчал. Мур струсил и обругал себя за дурацкий и жалкий рассказ. Ну, к чему он разговорился? Игнатий-то что может против Близнецов? Близнецы – они же... Драконы. Часть Дома... Игнатий наконец – лицо темное, мрачное – сказал:

– Вот теперь мне многое яснее. Как глупо было требовать от тебя...

– Адекватности? – сжался Мур. – Ну да, я...

– Немножко псих, – мягко сказал Игнатий. – Еще бы. Займешься делом, и все пройдет. Знаешь, в нашей природе преувеличивать свои потери. Но в то же время, вот сколько я за жизнь видел людей в беде – в нашей природе и стремление выживать, выпрямляться и наверстывать потерянное.

– Я хочу выпрямиться, – подумав, сознался Мур. – Но что мне наверстывать? Таймфаг? – он посмотрел на ноги, которые все болели и болели в неудобных ботинках. – Какое такое дело?

– Тебе не дело надо навестывать, а жизнь. Ты считай, нормально и не жил. Всего боишься. Вот скажи, да почему ты до сих пор уверен, что Близнецам нужна твоя смерть?

– Я как-то опасен, – сказал правду Мур. – Видимо, во мне есть... Есть что-то такое, что им лучше уничтожить вместе со мной.

– Опасен, конечно. Но ведь тебя опасным и создавали. Нет резона тебя уничтожать, если ты так нужен.

Мур не поверил. Игнатий может и не знать, какие резоны у Близнецов. У них – своя правда. Посидел молча, обхватив себя руками и уставившись в пол. Голова все кружилась и кружилась, и он старался смотреть в одну точку. Игнатий молча ждал. Мур силой заставил себя выпрямиться:

– Да, Вук меня спас. Забрал. Но... Он – мальчик. Хоть и хозяин Геккона, а может чего-то не знать. Он же не генетик... А если Близнецы правы? Что я ношу в себе? Что-то ведь сложилось неудачно, раз они приняли такое решение. Им виднее, – он посмотрел на снег за глубоким окном – это белое безучастное падение множества невесомых, чуть освещенных светом отсюда частиц во тьме происходило, казалось, на другой планете. Голова закружилась сильнее, и он отвел глаза. – Да, правильно – жить по правде... Но вдруг я, если буду жить по правде, явлю... Какую-нибудь свою ужасную суть, и... Они заберут и уж теперь-то точно... Утилизируют.

Игнатий вздохнул:

– Нет. Для Близнецов – проект «Яблоко» закончен. Все. Им на тебе свет клином не сошелся. Ну да, Геккон жалеет о тебе; знаешь – всегда разочарование, если рушатся большие планы – а на тебя планы у флота были огромные: как под будущего флагмана, уже начали собирать флот.

– Что? Флот? Под меня? Мне было восемь лет! Какой флот?!

– Тем не менее. Близнецы, кстати, были против. Таймфаг они рассматривали прежде всего как средство развития твоего жуткого интеллекта, а вовсе не как твой будущий удел на всю жизнь. Думаю, они были рады, когда Вук забрал тебя с Геккона. Ладно, дело прошлое. У них полно работы. И тебе давно пора о них забыть.

– Я не могу. Я до сих пор все на свете измеряю их мерками. Они меня создали.

– Нет. Не они. Я-то думаю, что это у нас за чучело вместо ребенка, а дело-то в том, что ты до сих пор их боишься! Успокойся, ребенок. Нет в тебе никакой ужасной сути. И ты им ни для каких опытов не нужен.

– Ну да, логично, ведь у них давно есть кто-то следующий... – Мур потер боковой бок, потом лоб. Не может быть, чтоб он ошибся. Он правда видел свою смерть в безразличных глазах Близнецов. И даже их нетерпение в последние его дни на Гекконе покончить с ним как с какой-то ужасной проблемой... Он вздрогнул и посмотрел в теплые глаза Игнатия: – Я не мог ошибиться. Они хотели меня уничтожить.

– Нет. Ты ошибся.

– Я людей, – Мур хотел встать. Но сил не было. – Правда не тронут? *вижу*

– Хотели бы тронуть – не стали бы тебе посылать то письмо с договором, а забрали бы, хоть целиком, хоть по частям. Хотели бы – ты был бы сразу с Ореада доставлен на Геккон. Но им надо, чтоб у тебя все было хорошо... Ох. Ведь они не знают, что ты, оказывается, про них думаешь. Какое уж тут «хорошо».

– ... «хоть целиком, хоть по частям»...

– Нет. Тебе там не место. Мурашка, и что, ты вернулся домой, принимая риск, что можешь снова попасть к Близнецам?

– ... Да ведь у меня на свете никого, кроме Близнецов, и нет.

Игнатий выпрямился:

– Так что, ты сам хотел их увидеть?!

– Вовремя опомнился, – усмехнулся Мур. – Так, устал... Хотел домой. Будто кто-то зовет... Хотя звать-то ведь некому. Хотя, конечно, я помнил, что здесь ведь и Вук живет на свете, не только Близнецы...

– Ты хочешь Вука повидать?

– Я его подвел. У него, раз он привез меня в тот специальный дом в лесу, где столько народу обо мне заботились, наверно, были насчет меня какие-то планы. А я убежал.

– Он сам виноват. Недооценил тебя. Хотя, конечно, тебя все тогда... Недооценили. Беглец. Как вернулся-то, расскажи.

– Геккон и в хорошем смысле незабываем. Технологическое совершенство, корабли, форты, вся система флота, фронтир... На других кораблях летать, на этой убогой ядерной прямоточке – все равно что на метле. Сначала вернулся в родное время. И тут подвернулся фрахт на Ореад, а это, считай, уже почти что домой, значит, можно вернуться и посмотреть, как и что. И я не стал отказываться... Ой.

– «Фрахт на Ореад». Ага. Купцы или вояки?

– Контрабанда нейропротекторов. Вы бы видели это судно... Это от них я удирал, как крыса, через весь порт на Ореаде. Я знал, что должна быть в порту ваша Контора. До сих пор не знаю, как угадал... Вижу – наши, и прыгнул... Не могу рассказывать, – через силу сказал Мур. – Вот не буду и все. Ни про Дикие флоты, ни про Геккон и Близнецов. Не надо меня заставлять, пожалуйста. Хотя бы сейчас.

– Правило, – кивнул Игнатий, не отводя зорких глаз. – Никто и не заставляет. Но если б не твое умение проваливаться сквозь землю – заставили бы. Я сам вскрыл бы тебя за минуту. «Контрабанда нейропротекторов», надо же.

– Это Дикие Флоты где-то в Бездне производят, – сказал Мур, пытаясь заговорить зубы Игнатию.

– «Где-то»? Что-то я не верю, что ты, нави, и не знаешь, где именно бывало твое судно.

– Ну и что, – беспомощно буркнул Мур. От страха опять заболел бок. Он огляделся, отыскивая ближайшую щель. Да, вон. В углу. Метров пять до портала, а там что-то желто-серое, осеннее. Можно успеть добежать...

– Спокойно, – велел Игнатий. – Сиди, чудовище. Нечего бояться. Ну, Мурчик. Успокойся. Мало ли в чем ты замешан. Выживал, как мог, вот и все. Спокойно, спокойно. Но мне ох как интересно, как ты попал в Дикие Флоты и как сумел выжить.

– Случайно угодил на одну планету... Они зовут ее Навет.

– Это далеко. Навет, Завет, Привет и еще какая-то...

– Ответ.

– Да, точно. Край Галактики Доменов. И что на Навете?

– Да примитивный космодром на плоскогорье, и там корабль. Я подошел, сказал: «Здравствуйте, я – Маугли». И все.

– Ты – Маугли?! Нави Маугли Молния?

– ...Правило? – беспомощно спохватился Мур. Это все из-за того, что голова все кружится и кружится! – И откуда вы знаете?

– Служба следит за Дикими Флотами. Маугли Молния – тот еще персонаж. Ищем до сих пор, – сердито сказал Игнатий. – Ясно же, что так летать даже на старье могут только наши... Значит, ты... Вот почему ты трясешься, стоит только «маугли» тебя обозвать... Ох.

– ...Что, тогда под арест?

– Да ну тебя. Мур, ты только это скрываешь?

– Если бы... Но... А как ближе к Дому-то попасть... У них простые ротопульта, старье. Я их настроил правильно, и... И мне легко жилось. Никто не... Не обижал. Охраняли. Еды сколько хочешь. Доля – одна пятнадцатая, потому что куда им без меня в Бездне-то...

– ...И много заработал?

– Много. Даже симбионты себе покупал... Не жутко дорогие наши, правда, а так, легийские... Толку немного... Мне надо было попасть ближе к Дому, поэтому я... Чем ближе к Дракону, тем больше риски... И вина. Придется ответить?

– Ты б знал, кто твой заступник, – хмыкнул Игнатий. – Велел тебя не трогать, не спрашивать и соглашаться на любые твои Правила. Думаю, он-то знает, что ты Маугли, но... С таким заступником не спорят.

– ...Вук?

– Нет. Не догадываешься? Да скорей всего, ему плевать на твои прегрешения. Ему ты сам нужен. Может, он думает, что ты и так намучился, а может, он вообще все знает, да сам лишнего не говорит... Разрешил же он продавать старые корабли Диким Флотам... У него теперь поэтому и в Бездне свои Сети, пожалуй.

– Сети в Бездне? Вы что... Это он... Сети?!

– Он сознался сегодня, что насчет Алешки протокол действительно был. Что Сеть помогла Алешке добраться к тебе и заодно выявила все уязвимые места Службы. Что-то он еще проверял и в нем, и в тебе, но нам не сказал. Вроде бы – доволен. Но по Юмису никогда толком не поймешь, доволен ли он. Учтив уж очень.

– ...Ой. Вы про самого Дракона, что ли? Про Юмиса Дракона?! Да ему-то что до меня?

– А ты подумай, – тяжело взглянул Игнатий. – Для кого работает Геккон? Для кого работают Близнецы? Понимаешь? Нет?

– Нет. Не понимаю... Если только... А! Так это его «Яблоко» -то! – сложил два плюс два Мур. – Кого бы еще Близнецы стали слушать!! Ой. Это что ли он меня придумал? Ой... Ой. Ой, жуть...

– Никакая не жуть. Юмис – нормальный, умный, справедливый парень.

– Ага. Вот он возьмет и размажет меня по предметным стеклам.

– Да зачем же ему для этого ты сам? Все твои анализы на Гекконе есть. Нет уж, ты ему нужен целый и здоровый. Не как организм, а как личность. Он велел беречь тебя, – Игнатий вздохнул. – Я из госпиталя, вот когда ты болел, каждый вечер ему отчет посылал.

– ...Сегодня тоже пошлете?

– Да. Если кто и рад этому твоему «жить по правде» больше меня, так это он. Оставим это сейчас: ты его не знаешь. Да ты и себя толком не знаешь, – Игнатий пожал плечами. – Будь откровенным, пожалуйста. Не замыкайся. Давай честно. Мур, мы ведь знаем, что ты возвращался из Бездны. Два раза. Но снова сбегал. Да?

– Я намного чаще возвращался, – отдал Мур еще один кусок правды. – Только не в истинное время, не в родное, а плюс-минус пара лет – тогда Сеть не опознает. И к людям не подходил. Так, по лесам Айра бродил. Как мышь. Орехи собирал, рыбу ловил. Спал в норках.

– ...В норках?

– Ну да. Копал себе логово и спал там, чтоб тепло... Да неважно. Все это было, когда я был маленьким и людей очень-очень боялся. А потом... В Бездне, когда был Маугли... Ничего и никого, в общем, не боялся.

– Навет-Ответ и старые корабли. Ясно. Не бойся и сейчас. Это я боюсь, что ты сейчас не выдержишь и молча исчезнешь. Юмис, думаю, тоже. Раз мы с тобой сейчас нарушили Правило.

– Я сам нарушил.

– Мур, ты останешься с нами?

– Не знаю. Не могу пообещать, что...

– Не обещай. Думай. Выбор – за тобой. Надеюсь лишь, что тебе хватит ума сотрудничать... Ну, а хоть откровенным – будешь? А – жить по правде?

– Да, – он закрыл глаза.

– Открой глаза. Тебе плохо? Бок болит?

– Нет. Голова кругом.

– Еще бы, – усмехнулся Игнатий. – Твои беды от одиночества, понимаешь?

Мур подумал, что его одиночество Маус развернул, как фантик на леденце. И теперь защиты – никакой. Может, в этом и был расчет Юмиса? Игнатий вздохнул и сказал:

– Так, вот что. Ложись сейчас и спи до утра. Все завтра. Куда тебя обследовать в таком состоянии. Понял?

– Понял... Спасибо.

– Да за что же?

– За разговор... такой, будто я человек.

– А ты и есть человек.

– Нет. Я нави.

Несколько минут после того, как за креслом Игнатия затворилась дверь, Мур сидел неподвижно. Потом лег на бок – плевать, что на пол. От имени Юмис мозг будто парализовало. Мало ему было Близнецов... Что теперь делать? Как себя вести? Опять прикинуться ничем? А правда? Но ведь Юмис не отдает его на Геккон, не отдает Близнецам... Знает, что он Маугли Молния – и не отдает Службе? За такую защиту надо быть благодарным? Юмис. Сам Юмис.

Сам Дракон.

Зачем же он Юмису Дракону?

4. Щели и окна

Утро наступило как-то очень быстро. В семь разбудила бабуля, отругала, что спал на полу, как дикарь, и опять, ворча, напоила бульоном. Через четверть часа за ним пришел Бор. И отвел в такое место, где время перестало существовать, только врачи-специалисты, приборы, экраны, капсулы, всякие медицинские штуки, зеленые и белые ленты анализов, вопросы, тесты на реакцию. Офтальмологи со своими полихроматическими таблицами и цветными фишками, которые нужно расставить по кругу, ранжировав по цвету и тону – Мур был рад услышать, что его цветное зрение на данный момент идеально. Но больше ничего приятного – то яркие комнаты, то темные, боль в исколотых пальцах, «раздаться-оденясь», несколько прививок, жуткие анатомические картинки на объемных экранах, и между делом опять полечили шов – когда все закончилось, осталось чувство, что ни одна клетка его организма не избежала внимания. Доктора обследовали все, кроме мозга – по детским воспоминаниям он знал, что завтра его ждет обследование куда более серьезное.

– Устал?

– Терпимо.

– Молодец, – рассеянно сказал Бор. – Короче, коллегам ты не понравился – не мог понравиться, сам понимаешь, после такой-то операции. Они тебе пока программу реабилитации составляют.

– У такой программы должна быть цель, до какого уровня развивать.

– Мурчик, ты что хочешь выпытать? Что тебя ждет? Так это только от тебя зависит. А мы все – да разве мы не поможем тебе во всем и всемерно? Еще бы ты сам себе помог... Пойдем, провожу – пообедаешь. Потом погуляешь, если хочешь. А ты хочешь?

– Хочу. Там ведь снег... Ух, уже вечер!

– Нет, просто темнеет рано. Но на сегодня закончим: тебе надо отдохнуть... Вон, ноги заплетаются.

В маленьком кафе Муру принесли столько еды, что он оторопел. А врач только усмехнулся:

– Усиленное питание. Ты признан истощенным. Давай-давай. Ешь. Ты сам дорогу к бабуле найдешь?

– Да.

– Она тебе покажет, где погулять – а что во дворике, так это не потому, что мы тебя караулим – а чтобы в заветрии. Надо побережся, не гуляй долго, не мерзни, ладно?

Дворик, тихий и белый, с одиноким фонарем и пушистыми деревцами потом снился Муру. Он в этом дворике наконец-то поверил, что зима – это не страшно, если есть дом, и что он тут будет в безопасности. Больше не попадетя Близнецам? Крутилась снежком тихая метель, снежинки задевали щеки, цеплялись за ресницы, таяли холодком. Жмурясь из-за них, он подышал снежным воздухом, побродил по дорожкам. Мороз щипал пальцы, и он прятал руки в рукава. Он так устал, что хотелось лечь в мягкий сугроб и уснуть. Едва добрал до своей комнаты с цифрой восемь... Но там такое красивое было окно – зима, метель. Он сел на пол и долго смотрел, как мечется за окном снег. Он любил окна.

Потому что на Гекконе и на кораблях окон нет. Люди не понимают, как это удивительно – просто подойти к окну. Когда внизу, в лесном доме увидел первое в жизни окно – сначала испугался. Очень. Но тогда он вообще боялся. Всего. Всех.

Что тогда происходило вокруг, он не мог понять. Знал, что «списание на грунт» – это позор и ужас. Но вниз его отвозил Вук, которому он верил: и чуть не сошел с ума, когда после посадки Вук взял его на руки и крепко-крепко прижал к себе, а прибежавшие к люггеру врачи стали прямо сквозь комбинезон колоть шприцами. Теперь-то понятно, что они, вогнав

его в искусственный сон, спасли ему рассудок – даже Мега трудно было бы без подготовки вдруг оказаться на планете со всеми ее образами, звуками, ветрами, насекомыми... голубым небом... Мур, конечно, до того видел картинки в детских книжках (домики-елочки-облака и тому подобные игрушки), но толком не понимал, что видит. Да и книжек таких было всего две штуки. Близнецы не одобряли разглядывание картинок и бестолковую возню с игрушками. А игрушек было тоже две – деревянная с колесиками, обгрызенная еще когда зубы резались машинка и разборный пластмассовый, как-то подаренный Вуком звездолетик. И все. Играть-то некогда. Еще была ненаглядная, тоже из младенчества, замурзанная, затертая маленькая подушка с нарисованным желтым котиком – он с ней спал в обнимку, если заслужить. А если летал плохо, то Близнецы велели нянькам отбирать. Все это давно утилизировали, конечно.

Там, на грунте он проснулся в белой комнате без окон. Мир был тяжелым, воздух – густым от слабых незнакомых запахов. Няни, две золотистые девушки – он такого цвета людей никогда не видел – говорили ласково, называли малышом, выкупали, одели в мягкий белый халатик, потом принесли привычную еду. После завтрака, напугав, пришел доктор, но мучить не стал, лишь послушал сердце, велел показать язык, уколов не делал, только приклеил (куда разрешил Мур) иммуностимулирующие пластыри, объяснив, что надо защититься от атаки планетной среды. Теплые карие глаза и прямой взгляд, шрамик над бровью и нестрашные осторожные руки – Мур поверил, что это хороший человек. Не злой. Еще доктор понятно объяснил, почему так тяжело – сила притяжения, атмосферное давление и все такое. Мур его почти понял: надо приспособливаться. Зато вернули комбинезон, ботинки – все это пахло домом, Гекконом и напугало: а вдруг Близнецы тоже явятся? С орбиты недолго лететь. От ужаса и тяжести он ослабел, няня отвела спать в кроватку. Проснулся, размышляя, почему ничего не надо делать: ни уроков, ни упражнений. Принесли еду, он попытался поесть, ведь нужно быть послушным, но не смог. Тогда снова пришел нестрашный доктор. Мур спросил, а можно ли увидеть Вука. Ну, того большого мальчика с синими глазами, который его сюда привез.

– Нет, вряд ли.

– А у кого тогда мне все спросить?

– Спроси у меня, – предложил доктор.

– Спасибо. Меня когда заберут обратно?

– Никогда. Не думай об этом. Тебе надо скорей разбираться со всем здешним. Ты читать умеешь? Начнем с природоведения. Я пришлю тебе книжку. А пока поверь, что никто обратно тебя не заберет.

– Никогда?

– Никогда.

Мур не выдержал и улыбнулся. Доктор удивился:

– Ах ты, солнышко. Так ты рад, что тебя забрали с Геккона?

Мур опомнился, но сказал правду:

– Пока – да, очень.

– Пока?

– А вдруг тут будет еще хуже. Что я должен буду делать?

– Сначала – приспособиться к условиям жизни на планете. Это будет трудно, очень, потому что все совсем-совсем другое, чем на Гекконе, но ты справишься.

Мур справился. Шел, куда вели, делал все, что предлагали. Привык к другой, интересной еде, которой постепенно заменили привычную. Привык, когда забрали комбинезон, к другой – штаны и рубашка – одежде. Привык к гравитации. Прочитал (выучил) несколько книг с картинками. Смотрел обучающие мультики для малышей: что такое дождь, туман, снег, что такое сельское хозяйство, что такое дорожное движение... Даже что такое цирк. Играл в игрушки, и сам, и с нянями. Много игрушек – маленьких моделей машинок, люггеров, людей, живот-

ных, домиков, кубиков, мячиков. Он раньше даже не то что не видел – представить не мог, что игрушек может быть такая куча и все для него одного. Надо было собирать нарядные, красивого цвета домики и деревья на подставочках в игрушечный город, катать машинки между домиками, расставлять фигурки людей и животных. Сам ничего не спрашивал, но внимательно слушал объяснения и няней, и всех врачей – их теперь много было, разных, тот нестрашный появлялся редко. Остальным он не доверял, но все терпел. Не слушаться ведь нельзя, накажут. Еще пока ни разу не наказывали – потому что он ведет себя очень тихо, послушно и вежливо. Однажды медицинский осмотр длился очень долго, а потом взрослые что-то решили вместе и, улыбаясь, предложили пойти в такую комнату, где будет окно, и посмотреть, если он захочет, наружу. Да, как в иллюминатор. Мур пошел.

Сначала он напрочь не понимал, что видит – несмотря на то, что на картинках вполне даже отличал «небо» от «травы». Все было сине-зеленым. Залитым золотой светящейся энергией от звезды посреди неба. Он посмотрел на звезду, на кожу людей рядом и понял, почему они такого золотистого цвета. Минут через десять его мягко увели от окна. Ноги подкашивались, это заметили и тут же уложили в постель. Он уснул, и ему снилось окно и звезда в голубом небе. Вот бы научиться делать такие окна самому: раз, и открыл окно из скучной белой комнаты куда-нибудь наружу, где все разноцветное... И живое... И звезда, такая добрая... Которую зовут «Всегда». У него поднялась температура. Врачи беспокоились, а он лежал, не шевелясь, притаившись сам в себе за закрытыми глазами, и думал о звезде по имени «Всегда», которая светит там где-то за стенами сверху, и том, как делать окна. Мутило и хотелось пить. Открыть окно отсюда... в какое-нибудь другое место... Чтоб вот прямо в стене открылся проем, и сквозь него видно и звезду «Всегда», и все совсем-совсем другое, какое-нибудь хорошее... Он открыл глаза и увидел в белой стене напротив кровати окно в чудесное и золотое, где не страшно! Увидел! Вскочил, хотел побежать туда, посмотреть – и мягко накрыло густой тьмой.

Проснулся через много часов. Никакого волшебного окна. Скучная белая стена. Няня, завтрак. Врачи, осмотр. Книжки, игрушки. Новый набор картинок с растениями, и он учил: вот ель, пальма, капуста, фиалка, осока. Скучно. Через два дня он не выдержал и тихонько спросил у няни, как надо себя вести и что еще выучить, чтоб разрешили снова посмотреть в окно. Няня побежала к докторам. Те вдвоем пришли за Муром, отвели в комнату с окном. На этот раз можно было смотреть дольше. Только плохо видно, потому что нос чуть выше подоконника. Но Мур уже различил в пестроте жизни снаружи деревья, их ветки и форму. Осина. Ель. Еще ель. Сосна. Эта, как ее... Береза? Облака, бело-серые на прекрасном и далеком голубом. Когда увели от окна, пошел лег в кровать, свернулся клубком, спрятавшись сам в себе. Вот правда, как было бы хорошо не просить позволения посмотреть в окно, а открыть свое... Или лучше – не окно, а дверь. Выйти наружу. И убежать туда. От них – от всех. К звезде по имени «Всегда».

...А когда бабуля поутру разбудила, за окном была та же темень, что вечером. Только метель стихла. На завтрак дали такие гречневые блинчики, что Мур едва вслух не замурлыкал – и еще добавку принесли. Но хорошее настроение прошло, едва в кафе вошел маленький мальчишка в белом. Худой, чуть пониже Мауса, рыжий, сердитый, с серебряными буквами ТН на рукаве белой курточки. Нави. Таймнавигатор. На Мура едва глянул, сел поодаль. Принесли блинчики – отодвинул. Принесли кашу – отодвинул. Когда Мур выходил, рыжий капризно отодвигал тарелку с запеканкой. Что ж, имеет право на капризы... Наверно.

Мура на полдня уложили в устройство, похожее на ротопульт, и загрузили заданиями на реакцию, координацию и прочее – выпустили, только когда бок разболелся. Мышцы отвыкшего тела плакали и дрожали, и было трудновато дышать. Но отдохнуть не позволили. Дали стакан молока, надели на башку тяжелый шлем, уложили в темной комнате и напали с тестами, логическими головоломками и каверзными задачками. После обеда – Мур еле заставил себя доесть хотя бы супчик – опять врачи, опять исследования, и куда только не засовывали его башкой, заставляя решать головоломки, слепя вспышками, вкалывая какие-то препараты в вены...

Мура мутило, но он терпел. Потом взяли пункцию спинного мозга, дико больно, но перетерпеть можно. Вот только эта процедура напомнила такие подробности из прошлого, что его будто надгробием придавило. Близнецы тоже... Каким только его исследованиям не подвергали... Да и о недавнем, о госпитале, тоже есть, что вспомнить...

– Мурчик, да ты что, – подошел к нему от приборов врач. – Загоревал так – зачем? У тебя все в порядке со здоровьем.

– Надеюсь, – Мур покосился на приборы. Выбросы нейромедиаторов всегда его выдавали, даже если по лицу ничего не видно. – Уже можно встать?

После ужина опять надели на голову шлем, правда, полегче, и ввели в виртуальную игру, красивую, безумно интересную, трудную, каверзную. Мур знал, что в игре он выдаст все свои потаенные особенности психики и ума, но играл честно, старался. Полночи снились все эти закоулки игры, летающие острова и мягкие облака – он проснулся оттого, что сильно замерз, особенно голая голова, уши как ледышки. За глубоким окном комнаты шел снег. Ночь, полюс, холод. Мур завертелся в одеяло с головой, закрыл ледяные уши ладонями и дышал в коленки, чтоб согреться. Без толку. Болели спина, бок и исколотые руки. Да еще пришлось встать и выйти в туалет. Возвращаясь, он заметил, что из темного проема в какой-то другой мир веет теплом, и не выдержал, остановился погреться.

Оттуда пахло летней ночью, водорослями, сырым песком, слышался отдаленный шум прибора. А правда, поплавать бы в теплой соленой водичке, ведь, как из госпиталя вернулся, там в школе еще и ни разочка выкупаться не успел. Он оглянулся на дверь – может, за ним и сейчас наблюдают? Зачем? Вздохнув, он улегся было. Холодно... Одеяло легкое, не греет... В полумраке он видел свои летние сандалии на полу у шкафа. Проем в лето начал потихоньку светлеть – там скоро рассвет. Совсем близко, будто в комнате, сонно чирикнула птичка. Мур сам не заметил, как оказался на ногах. Штаны, сандалики... Он только до моря и обратно!

Море!

Завтрак ему особенно понравился – после купанья-то. Уж накупался он вволю, повалялся в теплом бархатном песке совсем крохотного островка, погрелся под лучами раннего солнышка, поиграл с ракушками, потом опять накупался, и, когда вернулся, оказалось, что спать уже и некогда. Он даже в душ сбегать не успел, и теперь боялся, что все унюхают, как от него пахнет морем.

В холле его ожидал Игнатий. Мур остановился и чуть поклонился. Игнатий, без улыбки, задумчиво кивнул, оглядывая его; поманил к себе.

– Иди сюда... Капюшон сними. Наклонись... Ниже... И правда, соль и песок в башке... Что, Мурчик, живешь полной жизнью?

Мур не знал, что ответить. Не хотелось выкручиваться. Но и правду – как сказать... Он уставился в пол. Игнатий вздохнул:

– Молчишь... Тебя, дорогой, с первого мига, еще на Ореаде, взяли под плотную охрану. Это предполагает, что с тебя глаз не сводят вообще... Ну разве что когда ты направляешься на горшок. Вот так отвели глаза ночью – и потеряли сокровище... Часа на три с половиной. Но я, в общем, верил, что ты вернешься. Спасибо, что не подвел. Что имеешь пояснить?

– Что... Прямо тут? – Мур, надевая капюшон, оглядел холл. Мимо спешили врачи, а со стороны, прислонившись к стене, мрачно и холодно смотрел Тарас.

– Идем, – Игнатий двинулся так быстро, что Мур поспешил за его креслом почти бегом. – Опять поговорить пора... О многом.

Мур не знал, как себя вести, поэтому вел, как велели: шел, куда направлял Тарас, сел, куда он показал. Полутемная комната без окон с ярко освещенным столом, пустая, выставшая, слегка напугала. Это что, кабинет Игнатия? Мур смиренно сидел на деревянном неудобном стуле и боролся с нарастающим страхом. Тарас придвинул стул и сел совсем рядом. Не доверяют... И зачем он поддался тоске и попросился «в дело»? Правды захотел? Стать собой захотел?

Жил бы в школе у теплого моря... Особого мягкосердечия в Игнатии никогда не замечалось, а сейчас он, как обещал, запросто вскроет Мура. Как консервную банку. Нужно собраться с духом.

– Почему убежал? – хмуро спросил Игнатий.

– Замерз.

– ...Замерз?! Убежал потому, что замерз?

Мур промолчал.

– А сейчас-то чего боишься? – выждав, спросил Игнатий, перебирая полупрозрачные, посверкивающие непонятными символами ленты и квадраты документов на большом столе. – Я уж было порадовался, что ты ведешь себя открыто, разговариваешь со мной... Неужели начнешь отпираться ото всех способностей, что мы в тебе заподозрили?

– Хочу, – проворчал Мур. – Но не буду.

– Эта способность исчезать... – Тарас был зол, но спокоен. Это пугало больше, чем если бы он ругал. – Нет, Игнат, его пора под прямую охрану. Я за это утро чуть не поседел. Где ты был?

– Купался... Я не хотел... Сбежать, – Мур съежился.

– Но сбежал. Мы ведь знаем, что это за навык, – сказал Тарас. – Это порталы. Таких, как ты, гонцов – полно. Шныряете из одной точки пространства в другую. Мы подозревали раньше, но ты всегда был такой вялый, никуда не исчезал, ни к чему не стремился. Думали, на такое у тебя нет сил.

– Но сегодня ты себя выдал, – добавил Игнатий. – Может, нарочно? Мол, смотрите, что я могу?

– Нет. Просто забыл сделать петлю.

– Что?

– Ну, вернуться в ту же секунду, что ушел.

– Лихо, – большие переглянулись. – Так ты и раньше... Гулял? Ну, вот в школе?

– До болезни – да. После... Что-то некогда было. А пока болел – нор не было.

– «Нор не было»... А сейчас, полагаю, есть?

Мур кивнул:

– Да. Ну и что? Я же не собираюсь сбежать насовсем.

– А если ты передумаешь? – нежно до жути спросил Тарас. – Как мы сможем тебе помочь, если в любой миг можешь исчезнуть неизвестно куда? Ну, расскажи хоть, куда тебя уносит. На Архипелаг?

– Нет.

– Куда же?

Мур молча пожал плечами.

– Лучше сам расскажи, – сказал Тарас. – Мы не имеем права тебя терять. Ты должен быть под присмотром всегда.

Мура замутило. Игнатий долго молчал, наконец заговорил хмуро:

– Слушай внимательно. Ты вправе прожить такую жизнь, какую хочешь и где хочешь. И сперва ты, в общем, был настолько... Вялым, жалким, замкнутым, что особого интереса не представлял. «Провал проекта», помнишь? Инвалид. Моя задача была – побережь, поддержи. Хотя бы жизнь тебе продлить, насколько возможно. В тебя никто больше не верил, даже те, кто тебя создал. Если бы ты смылся... Ну, пожали бы плечами и забыли. Мол, живи как решил. Но – обстоятельства сразу изменились, когда ты сказал, что хочешь жить по правде. У тебя сразу появилось будущее. Хотя ты все еще... Очень, очень слабый. Уязвимый. Поэтому тебя нельзя оставлять без присмотра. Тебе надо помогать и растить с заботой. Чтоб ты развивался до своего максимума. А не бродяжничал по пляжам. Ох, Мурашка... А ты все еще этого хочешь? Правды?

– Да.

– ...Замолк опять, – вздохнул Игнатий, выждав полминуты. И снова занялся документами. Прервался: – Мур, ну, может, это ты с нами про эти свои норы говорить не решаешься? Может, будешь говорить тогда с Вуком своим?

– Какой же он мой, – испугался Мур. – Это ж было-то уже сколько лет назад. Какое ему до меня дело. И потом, Вук – это Геккон; если я не интересую Геккон, значит, чего Вуку время на меня тратить. Я ему не нужен.

Игнатий и Тарас переглянулись. Тарас спросил:

– Может, лучше поздно, чем никогда? Может, тебе надо с ним встретиться?

– Зачем? – совсем струсил Мур.

– Поговорить, – хмыкнул Игнатий. – С нами-то не хочешь.

– Хочу. Но боюсь. Вука – тем более. Вы б еще Юмиса позвали.

– Ну, что ж с тобой поделаешь... – Игнатий потер глаза и лоб. – А Юмис сам приходит.

Если ему интересно. Думаю, ему правда интересно, что у него в твоём лице получилось.

– Игнат, не пугай ребенка еще больше, – вмешался Тарас.

– Хватит воспитывать, пожалуйста, – попросил Мур. – Я сам скажу... Норы эти... Ну... Да, я выхожу из этой точки пространства, – вдруг сказал правду Мур и стал невесомым от ужаса. Но подумал про Юмиса и успокоился. Юмису нужно, чтоб он умел шмыгать в норки? Раз он таким его создал? Он будет. Если Юмис не отдаст его обратно Близнецам. Все что угодно. Только не Близнецы. – Вот как ночью. Замерз, а оттуда – тепло, да еще море шумит... Я и не выдержал, убежал купаться. Обычно я выдерживаю. Могу даже не смотреть... Что б там ни было... Интересное. Но обычно там мало интересного.

Игнатий собрал все документы в стопку, отложил:

– Мало интересного?

– ...Вселенная прекрасна, – тихо сказал Мур. Взгляд Игнатия успокаивал. – В детстве я даже думал, что это – дверки в сказки. Но там – просто жизнь. Вряд ли даже это другие миры. Другие планеты – да, это я проверял.

– Другие планеты? – зачем-то переспросил Тарас.

– Ну, кроме Дома – еще легийские, хоть на тот край галактики. Это, в общем, близко. Бездна тоже, вся наша сторона. Еще бывает, что очень далеко куда-то открывается, но... Я теперь не решаюсь, если очень далеко. Или если слишком глубоко по времени. А если долго живешь на одном месте, все проемы стабилизируются; если хоть по разочку заглянуть – вообще как на якорю стоят. Можно гулять... Главное – на той стороне не потеряться и вернуться петлей, чтоб Сеть не засекала и вы не заподозрили, – Мур перестал удивляться, что так легко говорит правду. – Я много где побывал. Почти на всех годных для человека планетах. И у меня бывало много... Приключений. Разных.

– Опасных? – Тарас протянул свою медвежью руку, будто хотел зачем-то потрогать Мура за капюшон, но не стал, только положил ладонь на спинку его стула. – И часто?

– Риск есть всегда, – пожал плечами Мур, покосившись на что-то побледневшего Игнатия. – Но я стараюсь ходить только туда, где точно нет людей. Лучше бродить по лесу, рыбу в речках ловить, спать в траве... Ну, и все такое.

– Кто тебя научил выживать в природе?

– Сам потихоньку научился. В лесах ведь хорошо. Я ведь и впервые ушел в детстве именно в лес. Когда с Геккона наконец-то отправили вниз, то по каким-то там правилам адаптации вообще не пускали наружу. Но это ведь был дом с окнами. Я тогда первый раз и окнами увидел. А там за окном – лес, деревья. Очень красиво, но туда нельзя. И тогда я себе сам... Мечтал: чтоб взять и открыть прямо в белой стене окошко... А оно взяло и открылось. Само. А там – ЛЕС. И я ушел. Сразу.

– Знаю, – хмуро сказал Тарас. – Исчез бесследно. Босиком ушел – сандалики у кровати остались... Я видел. Думали даже, что тебя Близнецы забрали обратно. Или Вук, или даже сам

Юмис куда-то дел. Вук нашел след от портала... Тогда и заподозрили, что ты гонец. Но искать тебя... На Вука было страшно смотреть. Долго считалось, что ты погиб. Вероятность самостоятельного выживания – ноль.

– Инстинкты, – пожал плечами Мур. – И... Там в ЛЕСУ было всегда тепло. Не страшно. Очень... Очень красиво. Ел сначала только ягоды и орехи, которые на картинках раньше видел. Еще там яблоки... Ночью звезды громадные. Немного, но зато такие!!... Тишина, никого нет, даже белок каких-нибудь. Я привык к деревьям, к небу... Там-то было безопасно. Трудности начались, когда я сдуру в другой портал вышел. Там тоже был лес, но настоящий, обычный. По ночам холодно, насекомые, ежики, змеи... Дожди. Осень. Страшно и есть почти нечего. Так что впервые-то я недолго бродяжничал, я заболел и вышел в портал к людям. В первый же город. Там была зима... Но у меня уже не было сил искать другой проем. В общем, я спер в магазине куртку, меня поймали и как беспризорника пристроили в приют. Так я научился жить среди людей тоже. А потом вы меня из приюта забрали, и я снова сбежал.

– Тогда никто не знал, что это ты, – словно бы через силу сказал Игнатий. – Это ж было за полвека до твоего рождения. Никто даже не понял, что ты за существо... Как ты ориентируешься во времени?

– Надо знать, где звезда по имени «Всегда», – пожал плечами Мур. – Это не сложно. Но это я теперь умею, не так давно. А сначала я про эту звезду почти ничего не знал, хоть и сам ее придумал, и просто старался убежать как можно дальше от своего времени. И от Дома. Поэтому ушел далеко. Очень. Еле выбрался потом в свое время.

– Тебе удалось невозможное.

– Это простые расчеты.

– Простые для навигатора. Не искали мы тебя. Очень долго не искали, – мрачно сказал Тарас. – Никто не верил, что ты жив. Пока ты сам не объявился в приюте на Айре, и уже такой – ростиком побольше, крепкий, дикий, недоверчивый. Но опять не в своем времени, и мы уж только потом вычислили, что это был ты. В тот раз с тобой опять не сумели поладить. Забрали из приюта, напугали, и ты опять исчез. Говорят, стащил одеяло и детский учебник... Юмис был в ярости. Вот тогда и начался поиск. Да только как найдешь... И никому в голову не пришло искать тебя в Доменах. Не говоря уже о Бездне. Таких гонцов – нет. То есть не бывало.

– Мур, ты видел порталы, когда еще воспитывался на Гекконе? – спросил Игнатий.

– Нет, не видел. Не умел. Порталы в космосе открываются трудно. Позже-то я мог и на ходу, с более-менее большого корабля открыть, но они очень нестабильные, мгновенные, прыгать в них, когда не видишь, куда летишь, да еще с риском раскромсаться на два куска... Или в атомарную пыль... Тогда я еще думал, что мне нужны корабли. Не верил порталам, вернее, не очень умел ориентироваться, особенно в пространственных слоях.

– Какая-то у тебя нездешняя физика.

– Я мало знаю, чтоб толком в ней разобраться, – пожал плечами Мур. – А с норами и лазейками все началось в том доме в лесу. С перепугу, я думаю. Хотя и раньше, из таймфага, я видел... сам не пойму что. Такие искры, которыми эти проемы оборачиваются в яви. Эти искры будто прожигают мозг, когда так велика скорость. В стабильной системе, на большой планете, искры превращаются во что-то вроде сосудов. Но перемещение по ним мгновенно. Это такая... Невидимая сеть капилляров, которая пронизывает все пространство. И все время. А вы знаете еще таких людей, кому эти проемы открываются?

– Мур, обычно гонцы перемещаются в пределах ста-ста двадцати километров. Кто посильнее – в пределах материка. Юмис может перемещаться по всем своим планетам. Но – навывлет через космос... На страшные расстояния... Запредельно. Да еще через время? Таких не бывает.

– То есть это мы так думали! – хмыкнул Тарас. – Потому Служба столько раз и упускала тебя прямо из рук. Мурашка, да как же ты уцелел вообще... Котенок бестолковый? Как же ты один со всем этим? Без помощи, без подстраховки, один... Не пропал, не заблудился...

– Заблудиться можно в два счета, – Мур поправил капюшон. И на всякий случай покрепче застегнул его под подбородком. – Но, во-первых, все порталы обычно открываются в такие места, что мне... Ну, как бы подходят. Где легче. Или о которых я мечтаю. Всегда с подходящим составом атмосферы. Во-вторых, я никогда больше не уйду на той стороне далеко. Не заигрываюсь с пластами и лентами времен. Слежу, где звезда Всегда.

– Ах да, звезда Всегда, – хмыкнул Тарас. – Такая разве есть?

– Есть. Я придумал ее, а потом оказалась, что она на самом деле есть. Я ее нашел. Она равна самой себе во всех временах. Вроде оси сквозь Бездну. Если чувствуешь ее – никогда не собьешься с курса.

– Как можно чувствовать звезду?

– Они же излучают полно во всех диапазонах, – удивился Мур. – Воют или скрежещут. Иногда поют. Я в таймфаге это все различаю и использую. Но звезда Всегда – она живая. Я с ней даже говорил.

– Живая говорящая звезда? – усмехнулся Тарас.

– Мурашка не сумасшедший, – посмотрел на него Игнатий. – Это Юмис воткнул посреди Бездны такой маяк в виде звезды. И с разумом такого маяка вполне можно общаться. Но если только ты – наш тайм-навигатор последних поколений.

– ...Я это себе по-другому объяснял, – беспомощно усмехнулся Мур. – В общем, я чувствую, где Всегда. И никогда не прохожу во вторые проемы, если не увижу звездного неба и не пойму, где я и когда. А то однажды заблудился... Мало не показалось. Тогда-то я и решил вернуться.

– И это, похоже, было непросто. Дикие флоты, да?

Мур кивнул:

– Дикие флоты – тоже. Расстояние – не так сложно. В конце концов, я всегда почти мог попасть на Айр, в леса за Лигоем. Там кедры, орехи. Ягод много. Змей, волков, ехидн каких-нибудь – нет. Безопасно. Всегда можно отдышаться, прийти в себя... Сложно – попасть в правильное время. Сначала я от страха так все запутал, чтоб Близнецы не нашли, что сам перестал понимать, в «когда» я. А в не своем времени все как будто понарошку, тоскливо, муторно, одно только хорошо: Сеть меня не видит. И Служба тоже. Как будто я невидимка. Так что домой, но не в свое время возвращаться – это не домой. Не вжиться никак... А когда наконец нашел истинное время, свое, то это оказалось очень далеко от Дракона. Можно, я не буду рассказывать? Дальше – тупые, бессмысленные приключения. Пустая трата времени и сил.

– Резкая оценка. Значит, ты решил вернуться домой для того, чтобы жить по правде?

– Я перестал расти. Во всем нормальном мире существ моего роста никто не принимает всерьез.

– Даже в Бездне нави из Дракона – существа, о которых все слышали, – сказал Тарас.

– Но никто сразу не верит, если говоришь, что вот он ты, навигатор, – усмехнулся Мур. – К ротопульту еще надо попасть. В Доменах, конечно, проще, а Дикие флоты сами навигаторов и бустеров перекупают, крадут... И вообще разбираются в скоростях. Там-то, на Навете, сразу поняли, что я пилот. Но... В общем, мне быстро стало ясно, что мое существование и какой-нибудь труд будет иметь смысл только там, где меня такого создали. И захотелось Домой. Как колдовство какое-то. Решил: вернусь честно. Сразу скажу, кто я. И если меня Близнецы сразу заберут и попробуют прикончить, я убегу ведь все равно, через первую же нору, и тогда уж – безвозвратно.

– Ах, Мурашка, Мурашка... А сейчас у тебя есть какой-нибудь проем?

– ...Пять, – повертев головой, ответил Мур.

– ...Сколько?!

– Пять, – повторил Мур. – Один – на Айр, три – не знаю.

– А про Айр почему знаешь?

– Там воздух особенный. Я там часто бываю. И там сейчас осень. Пахнет... Кедрами и мокрыми осинами. Да это ваш проем, он за вами тянется, как я вас увидел в холле. Понимаете, люди, недавно переместившиеся на большое расстояние, тянут за собой что-то вроде следа. Если мне интересно, откуда они, проем стабилизируется.

– Невероятно.

– Но вы не удивлены.

– Нет. Я – поражен. Мне неизвестно, чтоб были... Прецеденты. Такие расстояния...

– А чем вообще гонцы занимаются? Они тоже видят проемы и перемещаются по ним?

Что-то вроде секретной фельдъегерской службы?

– Мурашка, да нет таких гонцов, как ты, – с усмешкой кивнул Игнатий. – Самые гениальные могли перемещаться в пределах одной планеты. Трудно поверить...

Мур поднялся и пошел в сторону проема на Айр. Игнатий и Тарас не подумали его останавливать. Либо не верят еще, либо – наоборот... Не оглядываясь, Мур вошел в душистый и светлый, пахнувший кедрами и ночным дождем мир Айра: раннее утро. Осень. И никого вокруг. Рассвет. Знакомый лес над широкой рекой. Мур подошел к обрыву, обнял добрый громадный кедр и прислонился лбом. Жаль, что долго тут быть нельзя. Не надо, чтоб Игнатий волновался. Он еще посмотрел, как в лесных далах, синеющих за рекой, розовеют под встающим солнцем белые строения Венка, как медленно-медленно, качаясь будто золотая лодочка, падает с березы лист. Тут осень. Что же им принести в доказательство, что он тут был? Осенние листья? Он посмотрел вокруг – а под ногами-то сколько шишек... Кедры и кедровые шишки были одним из символов этой покрытой густыми лесами планеты. Он и сам их любил. Подобрал шишку, свежую, смолистую, понюхал, ежась от удовольствия, спрятал в карман для себя, поднял еще три штуки покрупнее.

Шагнуть в полутемный проем, из которого тянуло искусственно согретым воздухом, было неприятно. А раз неприятно, пришлось прикладывать усилие. Когда он вошел, то едва не столкнулся с Тарасом. Тот молча отступил, цепко разглядывая его, потом очень осторожно снял с плеча Мура крошечный желтый в коричневом узорчике березовый листок и убрал в маленькую коробочку. Мур усмехнулся и протянул ему одну из шишек. У Тараса расширились зрачки. Он взвесил шишку на ладони и прошептал:

– Грамм сто семьдесят... И одежды на тебе на полтора килограмма...

– Это важно? – удивился Мур. – Да вот еще, – он положил шишки на край стола Игнатия – очень напряженного – и даже достал из кармана свою. – Это вам лично.

– Спасибо. Обычно каждый грамм перемещенного вещества достается очень тяжело, – сухо сказал Игнатий. – А ты раньше перемещал объекты?

– Не очень заметные. Яблоки или, вот, шишки.

– Ты часто бывал на Айре?

– Чаще, чем где либо. Ну... Я ведь пытался вернуться, – Мур старался говорить как можно более четко и не ныть. – Бродяжничал по Айру вдоль рек или по морским берегам. Однажды, с разрывом в десять лет от своего времени, целую зиму прожил в заброшенном детском лагере, потому что там оказался громадный склад с консервами и старенькие компьютеры с учебными программами, и я сидел, учился... Только это очень тоскливо было... И холодно. Был помладше – даже в приют приходил, хотел как-нибудь затеряться и пристроиться. Но на Айре люди, раз Геккон в небе, опытные. Быстро поняли, что я – нави. Быстро среагировала Служба. Еще быстрее – Сеть, хотя вроде и не поняла, кто я. Пришлось смыться, и, да, это тогда я спер одеяло.

– И учебник, – тоскливо сказал Тарас.

– Да, по математике.

– Зачем это было надо – смываться? – сказал Игнатий с досадой. – Какая разница, в каком времени жить?

– Потому что смотрят... Так, как смотрят. Вы хоть понимаете, кто я и что я такое. А там – никто не понимал. Трудно считаться монстром. Легче, конечно, в тех краях, где про нави и не слыхали, нет Сети и даже мысли никто не допускает, что бывают искусственные люди. Но там зато и выживать трудно, очень трудно. И выживать ради лишь самой жизни – нет смысла.

Игнатий чуть приподнял тяжелую руку:

– погоди. Мурчик, а чего бы ты хотел прямо сейчас?

– Сбежать, – честно сказал Мур. – Я этого все время хочу. Привык один. Сам по себе, сам за себя отвечаешь, сам выживаешь. А тут выживать не надо... И все время надзор, – он покосился на Тараса. – Никто не доверяет. Но сбежать бессмысленно. Я могу пригодиться только здесь. А можно, я лучше вот еще туда и туда, – он показал рукой, – схожу? В четвертый не пойду, там ночь.

– Темноты боишься?

– Нет, – Мур подошел к ночному проему и принялся. Пахло углем, тяжелыми машинами, топливом. Вдали и внизу на черных уступах пологих склонов перекрещивались лучи прожекторов, урчало и грохотало что-то железное. – Это, вроде, открытый угольный карьер... Что там делать.

Тарас и Игнатий переглянулись. Тарас пожал плечами:

– Михаил вчера прилетел с Тейваса.

Мур перешел к другому проему. Игнатий остановил его:

– Не надо, пожалуйста, не выходи. Расскажи так, что видишь.

– Лес. Обыкновеннейший лес. Сосны, брусничник. Тоже осень, как на Айре, только это не Айр. Другой воздух. Небо серое, дождь собирается... А тут... Ну, это Архипелаг, это я узнаю.

– Проемы, которые ты видишь, вероятно, связаны с людьми, которые недавно прибыли оттуда.

– Наверно. Так часто бывает. Но я много вижу проемов, которые опознать не могу. Вот когда подлетали сюда, я из люггера видел в огромной скале проем в какой-то южный город: пыль, жара и красный дирижабль в небе. Дайте мне какие-нибудь маячки, которые легко засечь и подобрать, а я их буду оставлять, где бываю. Тогда можно будет точно засечь координаты.

– Мурчик, – вздохнув, жутко нежно сказал Тарас. – Ты сказал, что видишь пять нор. Но о пятой не сказал ничего.

– Ну, я знаю это место, я там часто бываю. Бывал. Это золотая страна, где нет людей. По звездам понятно, что она где-то в Доменах. Но я не знаю, как она правильно называется. Она очень странная. И такая... Вроде сказки. Все в узорах, даже дороги. Там нет людей, и всегда понятно, что без повода туда лучше не ходить. И...

– Что?

– Ну, раз она открылась, мне что-то или кто-то угрожает. Или мне просто так кажется. Или я просто слишком сильно хочу сбежать.

Золотая страна в самом деле была местом волшебным. Портал в нее, широкий, как ворота, теперь сопровождал Мура постоянно, в какое бы помещение его не вели – потому что было страшно и сбежать хотелось невыносимо. Из кабинета Игнатия, из столовой, из своей комнаты он смотрел в золотой, сказочный свет портала, дышал теплым ветерком оттуда и не понимал, почему остается в сером обычном мире, где ему никто не верит и Тарас все время рядом и не отводит глаз. И временами его медвежья лапа тянется прихватить за шиворот – но Тарас спохватывается и руку отводит.

Прямая охрана стала кошмаром на расстоянии вытянутой руки. Едва Тарас вывел Мура из кабинета Игнатия, команда Тараса, волки, перестала держаться незаметно. Больше он ни на миг не оставался один: сменяющиеся вахты молодых внимательных мужчин, готовых схватить при любом подозрительном движении, контролировали каждый шаг. Дивизион «Кабир». Эмблема с бегущим волком. Они молчали, старались быть неслышными – не мешали ни врачам, ни инструкторам: занятия и тренировки продолжались весь день по расписанию. На тренировке волки даже подсказывали, как что сделать лучше, подстраховывали, когда Мур отважился на акробатику. Неприятно стало разве что за едой, неловко: человек сидит рядом и старается не смотреть к тебе в тарелку. В душ пошел в трусах – все равно противно. Первый вечер Тарас сам просидел с ним, пока Мур не уснул – потом его сменили двое парней. Мур проснулся ночью – и его затрясло, когда он увидел каких-то полужнакомых людей в форме. Портал развернулся прямо в стене у кровати, и ветка дерева с яркими, солнечными зелеными листьями протянулась в метре над подушкой. Можно скатиться с кровати в траву, и парни ничего, ну вот ничего не успеют. . . Мур лежал неподвижно, почти не дыша, и смотрел на ветку. Солнечный отсвет на ней постепенно темнел, становился золотым, закатным. Когда он впервые попал туда, тоже был вечер.

А он был маленьким. Куда меньше себя теперешнего, еще рос и потому всегда был дико голодным. Когда из поздней осени, сквозь дождь и голые ветки орешника, в котором, кашляя, пытался найти на ветках или на земле хотя б пару не сгнивших орехов, в подвернувшейся щели он увидел зеленое лето и какой-то вроде бы сад с полными плодов деревьями, он прыгнул туда не задумываясь. Тепло, еда и нет людей – больше ничего не важно. Он долго, как от хищника, убежал от дыры в темную осень, потом, быстро выбившись из сил, упрямо брел, путаясь в теплой густой траве и срывая на ходу низко висящие, тяжелые яблоки со щедрых, переполненных веток. Яблоки были сладкими, аж темнело в глазах. Это в самом деле оказался сад с очень старыми, корявыми деревьями, заросший высокой, ему по грудь, шелковой травницей. Солнце пекло макушку. Он обсох, согрелся, наелся желтых сочных и красных очень сладких яблок, в конце концов запнулся, упал и не стал вставать. Примял себе гнездо в высокой траве и уснул сразу и глубоко. В саду было безопасно почти как в ЛЕСУ. Людей не было. Никаких. Бояться некого. Несколько дней он ел, спал, грелся на солнышке. Ночью тоже было тепло, а в небе – так густо и светло от звезд, что сразу ясно – он где-то в Доменах. Дни катились, как спелые яблоки. Кашель прошел, силенок добавилось, и стало интересно, что там дальше за садом. И он пошел жить дальше. Яблоневого сада сменился сливовым, и там он пожил дня три. Потом – персиковый, потом – ореховый. Он стал весь толстенький и ленивый. И шараялся от любых порталов и нор.

А за ореховым садом текла река. Широкая, ласковая и величавая. Золотая от солнца посередине и в узоре отражений деревьев вдоль берегов. Спокойная, не то что страшноватый стремительный поток в ЛЕСУ. Этой реки он не боялся. Пожил на берегу: купался, валялся на нежном мелком песке, наблюдал за мелкими речными чайками и за бликами солнца на воде; проголодавшись, поднимался в сад за орехами. С кожи сошли все болячки, волосы сами собой распутались и стали мягкими. Нервы тоже сделались спокойными и мягкими. Стало интересно, в какое море течет эта река, и он потихоньку побрел вниз по течению. Иногда мимо, обгоняя его, проплывали листья или яркие цветы.

Но вдруг как-то вечером сады вдоль берега кончились и он вышел на ровную и круглую, как тарелка, огромную равнину с золотым сиянием посередине. Низкое солнце, подталкиваемая вперед, светило в спину, и вся равнина выглядела будто специально для него нарисованной картинкой – кроме слепящего, толком не разглядеть, золотого скопления в центре. Город, что ли? Сначала он испугался: в городе люди, они обидят – но любопытство победило. Эта золотая страна такая добрая, может, тут и люди такие же спокойные и добрые? И не прогонят? Река текла прямо к городу. Потихоньку он пошел вперед. К сумеркам, когда солнце спусти-

лось за верхушки садов, он разглядел, что город не очень большой и в нем много маленьких красивых домиков, мостиков, башенок. Когда совсем стемнело и он размышлял, где бы устроиться переночевать, набрел на маленький деревянный причал, возле которого было вытаснено на берег несколько старых, разошедшихся, полных щелей лодок. Для плавания они не годятся, а вот для ночлега – вполне. Он забрался в лодку – в ней было сухо и уютно. Доедая последние орехи из кармана, он долго сидел на кормовой скамейке и сквозь ночь смотрел на тускло мерцающий под густыми звездами золотой город. Там не загорелось ни единого огонечка. Ни свечечки. Значит, там нет людей. Он даже немножко расстроился, хотя и не успел толком вообразить этих добрых людей. Ну, что поделаешь, и он, оставив на утро два последних ореха и маленькое красное яблоко, свернулся калачиком на дне лодки и уснул так же сладко, как и в душистых садах: если нет людей и зверей, то нет и опасностей.

Город в самом деле оказался пуст. Он дошел до первых узорчатых домиков к полудню: никого. Все окна и двери крепко закрыты. По узкой, мощеной белыми камнями улочке, оглядываясь на пустые окна, вышел на площадь с крошечным, едва слышно журчащим золотым фонтанчиком в центре. Попил и умылся. Пошел дальше, уже более широкой улочкой, и нашел маленький садик, где росли два огромных-преогромных розовых куста и старая яблоня. Поел яблок, сунул парочку за пазуху и пошел дальше. Синее небо дружелюбно смотрело сверху, а улица вывела его к заросшему высокой травой парку за высокой золотой решеткой забора. Он подошел к закрытым воротам и уже хотел протиснуться между прутьев решетки – но, едва он тронул толстый, нагретый солнцем прут, ворота дрогнули и медленно стали открываться навстречу. Волшебство! Он скорей побежал в зеленую тень деревьев по белой песчаной дорожке, по бокам покрытой мхом, – как же давно по ней никто не ходил! Деревья парка, громадные, темно-зеленые, с черными толстыми как башни стволами уходили вершинами к небу и шелестели там в высоте тяжелыми листьями. На одной из полян он нашел солнечные часы – полдень? Все еще полдень? Как это? На этой полянке что-то не так со временем. А ну и что. Ведь тут хорошо. На другой поляне нашлись качели, маленькие, совсем для малышей – но ему пришлось как раз, только ноги немножко цеплялись за травку, и он, немножко покачавшись, пошел дальше. Из заброшенных клумб лезло цветочное, одуряюще пахнущее разноцветное буйство. Еще одна поляна – и золотая, вся узорчатая, невысокая горка. Съехал – нормально, скользкая. И увидел впереди за расступающимися деревьями бело-золотой дворец. Невысокий, с большими зеркальными окнами на первом этаже и маленькими на втором, с флюгерами-петушками на угловых башенках, с каменными львятами у пологих лестниц. Он поднялся по широким ступенькам и заглянул в стеклянные двери: в синей прохладе игрушки на золотистом паркете. Много-много. Лошадки, карусельки, паровозики, куклы... Да что ж это за место такое? Разве такие места бывают по правде? Он нечаянно коснулся локтем причудливой ручки двери, и створки тут же начали расходиться, впуская. Хрипловато прозвенел маленький колокольчик.

В детском дворце он, перебирая волшебные игрушки, провел остаток дня и переночевал в маленькой кроватке в узорчатой спальне. Но, хоть он и нашел кухню и всякие кладовки, никакой еды там не было. Поэтому утром он вышел искать еду – и за дворцом попал в лабиринт обмелевших прудов и разросшихся зеленых изгородей. Ничего, выбрался к полудню и через еще одни послушно открывшиеся при прикосновении ворота вышел в город и по нарядной улице дальше на золотую, невыносимо узорчатую – даже белые булыжники под ногами в узорчиках – небольшую площадь. Здесь все сияло и переливалось. Фонтан посреди площади шумел, исправно посылая в небо дробящуюся в брызги невысокую струю. Он скорей подошел попить – попил, умылся, еще попил, выпрямился. И увидел, как с той стороны фонтана стоит и громадными глазами изумленно смотрит большой мальчик в черном. Мур дернулся убежать, но мальчик вскинул к нему руки:

– Ой, не убегай! Ой, только не уходи! Не бойся!!

Понятный, родной язык ошеломил. Мур замер. Мальчишка бегом обогнул фонтан и схватил за плечи:

– Ты кто? Ты откуда тут такой?

– А ты? – вывернулся и отскочил Мур.

Мальчик – его синие глаза пылали, как сверхгорячие звезды – выставил ладони:

– Прости-прости-прости не буду больше хватать! Я просто очень сильно удивился! Тут никогда никого не бывает!

– Я тут первый раз, – сознался Мур. – Не понимаю, что это все за волшебство... Целая золотая страна. Только еды нету. То есть там, далеко, – он махнул за спину, – сады с орехами и яблоками.

– Сейчас, – мальчик порылся в карманах многослойного, неопишимо роскошного тяжелого черного наряда и вытащил горсть крупных орехов. – Да, еды нету... Потому что людей нет, это запретное место. Корабли сюда не летают.

– Почему запретное?

– Слишком много опасных чудес.

– Я не видел ничего страшного. А люди вымерли?

– Да их тут и было немного. А я всех потом переселил, потому что... Не место для людей. Тайн многовато. Расколоть тебе орех?

И они сидели на бортике фонтана, иногда орошающего их водяной пылью, кололи орехи, ели и разговаривали:

– Ты похож на бродячего котенка, – сказал мальчик. – Кто ты, такой маленький? Ты один?

– Один, – кивнул Мур и впервые в жизни почувствовал, что «один» – это как-то нехорошо. – Но я ничего, живу. Так, гуляю везде, смотрю. Я... Ну, правда какой-то бродячий. Я заблудился насовсем, и теперь просто хожу из мира в мир, с планеты на планету. Но такую золотую сказку первый раз нашел. – Какой этот мальчик красивый и сильный. И добрый. – ... А ты почему-то похож на волшебника.

– Немножко есть, – кивнул он. – Ты тоже волшебник. Неволшебники сюда попасть не могут. А ты чего с планеты на планету бродишь, пешком что ли?

– Пешком. Через норки.

– А-а, пространственные порты. А зачем? Что ты ищешь?

– Я не знаю, – растерялся Мур. – Но, наверное, когда найду – узнаю? Вот, например, тебя нашел.

– Значит, ты заблудился?

– Ну, пространственно-то я понимаю, где я. Это Домены, по звездам понятно. На любой планете сразу все понятно, стоит посмотреть ночью на небо. Звезды все скажут. Но... Я во времени заблудился. Не понимаю, в «когда» я. А ты понимаешь?

– Да, – он смотрел со все большим изумлением. – Да откуда же ты такой?

Мур махнул рукой:

– Да ну их. Я убежал... Но заблудился. Все хорошо, но, когда живешь не в своем времени, то все будто не по правде. Вот была бы такая звезда... По имени Всегда, чтоб помогала ориентироваться. Поговорить с ней, и сразу ясно, в «когда» ты.

– Неплохая идея, – задумчиво свел брови большой мальчик. – Такое я, наверное, смогу... Но как же с ней говорить? Звезды есть звезды. Что им за дело до нас?

– Ну, я в полете слушаю их скрежет, вой или нытье. Помогает ориентироваться. Нет, ну есть, конечно, звезды, которые поют, но редко. Звезда по имени Всегда путь тоже поет. Но чтоб с ней еще разговаривать можно было.

– Разговаривать... Надо создавать супермозг, слить в него миллионы ИИ...

– Сделай такой, чтоб мог повторять себя, – подумав, сказал Мур. – Ну, воспроизводить независимо от типа самой звезды, на которую ты навяжешь все эти ИИ. Тогда она правда будет

всегда – бессмертная. Ну, за счет перехода с одной платформы на другую. Боюсь, в ней очень быстро будет выгорать водород. Ее надо будет подкармливать.

Мальчик усмехнулся и внимательнее посмотрел на Мура:

– А ты разбираешься в звездах.

– Так, не очень... Заблудился же.

– А хочешь пойти со мной? Знаешь, дома каждая звезда поет.

– Нет, я не пойду, – подумав, вздохнул Мур. – Потому что если я пойду с тобой, то окажусь в твоём доме, а не в моём. Я хочу в своё настоящее время и в свой настоящий дом, чтоб все честно и правильно.

– По правде, – кивнул он. – Тогда тебе в самом деле может помочь только звезда Всегда. Я её сделаю. Вот прямо сейчас вернусь домой и за дело... Ты её услышишь. По ней поймешь, какое для тебя время в той точке, где ты находишься. Поймаешь вектор. Переместишься норой в подходящем направлении. Снова найдешь звезду Всегда и опять сверишься. Ты справишься.

И Мур справился.

Он справится и с присутствием чужих на расстоянии вытянутой руки. И с тем, что открыт портал в золотую страну, а там воля и спелые яблоки. Но золотая страна – это игрушка. А ему нужно настоящее дело. Хотя с этим порталом – куда легче терпеть чужих. И вечный надзор.

Все валилось из рук и голова стала ватная. Его сопровождали даже в туалет. Одного раза пописать в присутствии чужого ему хватило. Два дня вовсе ничего не ел, а воду пил по глоточку – и в туалет не надо стало ходить. Только мерзнешь, поташнивает и голова кружится. Тарас как понял, в чем дело – отругал, велел не валять дурака и есть как следует:

– Да, мы тебе не доверяем. Но какая ж ты впечатлительная зараза! Голодать нельзя, понимаешь? Ну, Мурашка. Ты ведь честный. Если пообещаешь – мне пообещаешь, лично, что с горшка не удерешь в свою нору, я велю тебя на горшке не караулить.

– Пообещаю.

– Ну, и все тогда. Ладно, и в душ тоже никто не будет заходить. Все, пойдем, ты наконец поешь, чтоб все успокоились. И я с тобой пообедаю.

– Я мог бы пообещать, что вообще никуда не сунусь, – без надежды сказал Мур. – Смысла в вашей прямой охране нет никакого, – он протянул руку в золотой портал и сорвал с ветки шершавый зеленый листочек, протянул Тарасу: – Вот.

Тарас чуть побледнел. Забрал листик, спрятал в нагрудный карман и взял Мура за руку:

– Я не могу снимать охрану. Откуда ж ты свалился на мою голову, чудовище... Будем теперь за руку ходить.

С неделю днем сам Тарас вообще не отходил, не отпускал, все время занимал делом и тренировками и в буквальном смысле водил за руку, только разрешал кидать в открывающиеся проемы тяжеленькие оранжевые мячики-маячки. Потом на трехмерной карте техники отмечали координаты, покрывшие редкими белыми искорками пространство созвездия – Мур старался вычислить закономерности попаданий, но мало что понимал. Он вообще что-то плохо соображал, а разок вдруг так устал ото всей этой возни с мячиками и того, что голова непрерывно кружилась, что присел в уголок на диване в какой-то комнате и уснул. Проснулся, когда Тарас нес на руках к врачам. Как стыдно. К тому же половина маячков пропадала бесследно, наверное, они улетали или в другое время, или куда-то так далеко, что их невозможно было засечь – за пределы Дракона. Это почему-то ужасно расстраивало. Дня за три он обозначил каждый из открывающихся со станции проемов, или нор, как называл их Тарас, даже самые нестабильные, причем техники отмечали «пороги» липкой лентой разного цвета. Иногда для этого приходилось использовать подъемник – Мур не пропускал ни одного проема, включая те, которые открывались в потолке.

Жил как привязанный. В общем, это было терпимо, но все валилось из рук и хотелось только спать и поташнивало. Он старался пересиливать себя, но на тренировках его стали

ругать и стыдить. Учебник биологии застрял на половине и никуда не сдвигался, потому что Мур никак не мог пройти тест по биогеоценозам. А потом вдруг за обедом потемнело в глазах и он невольно положил тяжелую голову на стол. Опять уснул. Опять Тарас нес его на руках к врачам, только очень быстро, почти бегом, потому что Мур всерьез заболел. Стремительно, как в пропасть, ухнул в лихорадку под сорок, в темноту и жар. Пришел в себя в медицинской капсуле: глаза открыл, посмотрел на непонятные, двоящиеся огоньки датчиков, и закрыл обратно. Врачи его из капсулы выковыряли, попытались напоить и накормить – водички он попил, есть не смог. Сил не было даже голову держать. Все порталы закрылись. Лежал на белой кровати посреди просторной медицинской палаты, вроде бы спал. Вокруг ходили врачи, заезжал Игнатий, что-то хотел выпытать Тарас. Скоро заколотило ознобом: температура опять поднялась. А охраняющие волки все так же сидели на расстоянии вытянутой руки. Мур кое-как встал, пошел в туалет, вернулся – посмотрел на волков, лег на кровать и выключил сознание. Пусть делают, что хотят...

А проснулся – охраны нет. Только Тарас и врач Бор. Тарас спросил:

– Ну что, добился своего?

– А?

– Не будет тебе прямой охраны.

– Смысла нет. Все норы закрылись, – с трудом шевеля запекшимися губами, сказал

Мур. – Я не нарочно.

– Я знаю. Пей, – Тарас поднес стакан с яблочным соком. – Поправишься, и откроются.

Сбежишь тогда?

Мур выпил сразу полстакана, перевел дыхание и проворчал:

– Не проверишь – не узнаешь.

– Юмис велел не караулить, а тебе просил передать, чтоб ты не валял дурака и выздоравливал.

– Это он мне норы позакрывал?

– Не знаю, – удивился Тарас. – Он мог, наверно... Но не стал бы. Хочет тебе доверять. Думаю, у тебя на норы просто сил нет, все на расстройство из-за охраны уходит. Насчет нор, сказал, наша задача сделать так, чтоб тебе с нами было интереснее и лучше, чем где бы то ни было еще. Чтоб ты тут сидел, а не шлялся, где может быть опасно.

Муру стало стыдно. Его будут подкупать, как маленького дурака, чем-то интересным?

– А охранять тебя правда смысла никакого нет, сказал, все равно не уследить. Так что поправляйся давай, будем думать, что тебе интересно. Ты тут в зале имитаторов корабельных интерфейсов был?

5. Подарок

Жизнь на станции в эти дни крепко прижали морозы, даже по здешним меркам серьезные. О том, чтоб выйти в сизый мороз наружу, даже во дворик, думать было нечего.

И некогда. Он сперва струсил, когда предложили попробовать новые системы управления большими кораблями, появившиеся за то время, что его не было в Драконе. Но Игнатий объяснил, что навыки обычного маршевого пилотирования нужно восстановить, потому что они все равно необходимы. Мур начал восстанавливать и сидел за пультами, работая в разных режимах, с симбионтами и без, не замечая ничего и никого вокруг. Да если ему хоть когда-нибудь разрешат летать по-настоящему хотя бы на марше! Но о таймфаге, понятно, нечего и думать. В зал ротопультов даже войти не разрешили, Игнатий только пожал плечами:

– Зачем? Давно себя не жалел? Кто тебя без подготовки пустит в таймфаг после такого перерыва, с соплями вместо мускулов и истоптанными ногами? Надеюсь, сам не сунешься без спроса?

– Я бы только посмотрел...

– Себя мучить? Не выдержишь, ляжешь в ротопульт и сорвешь себе и нервы, и сухожилия. Ни мышц, ни растяжки. Дохлятина. Год тренировок, не меньше, тогда будет иметь смысл спросить, можно ли тебе в зал ротопультов. И это если ноги в расчет не принимать. Ортопеды на твоих ногах поставили жирный крест. Проще эти оторвать и пришить другие. Если уж серьезно захочешь в таймфаг – так и сделаем. Но не сейчас. Иди и занимайся делом, в котором гарантированно будет результат.

Кроме разбрасывания маячков и пилотажа, шли еще долгие медицинские обследования – никуда не денешься, и ежедневные, еще более долгие занятия в спортзале и бассейне. Муру некогда было себя вспомнить. Но он был рад заниматься, мешало только, что постоянно рядом было несколько специалистов, не спускавших с него глаз. И вечно недовольные им врачи. Это внимание взрослых не мешало работать, в конце концов, оно сопровождало в детстве всегда, избыточное, зоркое, неодолимое как невидимая стена, ограждающая от мира. Но это нынешнее внимание было куда недоверчивее, пристальнее и глубже, чем он помнил: неужели, открыв им свою главную тайну, он стал существом даже более ценным, чем тайм-навигатор? И кем это? Его изучали. Он терпел. Так надо.

Как доказать, что достоин доверия? Он не сбегал в свои норы – постепенно начавшие открываться на прежних местах. Работал, выбивая клин клином. Выкладывался на тренировках, внимательно смотрел образовательные программы для подростков по биологии и географии разных планет, за две недели прошел курс обществознания за среднюю школу и даже сдал экзамен на «отлично». На маршевых пультах его результаты росли в степенной зависимости – новая аппаратура так точно согласовывалась с ним самим, так подстраивалась под биометрию, что он не слишком понимал, почему инструкторы переглядываются. На этих пультах только идиот будет работать плохо. Ну, или обезьяна...

Прошло три недели. Вдруг утром, когда он пришел на силовую тренировку, там оказались старший специалист из зала маршевых, какой-то новый техник в белом комбинезоне и доктор. Мур замер.

– Игнатий разрешил, – это они так объясняют, в чем дело? – Давай, половинная нагрузка сейчас, не больше.

Да еще содрали майку и, вытряхнув из серебряистой емкости с надписью «Мур», прилепили свою медицинскую медузу на лопатки. Та окутала нежными и противными лепестками шею и плечи, широкой лентой раскатилось по позвоночнику, щекотным щупальцем проползла по левому боку и прозрачной нашлапкой размером с ладонь накрыла сердце. Рядом с доктором развернулись четыре больших экрана, и у специалистов еще два. Мур вздохнул и пошел

к тренажерам. Медуза не мешала ничуть, не весит почти ничего, но она противная... И под ней жарко. Мур молча отработал, что полагалось, потом в компании с медузой, специалистами и доктором отправился в бассейн. Спасибо, хоть там нагрузку оставили вчерашней. Но, пока он плавал, тренер что-то уж очень много командовал, то и дело меня упражнения... Одним из лучших моментов дня были прыжки с вышки, но и их сегодня взрослые подпортили:

– Нет, Мур, сейчас одно простое сальто – но сделай как в учебнике, понимаешь?

Раз пять он им сделал, как в учебнике. Потом, пока они что-то обсуждали на экранах и махнули рукой, мол, развлекайся пока, Мур прыгнул простой любимый прыжок из передней стойки с вращением назад. Потом с вращением вперед. Потом проверил больших – не смотрят, тогда подкрутил немного упругость доски, выровнял дыхание, посчитал пульс – и с поправкой на ускорение сердечного ритма прыгнул три оборота из задней стойки в группировке. Вот тогда что-то такое там у них случилось на экранах, что новый специалист вскинул руки. Тренер, когда он выбрался, показал большой палец: «Круто». Оба специалиста принялись о чем-то спрашивать доктора. Вообще-то пора уже было в душ, но они попросили:

– Мурчик, давай еще прыжок? Такой же.

– Он, пожалуй, может и ультра-си прыгать. Если подготовить, – вмешался тренер. – Мураш, ты что вчера вытворял?

– Стресс снимал, – вчера он вспоминал, как давным-давно орал в толпе зрителей, наблюдая соревнования по клифф-дайвингу – море-солнце-жара-сумасшедшие молодые парни, сигающие с высоченной скалы – и как потом сходили с ума мальчишки, прыгая в море с утесов. Он тоже прыгал. Он и сам с ума сходил от воды. На большую скалу их, конечно, никто не пускал, гоняли, да Мур и не был дураком, понимая, что для такого экстремального дела нужна подготовка и расчет... И вес. Так что пацаны, кидаясь с небольших утесов на глубину, соревновались в винтах и оборотах. Он насмотрелся тогда, напрыгался и, оказываясь у моря, сам подыскивал, где хорошенечко сигануть... чтоб дух захватило. Тренер за эти две недели навел порядок в его технике прыжков, и теперь Мур прыгал чистенько. С формулой в голове. Идеально анатомически, акробатически и функционально. С не меньшим удовольствием.

– Не надо ультра-си, – испугался доктор. – У нас бассейн для Мурчика – в порядке общефизической подготовки. Вот именно что стресс снимать. Нам за его ультра-си головы-то пооткусывают.

«Пооткусывают»? Интересно, кто? Мур немного подождал пульс под такты внутренней музыки и прыгнул, что велели – чтоб максимально по всем параметрам попасть в прежний, отлично удавшийся прыжок в три оборота в группировке. Попал. Тренер аж в ладоши похлопал. Они наконец отлепили свою медузу – втянула, милая, все лепестки и хлюпнула в емкость – отпустили в душ и «беги завтракать», а сами так и остались у стены в бассейне над замершей голубой водой что-то обсуждать за экранами. Не видно с изнанки, что там у них. Но предчувствия, что большие подложат какое-нибудь испытание если не в формате свиньи, то хоть поросеночка, оправдались очень скоро.

Тарас сам забрал из кафе (кажется, едва дождался, когда он дожует последний пирожок с малиной), и выражение его лица Мур понял, как осмысление сложных хлопот. Привел в новый зал. К новому пульту. Сперва стало страшно – пульт был мало похож на те уже знакомые, что в прежнем зале. Потом Мур пригляделся. И растерялся. Потом, если б не самообладание, заныл бы в голос, чтоб пустили за этот пульт немедленно. Все равно пустят. Это им даже больше интересно, чем ему. И – да, Тарас похлопал по плечу:

– Иди, не трус. Твоя игрушка.

Он шагочек за шагочком подошел. На самом деле – новый. Весь белый. Интерфейс ни на что не похож, сложные узоры, но сразу, с беглого взгляда, ясно, что именно эти узоры вытягивают из систем корабля. Еще техники в белых комбинезонах возились, человек десять (половина сигмы, один умник-тагет), что-то калибруя, настраивая, подгоняя. И еще

несколько специалистов из маршевого зала подошли. Взволнованные. Тоже в новых комбинезонах, нарядные. Стало неловко, что явился в спортивных штанах и свитере.

– Подарок тебе, – неслышно подъехал Игнатий. – С Геккона. Не от Близнецов, даже не думай. Они по другой части. Но этот новехонький маршевик сделан под Мега. И под новое поколение кораблей. Технологический синергизм настоящего. Лучшее, что есть.

– ...Только для Мега?

– Нет, нави тоже управятся. Но для Мега – особый режим. Юмис велел и тебе прислать эту новую игрушку.

– Он меня пугает.

– Не пульт ведь, я думаю?

– Пульт тоже... Слегка.

– И правильно. Не все Мега, что существенно, с ним поладят. С пультом, в смысле. Но у тебя, говорят, шансы есть.

– Что это во мне есть такого особенного?

– Самоконтроль, – ответил подошедший незнакомый специалист, тот, что был на тренировке и в бассейне. На рукаве рубашки у него был золотой геккончик в круге из девяти звезд. – Салют, Золотой Котик, мы все рады с тобой снова работать. Ты не волнуйся, мы в курсе, что у тебя был длительный перерыв, что ты только восстанавливаешься. Начнем потихоньку, нам спешить некуда...

Мур молча глубоко вздохнул. Для Юмиса он работал бы и без всяких интересных подарков. Опять стало стыдно.

– Не волнуйся, – кивнул, ничего, к счастью, не поняв, специалист. – Мы посмотрели данные твоих утренних тренировок и видим, что вся твоя биометрика коррелирует с эталоном этого пульта. Понимаешь, дружок, тут требуется именно тот сверхсамоконтроль... Которым ты известен. Ты вон даже во втором прыжке не то что элементы и дыхание – сердечный ритм способен повторить.

Мур чуть поклонился:

– Благодарю вас. Но чем выше затраты на контроль движений, тем ниже уровень оперативной свободы.

– Да вот нам и хотелось минимизировать эти затраты. Чтобы у пилота было больше свободы думать о том, он делает, а не о том – Ты же интересен тем, что на собственно контроль затрачиваешь меньше работы мозга, чем другие пилоты – при этом сам контроль качественно значительно выше. *что и зачем как.*

Мур не знал, что сказать на это. Надо просто стараться как следует, и все. Техник подбодрил улыбкой:

– Ну что, летаем?

– Да.

– Переодевайся.

Муру принесли необычный серый комбинезон с черной полосой по спине и змеящимися тонкими серебряными линиями по рукавам. Похож на тяжелый комбинезон для таймфага, но там, где следовало бы быть портам для шунтов ротопульта – ничего. И узоры полос совсем другие, какие-то... безопасные? Но с ними все понятно, пульт будет принимать сигнал не только с прикосновений, но и с движений плеч, локтей, лопаток, позвоночного столба... Слияние с кораблем, наверное, будет подобно слиянию в ротопульте, где мысль напрямую переводится в движение как управление системами... Это что ж за корабли нового поколения, если даже на марше уровень владения кораблем так высок? Ничего себе подарок от Юмиса.

Комбинезон облек тело, как вторая кожа. Первой активировалась медицинская система, как и в таймфаговых, и так же, как много лет назад, Мур опустил глаза на левое плечо, ожидая зеленый огонек допуска. Разве мог он даже мечтать... Что снова будет ждать этот огонечек...

Что снова... Огонек! Зеленый! ...Все будет снова!! Пусть это не тяжелый комбинезон к ротопульту, да и маршевый пульт – не таймфаг, но прикосновение сложной изнанки комбинезона к коже в мгновенной встряске блаженного озноба вернуло Муру громадный кусок собственной сущности. Какой-то первоначальной самости... Вот только ноги. Ноги без нагрузки. На штанах ничего нет, просто удобные штаны, текстиль... Ой. Какие ботиночки...

– Присядь-ка вот на стульчик... Ногами будешь сегменты пульта активировать, – техник сунул в руки Муру один белый ботинок (как от него пахло Гекконом!!) в стальных узорах, а сам сел на пол и завладел его правой ступней, обувая. – Вот посмотри, по бокам и на носке контактные элементы, ага? Сейчас, пойдем, у пульта объясню. Как что и куда чем пинать. Да грубо, да, очень грубо, это ж тебе не таймфаг. Теперь подошва... Мы усложнять не стали, но если вот этим коготком ты ткнешь в какую-то из нужных пяти дырок под пультом, то получишь разные сложные эффекты тяги пяти вспомогательных двигателей. Ну там вверх-вниз, дифферент, разворот, движение поперек оси – сам разберешься, но все это на парковке – там под пультом платы соответствующие. Под другую ногу у тебя идет вооружение... но на сегодня мы всю баллистику заблокируем, летать сначала научись, ага?

– А в ротопульте тяга основных маршевых под ногами.

– Ты из ротопульта не паркуешься и тем более не меняешь угол трека. Да, еще про ноги... Если ты бьешь обеими подошвами прямо в центр, вот сюда, то у тебя тяга начинает расти по экспоненте...

– Так не бывает!

– Теперь бывает. Но тут надо хорошо понимать, зачем тебе это вдруг стало надо, а руками успевать стабилизировать корабль. Ясно? Так, с ногами пока все.

– Да я уж понял, что главное – руки и плечи... И что это управляет какой-то сверхотзывчивой системой.

– Да, но пальцы работают так же много, что и на обычном маршевом. Система сложнее и проще одновременно. Дело, Золотой Котик, в новом двигателе. Тут лучше дать тебе самому все почувствовать, чем на пальцах объяснять. Ну, садись?

– Вообще-то страшновато.

– Допускаю, – усмехнулся техник. – Еще бы. Мы с тобой сегодня к рекордам не стремимся, сегодня – только осваиваемся. Потихонечку привыкаем. Давай, садись... начнем с режима «нави», освоишь, где что.

Все внутренние и внешние проблемы перестали существовать. Мур мало двигался и много думал, хотя новый пилотский шлем-симбионт мгновенно встраивал в память нужные знания. Мур учился. Поглядывал в экраны коллиматоров. Обкатывал простые маневры. Самые простые. Даже элементы маневров. Смотрел, что можно делать локтями, а что – плечами. Степень отзывчивости системы ошеломляла: контроль за движением рук нужен высочайший. Дело не просто в градусах углов, а чуть ли ни в минутах. Его окружали техники в симбионтах, отвечали на вопросы и приносили водички раньше, чем он соображал, что хочет пить. Им, похоже, было скучно – от Золотого Кота они явно ожидали большего. Но Мур не спешил. Незачем. Потом он решился, кивнул сам себе и сразу отработал каскад сложнейших маневров из освоенных вчера на обыкновенном маршевом пульте, – каскад учебный, то есть изуверски сложный, и выполнил его по-новому, когда большей частью элементов управляли локти и плечи. Не ошибся. Но все происходило так медленно! Потому что раскладку на пальцы или на, скажем угол наклона предплечья по отношению к кисти он выбирал по ходу дела. Техникам – как только он вошел в каскад, у них что-то загремело по железному полу и кто-то зашипел – маневр понравился, стали хвалить:

– Да все хорошо, да пульт сам на тебя настроится, вот смотри, как ты точно запястьем отработал градиент... И пульт запомнит, что ты градиент будешь правым запястьем отрабатывать... Это же только твой пульт, только индивидуальная настройка...

– Погодите, – в голове мелькнула шальная мысль. Дикая. Надо ловить и приручать. – Мне надо подумать. Идите кофе пить... А! Я хочу молока. Есть?

– Да, разумеется, – они были слегка разочарованы.

Мур снял шлем, отошел ото всех. Погулял вдоль дальней стены зала. Ходить в этих красивых ботиночках было жестковато. Все отошли в угол зала пить кофе, за ним наблюдал только Тарас, принесший большой стакан молока. Мур взял стакан обеими руками и долго пил. Даже устал пить. Пока пил – думал. Косился на Тараса. В кармане его куртки выпуклость выдавала, что там – на всякий случай – лежат со вчерашнего дня мячики-маячки. Мур наконец допил:

– Уф. Тарас, а сколько есть мячиков?

– Ты что, портал видишь?

– Ой, нет. Мне не до нор. Мячики мне дай, а, пожалуйста? Не активированные, а так? Можно? Мне надо поиграть. Я верну.

Тарас удивился, но мячики дал. Три тускло-оранжевых упругих сферы. Мур забрал мячики и опять отошел к стене. Ото всех отвернулся. В конце концов, цирковое училище на какой-то планете Доменов, в маленьком северном городке, было давно... Но он хорошо помнил, что позволяло ему никогда не ронять ничего из того, чем он жонглировал – музыка. Такт, ритм. Тон звуков. Главное – попасть в мелодию. Он припомнил ту цирковую бодрую песенку, повторил про себя припев – и на нужном такте запустил мячики в воздух. Сила – высота. Угол – направление. Скорость падения – время движения руки. Все отлично ложилось на ноты. Также всегда отлично ложились на ноты и все элементы прыжков в воду, только там музыка в сто раз быстрее... Ну и в ротопульте, конечно. Крутить тяжелую катушку корабельного таймфага куда проще под ту внутреннюю музыку, о которой Близнецам он ничего не рассказывал. Никогда.

Мячики он не ронял. Маловато трех-то... Так, ну все ясно, нечего время терять. Вернув мячики Тарасу, он бросился к пульту, схватил скорей шлем, надел – техники уже мчались к нему, приткнув куда попало недопитые стаканчики с кофе. Мур всех дождался, отработал тот же каскад под внутреннюю музыку – в пять раз быстрее; потом еще и еще, потом новые, посложнее... Устал, снял шлем и спросил:

– Точно, говорите, мой и больше ничей?

– Пока только твой, да.

– И я могу его во всем-во всем настроить, как мне надо?

– ...А ты представляешь, сколько это времени займет?

– Я не буду менять шаблоны маневров. Я ж вижу, что тот, кто их создавал, все сделал оптимально: где проще плечом, а где наклониться вправо-влево, куда локтем проще ткнуть... И так далее. Он за анатомией шел и... Ну, и вроде как за танцем. Но так занудно учить это все за ним... Мне лень. Мы вот что сделаем... Во-первых, нафиг этот режим «нави». То есть спасибо, он мне помог освоиться, но больше не нужен. Давайте мы сейчас активируем Мегу... И все встроенные шаблоны маневров я положу на ноты. На музыку... Пой – и лети. Просто делай музыку собой.

Взрослые смотрели на него одинаково непонятно и переглядывались.

– Ой. Так нельзя?

Никто не отвечал, только переглядывались. Подъехал Игнатий и молча наблюдал. Старший техник, тагет, зачем-то потер шею и сказал:

– А почему нет, собственно... Но... Ты хочешь, чтоб пульт звучал?

– Да. Диапазон скорости на октавы разложим... Двигатели на регистры... Ну, вы понимаете.

– Да вроде бы понимаем... У Юмиса пульт молчит, – опять потер шею техник. – Но вот сам-то он, когда ведет корабль, всегда мурлычет или напевает... Теперь понятно, зачем.

– Я слышал, как борт номер один встает на бункеровку, – сказал самый молодой из техников. – Он сам встает. В смысле, без пилота. И поет, да. Каждый раз одно и то же. Арию. «Скажите девушки, подружке вашей. Что я ночей не сплю, о ней мечтаю»...

– «Очей прекрасных огонь я обожаю»? – недоверчиво уточнил Тарас.

– «И на земле иного я счастья не желаю», – кивнул парень.

– Логично, – согласился Мур. – Признание пустых танков топливной смеси. Полная взаимность. Чего ж еще им желать, действительно.

Вмиг стало тихо. Мур струсил: наверно, нельзя разговаривать о посторонних вещах? Тарас засмеялся первым. Потом – Игнатий. Молодые переглядывались. Кто-то тихонько заржал. Вытирая слезы, Игнатий вытащил базу из экрана и набрал запрос, объясняя:

– Ребятки, так вы ж слов не знаете... старая ария... Сейчас видео подгоню... Ну, он пошалил, пошалил...

Видеозапись того, как борт номер один встает на бункеровку, совершая точные – как будто грациозные – маневры перед топливным терминалом, синхронизированная со старой арией про нежную страсть, сорвала весь учебный процесс. Мур вообще никогда не видел, чтоб взрослые дядьки так веселились. Даже чуть испугался. Он, конечно, их веселье понимал, но не в полной мере. Они б еще над повадками слонов в брачный период повеселились...

Большие спохватились – и быстро отправили его обедать и отдыхать, сказали, пока зальют в мозги пульт синтезатор и займутся тонкой настройкой:

– А сами песни или там арии попробуем завтра, потерпи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.